ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Варшавский Арсений Юрьевич

КОНФИГУРАЦИИ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ ПАРТИЙНЫХ КОАЛИЦИЙ В ПРЕЗИДЕНТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ УРУГВАЙ И ЧИЛИ

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Харитонова Оксана Геннадьевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Глава 1. Концептуализация факторов устойчивости президентских плюралистических систем и партийных коалиций 29
§1. Теоретико-методологические основания исследований устойчивости плюралистических политических систем 29
§2. Теоретические аспекты и методы исследования стабильности президентских систем 58
§3. Концептуальные подходы к анализу воспроизводства 69
партийных коалиций в президентских системах 69
§ 4. Описание методики качественного сравнительного анализа 84
Выводы Главы 1 89
Глава 2. Исторические, политико-культурные и социально-экономические факторы институционального развития, партийного строительства и коалиционирования в Уругвае и Чили 91
§ 1. Исторические, политико-культурные и социально-экономические аспекты стабильности партийных коалиций в Уругвае 91
§ 2. Исторические, политико-культурные и социально-экономические факторы устойчивости партийных коалиций в Чили 111
§ 3. Сущностные характеристики президентской системы и электорального процесса в Уругвае 130
§ 4. Ключевые признаки института президентства и избирательной системы в Чили 141
Выводы Главы 2 153
Глава 3. Качественный сравнительный анализ структурных и институциональных факторов устойчивости партийных коалиций 156
§ 1. Операционализация переменных 156
§ 2. Анализ структурных и институциональных факторов Уругвая 160
§ 3. Анализ структурных и институциональных факторов Чили 166
§ 4. Результаты качественного сравнительного анализа 172
§ 5. Интерпретация выявленных конфигураций устойчивости партийных коалиций 181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 191
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политические партии – ключевой институт политики, через который происходит агрегирование интересов различных слоев общества. В демократиях партии являются субъектами борьбы за власть, организованной политической силой, управляющей государством и переводящей политические и социальные конфликты в институциональное русло.

В странах с многопартийной системой формирование межпартийных коалиций создаёт благоприятное условие для формирования парламентского большинства. В то же время ряд исследований[1] указывает на то, что подобные коалиции труднодостижимы при президентстве.

В парламентских системах партии, входящие в правительственную коалицию, участвуют в формировании кабинета и несут коллективную политическую ответственность за деятельность правительства. В президентских системах, напротив, ключевая роль в формировании кабинета принадлежит главе государства, тогда как парламентские партии, даже поддержавшие кандидатуру президента на выборах или получившие представительство в исполнительной власти, не связаны с ним механизмами парламентской ответственности. Предвыборные договорённости, имеющиеся у президента с поддерживающими его партиями, не являются обязывающими[2]. Кроме того, включение представителей партий в состав кабинета не всегда гарантирует устойчивую поддержку президентской законодательной повестки

[1] Stepan A. and Skach C. Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarism Versus Presidentialism // World Politics. – Vol. 46. – No. 1. – 1993. – P. 1-22; Jones M. P. Electoral Laws and the Survival of Presidential Democracies. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1995. – 246 p.; Cheibub J. A., Przeworski A. & Saiegh S. M. Government Coalitions and Legislative Success Under Presidentialism and Parliamentarism // British Journal of Political Science. – 2004. – Vol. 34. – No. 4. – P. 565-587.

[2] Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination // Comparative Political Studies. – 1993. – Vol. 26. – No. 2. – P. 198-228.

со стороны соответствующих парламентских фракций[3]. Наконец, по мере приближения как президентских, так и парламентских выборов партийные лидеры нередко стараются отделить себя от действующего президента, опасаясь утратить свою идентичность и не перенять вину за ошибки предыдущего правительства[4].

Специфика партийных систем в президентских республиках проявляется также в несовпадении электоральных, кабинетных и законодательных коалиций[5]. Партия может поддерживать кандидата на президентских выборах, входить в состав кабинета или голосовать за отдельные инициативы главы государства, однако эти формы поддержки не всегда образуют устойчивое и дисциплинированное парламентское большинство. В результате коалиционирование в президентских системах приобретает более гибкий, переговорный и менее институционально связанный характер, чем в парламентских демократиях[6].

Партийные коалиции являются распространённым, хотя и не универсальным, явлением в многопартийных президентских системах стран Латинской Америки. Их формирование обусловлено сочетанием нескольких институциональных условий: раздельного избрания президента и парламента, фиксированного срока президентских полномочий, электоральных правил, способствующих многопартийности, фрагментации законодательного органа и частого отсутствия у президентской партии самостоятельного парламентского большинства. В этих условиях глава государства, даже обладая значительными полномочиями в сфере формирования кабинета и законодательной инициативы, нуждается в поддержке парламентских партий для

---

[3] Epstein, L. A Comparative Study of Canadian Parties // American Political Science Review. – 1964. – Vol. 58. – No. 1. – P. 45-59.

[4] Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination; Борисов Н. А. Президентская многопартийная система и стабильность демократии: российский вариант // Социология власти. – 2008. – № 4.– С. 209-218.

[5] Samuels D. J., and Shugart M. S. Presidents, Parties, and Prime Ministers: How the Separation of Powers Affects Party Organization and Behavior. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 310 p.

[6] Bonvecchi A., Scartascini C. The Presidency and the Executive Branch in Latin America: What We Know and What We Need to Know. – Washington, DC: Inter-American Development Bank, 2011. – (IDB Working Paper Series; No. IDB-WP-283). – 72 p.

проведения своей политической повестки[7]. Для партий участие в коалиции, в свою очередь, открывает доступ к выработке государственной политики, кабинетным позициям и политико-административным ресурсам, а также позволяет усилить собственные переговорные позиции в парламенте[8]. В таких условиях коалиционное взаимодействие в президентских системах проистекает в результате переговоров между главой государства, его партией и другими парламентскими силами[9]. Среди латиноамериканских стран с правящими партийными блоками своей устойчивостью выделяются президентские системы Уругвая и Чили.

С момента падения диктатуры и восстановления политического плюрализма в 1985 г., уругвайская партийная система является одной из самых стабильных в регионе и имеет глубокие исторические корни. Две крупнейшие партии Уругвая – Партия Колорадо (Partido Colorado) и Национальная партия (Partido Nacional, Blanco) – оформились в 1836 г., вскоре после обретения страной независимости[10]. Вместе с тем применительно к Уругваю необходимо учитывать особый характер партийной организации. Так, крупнейшие партии страны исторически были не монолитными структурами, а представляли собой объединения устойчивых фракций, секторов и политических движений. В этом смысле их можно рассматривать как «партии-коалиции», внутри которых коалиционность проявляется не только на уровне межпартийных соглашений, но и в самой организационной структуре партий.[11] Уругвайские партии в целом характеризуются фрагментированностью и наличием множества политических движений внутри каждой из них. Особо выделяется

---

[7] Borges A, Turgeon M, Presidential Coattails in Coalitional Presidentialism // Party Politics. – 2019. – Vol. 25. – No. 2. – P. 191-202.

[8] Thijm J. & Fernandes J. M. Parties and Coalition Governance in Presidential Democracies // Political Research Quarterly. – 2025. – Vol. 78. – No. 2. – P. 481-494.

[9] Couto L. Government Formation in Presidentialism: disentangling the combined effects of pre-electoral coalitions and legislative polarization // Latin American Politics and Society. – 2025. – Vol. 67. – No. 2. – P. 36-55.

[10] Партии Колорадо и Бланко так же называют «традиционными партиями» - *прим. автора.*

[11] Варшавский А.Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – № 4. – С. 673-686.

уругвайская коалиция «Широкий фронт» (Frente Amplio), состоящая из более двадцати партий левой и левоцентристской ориентации. Впервые получив большинство на всеобщих выборах 2004 г., «Широкий фронт» в течение трёх последовательных президентских сроков на протяжении 15 лет занимал большинство мест в обеих палатах парламента Уругвая, а президенты от этой партии находятся у власти третий срок подряд. После пятилетнего периода правления Национальной партии он вновь вернулся к власти по итогам выборов 2024 году.

Что касается Чили, после выборов 1989 г. и возврата к электорально-институциональному порядку в конце 1980-х гг. в стране сложилась многопартийная система, в которой межпартийная конкуренция на протяжении длительного времени была структурирована вокруг крупных электоральных коалиций. До недавнего времени самыми крупными из них были объединение левых и левоцентристских партий «Консертасьон» (Concertación de Partidos por la Democracia) и коалиция правых партий «Альянса» (Alianza por Chile). В настоящее время в чилийском парламенте депутатские и сенаторские места занимают представители 6 различных коалиций.

Уругвай и Чили, наряду с Коста-Рикой, занимают особое положение среди государств Латинской Америки с точки зрения наличия в этих странах институционально устойчивых представительных систем. Для них характерны устоявшееся разделение властей, развитая система сдержек и противовесов и сравнительно высокий уровень независимости судебной власти[12]. Одновременно обе страны выделяются высоким уровнем социально-экономического развития. Согласно данным Программы развития ООН за 2023 г., обе страны относятся к группе государств с очень высоким уровнем человеческого развития: значение соответствующего индекса составило 0,878 в Чили и 0,862 в Уругвае. Ожидаемая

[12] International IDEA. Latin America’s “Achilles’ Heel”: An Interview with Expert Dr Dinorah Azpuru, on the Rule of Law, Democracy and Democratic Education in the Region. – 2024. – URL: https://www.idea.int/blog/latin-americas-achilles-heel-interview-expert-dr-dinorah-azpuru-rule-law-democracy-and (дата обращения: 12.08.2026).

продолжительность обучения достигала соответственно 16,9 и 17,5 года[13]. В настоящей дисертации влияние социально-экономической среды рассматривается с учётом интенсивности распределительных противоречий, уровня институционального доверия и устойчивости партийного представительства.

В этой связи важно отметить, что в первой половине XX в. в уругвайском общественно-политическом дискурсе закрепился образ страны как «Suiza de América» – «Швейцарии Америки», связанный с представлениями о сравнительно высоком уровне социального развития и стабильностью государственных институтов и позднее ставший предметом критического переосмысления в национальной историографии[14]. Сходное, хотя значительно менее устойчивое, сравнение встречается и применительно к Чили, которую в зарубежной литературе также характеризовали как «Швейцарию Латинской Америки» вследствие её развитой правовой культурой и традиционно высоким значением формальных правил[15].

Актуальность исследования обуславливается несколькими обстоятельствами. Во-первых, среди всех латиноамериканских государств, переживших военные диктатуры во второй половине XX в., Уругвай и Чили являются самыми стабильными странами региона с точки зрения устойчивости выборных институтов власти. Во-вторых, на протяжении более 30 лет в обоих государствах коалиционные механизмы выступают устойчивым элементом функционирования партийной системы и президентско-парламентских отношений. В-третьих, несмотря на то, что политические партии и партийные коалиции всегда находились в фокусе исследования сравнительной

---

[13] United Nations Development Programme. Human Development Report 2025: A Matter of Choice: People and Possibilities in the Age of AI. – New York: UNDP, 2025. – Table 1. Human Development Index and its components. – URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2025_HDR/HDR25_Statistical_Annex_HDI_Table.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

[14] Caetano G. De la “Suiza de América” al “Uruguay como problema”. La génesis del pensamiento de Alberto Methol Ferré // Iberoamericana – Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. – 2018. – Vol. 47. – No. 1. – P. 63-73.

[15] Shepard B. The “Double Discourse” on Sexual and Reproductive Rights in Latin America: The Chasm between Public Policy and Private Actions // Health and Human Rights. – 2000. – Vol. 4. – No. 2. – P. 110-143.

политологии, они, как правило, свойственны парламентским системам. Процессы коалиционирования в президентских системах и, в частности, в Уругвае и Чили, имеют качественно иной характер, связанный с широкими полномочиями главы государства, который может прямо определять характер формируемой коалиции, однако нуждается в поддержке законодательного органа для проведения своей программы. Президент влияет на формат и устойчивость коалиции через распределение министерских постов, включение партий в выработку политического курса и определение приоритетов законодательной повестки. Цель такого взаимодействия состоит в создании парламентской опоры, необходимой для принятия законов и снижения риска блокирования президентских инициатив. Более того, применительно к Уругваю и Чили – двум из наиболее стабильных государств Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) с точки зрения устойчивости политических институтов, – традиция коалиционирования политических партий связана не только с установленными формальными институциональными правилами президентского правления и электорального процесса, но также с исторически сложившимися особенностями культурного развития обществ и социально-политической среды этих стран, способствовавших укреплению партийных коалиций как неотъемлемого элемента их политических систем. Эти процессы требуют теоретического осмысления, анализа новых тенденций, уточнения и интерпретации функций и роли партийных коалиций в консолидации конкурентных политических систем. В этой связи в фокусе настоящего исследования находится выявление исторически сформировавшихся структурных и институциональных факторов длительной выживаемости партийных коалиций в президентских демократиях изучаемых государств.

В этом контексте выдвинут **исследовательский вопрос**: совокупность каких факторов влияет на устойчивость партийных коалиций в консолидированных президентских системах?

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока, однако в существующей литературе сохраняется потребность в более системном анализе факторов, обеспечивающих устойчивость партийных коалиций в президентских демократиях применительно к Уругваю и Чили. Всю литературу, представленную в основном западной политической мыслью, можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся авторы, изучающие устойчивость демократических систем. Институциональный аспект стабильности плюралистических форм государственного устройства рассматривается в работах как «классиков» политической науки в лице Р. Даля, Ч. Линдблома, А. Пшеворского и Г. О'Доннелла[16], так и современных авторов: В. Мечковой, А. Люрманн, С. Линдберга, М. Коппеджа, Г. Л. Мунка, С. Мэйнуоринга и А. Перес-Линьяна, Г. Л. Мунка, Ф. Фрайденберг[17] и др. Анализ стабильности демократий с точки зрения исторического институционализма подробно представлен в трудах Дж. Махони, П. Пирсона, Т. Скочпол, М. Леви[18]. Процессы формирования «критических развилок» и «тропы зависимости» в развитии государственных институтов, которые подробно описываются в ходе проведения

---

[16] Dahl A. R., Lindblom C.E. Politics, Economics, and Welfare. – New York: Harper and Brothers, 1953. – 557 p.; Przeworski A. ¿Por qué tomarse la molestia de hacer elecciones? Pequeño manual para entender el funcionamiento de la democracia. – Buenos Aires: Siglo XXI Editores, 2019. – 173 p.; O'Donnell G. A. Delegative Democracy // Journal of Democracy. – 1994. – Vol. 5. – No. 1. – P. 55-69.

[17] Mechkova V., Lührmann A. & Lindberg S. I. How much democratic backsliding? // Journal of Democracy. – 2017. – Vol. 28. – No. 4. – P. 162-169.; Munck G. L., Leff C. Modes of Transition and Democratization: South America and Eastern Europe in Comparative Perspective // Comparative Politics. – 1997. – Vol. 29. – No. 3. – P. 343-362; Mainwaring S. & Pérez-Liñan A. Democratic Breakdown and Survival // Journal of Democracy. – 2013. – Vol. 24. – No. 2. – P. 123-137.; Munck G. L. Los Orígenes y la Durabilidad de la Democracia en América Latina: Avances y Retos de una Agenda de Investigación // Revista de Ciencia Política. – 2010. – Vol. 30. – No. 3. – P. 573-597; Freidenberg F. Democracy in Latin America: Between Backsliding and Resilience // Athena – Critical Inquiries in Law, Philosophy and Globalization. – 2024. – Vol. 4. – No. 1. – P. 68-109.

[18] Mahoney J. The Legacies of Liberalism: Path Dependence and Political Regimes in Central America. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. – 416 p.; Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. – 208 p.; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979. – 407 p.; Levi M. A Model, a Method, and a Map: Rational Choice in Comparative and Historical Analysis // Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure / ed. by M. I. Lichbach, A. S. Zuckerman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 19-41.

качественного анализа партийных систем Уругвая и Чили, раскрываются в работах Р. Кольера, К. Телен, Т. Скалли и В. Патцельта[19].

Социально-экономические основания устойчивости демократических систем, начало которой во многом положили в середине 1950-х годов С. М. Липсет, Г. Алмонд и С. Верба[20], получили предметное развитие в исследованиях современных авторов. Так, экономические предпосылки к долгосрочной стабильности демократий представлены, главным образом, в работах А. Пшеворского, Ф. Лимонджи, Д. Асемоглу, Ф. Мартана, Р. Вацерга, Б. Анселла, С. Хаггарда и Д. Трейсмана[21]. Факторы, связанные с культурой и ценностями, описаны Р. Инглхартом, К. Вельцелем, Л, Морлино, К. Х. Нутсеном, Т. Ванханеном и др.[22]

Ко второй группе изучаемой литературы относятся труды, рассматривающие теоретические основания исследований устойчивости президентских систем. В

---

[19] Collier R. B., Collier D. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2002. – 898 p.; Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. – 1999. – Vol. 2. – P. 364-404; Scully T. R. Rethinking the Center: Party Politics in Nineteenth and Twentieth Century Chile. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. – 292 p.; Патцельт Вернер Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 50-70.

[20] Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review. – 1959. – Vol. 53. – No. 1. – P. 69-105; Almond G. A. & Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / Almond G. A. & Verba S. Princeton University Press, 1963. – 576 p.

[21] Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts // World Politics. – 1997. – Vol. 49. – No. 2. – P. 155-183; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Income and Democracy // American Economic Review. – 2008. – Vol. 98. – No. 3. – P. 808-842; Murtin F., Wacziarg R. The Democratic Transition // Journal of Economic Growth. – 2014. – Vol. 19. – No. 2. – P. 141-181; Ansell B. & Samuels D. Why Inequality Not Undermine Democracy / University of Oxford. – 2018. – 46 p.; Haggard S., Kaufman R. R. Inequality and Regime Change: Democratic Transitions and the Stability of Democratic Rule // American Political Science Review. – 2012. – Vol. 106. – No. 3. – P. 495-516; Treisman D. Economic Development and Democracy: Predispositions and Triggers // Annual Review of Political Science. – 2020. – Vol. 23. – No. 1. – P. 241-257

[22] Inglehart R. & Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. – Cambridge University Press, 2005. – 344 P.; Diamond L., Morlino L. The Quality of Democracy: An Overview // Journal of Democracy. – 2004. – Vol. 15. – No. 4. – P. 20-31; Rød E. G., Knutsen C. H., Hegre H. The Determinants of Democracy: A Sensitivity Analysis // Public Choice. – 2020. – Vol. 185. – No. 1-2. – P. 87-111; Vanhanen T. Measures of Democracy 1800-2012 (Dataset) // Finnish Social Science Data Archive. – 2019. – P. 1-29.

настоящем исследовании определение основополагающих качеств президентских систем строится на основе предложенной М. С. Шугартом и Дж. М. Кэри матрицы демократических систем[23], которой в то же время противопоставляются аргументы Х. Линца в части критики эффективности институтов стран с избранным главой исполнительной власти[24]. Существенной базой для проведения понимания качественных аспектов президентских систем Уругвая и Чили послужили множественные труды авторов, занимающихся анализом президентских демократий в странах ЛАКБ, в частности, С. Моргенстерна, Г. Л. Негретто, Л. Марстеинредет, Д. Де Мичели, М. А. Мело, К. Бункера, А. Перес-Линьяна[25].

Особо стоит отметить значение трудов российских исследователей Е. Ю. Богуша, А. А. Щелчкова[26], З. В. Ивановского, Л. В. Дьяковой, Э. С. Дабагяна, А. С. Андреева, Э. В. Зизиевой, А. А. Слинько, С. С. Смаль[27], которые детально

---

[23] Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. – New York: Cambridge University Press, 1992. – 332 p.

[24] Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1. – No. 1. – P. 51-61.

[25] Morgenstern S., Perez A. & Peterson M. Revisiting Shugart and Carey's Relation of Executive Powers and Democratic Breakdown // Political Studies Review. – 2020. – Vol. 18. – No. 1. – P. 125-144; Negretto G. L. Tinkering with Executive Term Limits: Partisan Imbalances and Institutional Legacies in Latin America // Democratization. – 2022. – Vol. 29. – No. 1. – P. 38-56; Marsteintredet L. Explaining Variation of Executive Instability in Presidential Regimes: Presidential Interruptions in Latin America // International Political Science Review. – 2014. – Vol. 35. – No. 2. – P. 173-194; De Micheli D., Sanchez-Gomez J. T., Roberts K. M. Tenuous Pacts and Multiparty Coalitions: The Politics of Presidential Impeachment in Latin America // Journal of Latin American Studies. – 2022. – Vol. 54. – No. 2. – P. 283-311; Melo M. A. Strong Presidents, Robust Democracies? Separation of Powers and Rule of Law in Latin America // Brazilian Political Science Review. – 2009. – Vol. 3. – No. 2. – P. 30-59; Bunker K. Why Do Parties Cooperate in Presidentialism? Electoral and Government Coalition Formation in Latin America // Revista de Estudios Políticos. – 2019. – No. 186. – P. 171–199; Pérez-Liñán A., Schmidt N., Vairo D. Presidential Hegemony and Democratic Backsliding in Latin America, 1925–2016 // Democratization. – 2019. – Vol. 26. – No. 4. – P. 606-625.

[26] Е. Ю. Богуш, А. А. Щелчков Политическая история Чили XX века. Москва: Высшая школа, 2009. – 224 с.

[27] Ивановский З.В. Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2010. – 86 с.; Ивановский З. В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 126 с.; Ивановский З. В. Политические сдвиги в Латинской Америке: новые реалии, вызовы и возможности // Свободная мысль. – 2023. – № 1 (1697). – С. 129-144.; Ивановский З. В. Электоральные процессы в Латинской Америке в 2024 году. Противоречивые итоги // Свободная мысль. – 2025. – № 2 (1710). – С. 103-126; Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности / отв. ред. З. В. Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2022. – 586 с.; Дьякова Л. В. Чилийская демократия: преемственность

рассматривают ключевые черты развития уругвайской и чилийской политий на современном этапе. Множественные институциональные аспекты президентских демократий описывала О. Г. Харитонова[28], изучением культуры и ценностей занимаются, в частности, А. В. Коротаев и Л. Е. Гринин[29]. Различные аспекты трансформации обществ и политического выбора отражены в работах Т. Т. Тимофеева и Б. И. Коваля[30]. К числу видных отечественных латиноамериканистов можно отнести В. А. Бородаева, В. А. Голиней, В. М. Давыдова, Н. А. Добронравина, Я. В. Лексютину, Н. В. Калашникова, Р. В. Костюк, Н. Ю. Кудеярову, Д. В. Морозова, Л. Б. Николаеву, А. А. Манухин, Б. Ф. Мартынова, Л. С. Окуневу, А. Н. Пятакова, С. М. Хенкина, В. Л. Хейфец, Я. Г. Шемякина, П. П. Яковлева[31]. Предметным изучением

и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2013. – 325 с.; Дьякова Л.В. «Новые левые» в Чили перед лицом экзистенциальных проблем // Латинская Америка. – 2023. – № 4. – С. 6-21; Дабагян Э. С. Уругвай: уроки демократии // Латинская Америка. – 2020. –№ 8. – С. 20-28.; Андреев А. С. Уругвай – США: эволюция двусторонних отношений при правительствах Широкого фронта // Латинская Америка. – 2019. – № 9. – С. 76-89; Зизева Э. В. Влияние анархо-синдикалистских идей на Движение за национальное освобождение — Тупамарос в Уругвае (1962–1973) // Латинская Америка. – 2020. – № 7. – С. 68-78; Слинько А. А. Десакрализация политики: «тихая революция» в Уругвае // Латинская Америка. – 2017. – № 6. – С. 99-102; Смаль С. В. Социальная политика в программах политических партий Чили: опыт контент-анализа // Латинская Америка. – 2023. – № 1. – С. 39-55.

[28] Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – № 19. – С. 199-213; Метаморфозы разделенных обществ: монография / И. В. Кудряшова, О. Г. Харитонова, С. М. Хенкин [и др.]; под ред. И. В. Кудряшовой, О. Г. Харитоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.; Харитонова О. Г., Мальченко А. А. Идеологическая дистанция и ловушки шантажного потенциала: структурные факторы создания правительственных коалиций в Латинской Америке // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 103-124.

[29] Korotaev, A. et al A Trap at The Escape from The Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia // Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution. – 2011. – Vol. 2. – No. 2. – P. 276-303; Grinin L. How Globalization Shifts the Global Economic and Political Balance // Journal of Chinese Philosophy. – 2021. – Vol. 48. – No. 2. – P. 222-234.

[30] Социальные идеалы и политика в меняющемся мире: сб. ст. / Т. Т. Тимофеев, А. Прост, С. Муссо, Б. И. Коваль; под ред. Т. Т. Тимофеева [и др.]. – М.: Наука, 1992. – 246 с.

[31] Бородаев В. А. Роль политического лидерства в Кубинской революции // Латинская Америка. – 2008. – № 10. – С. 6-23.; Бородаев В. А. Латиноамериканская интеграция // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2015. – № 1. – С. 3-17; Бородаев В. А. Эпизоды формирования кубинской нации // Этносоциум и межнациональная культура. – 2024. – № 9 (195). – С. 83-104.; Голиней В. А. Влияние внутренних и внешних факторов на государственность в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2023. – № 9. – С. 58-70.; Давыдов В. М. Латиноаменриканистика нашего времени: ее истоки, результаты и ориентиры на перспективу // Латинская Америка. – 2019. –№ 7.

президентских систем с точки зрения функционирования политических институтов в отечественной политологии занимаются Н. И. Борисов и О. И. Зазнаев[32].

– С. 8-28.; Калашников Н. В., Морозов Д. В., Николаева Л. Б. Никарагуа: выборы в условиях кризиса // Латинская Америка. – 2021. – № 8. – С. 22-37.; Kostiuk R. The new left in contemporary Latin America // Latinskaia Amerika. – 2022. – Issue 8. – P. 6-21.; Кудеярова Н. Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. – 2017. – № 2. – С. 76-91.; Манухин А. А. Колумбийские герильи и левые режимы Латинской Америки: очерки формирования «квазисоюза» // Латинская Америка. – 2020. – № 7. – С. 49-67.; Мартынов Б. Ф. Латинская Америка: новое время, новые перспективы // Латинская Америка. – 2017. – № 4. – С. 23-33.; Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX — начало XXI в.) / Б. Ф. Мартынов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 320 с.; Мартынов Б. Ф. Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу / Б. Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2020. – № 2. – С. 19-29.; Мартынов Б. Ф. Специфика социально-политической динамики в государствах Латинской Америки: пестрая картина на фоне приближающегося юбилея // Проблемы национальной стратегии. – 2023. – № 2 (77). – С. 42-49; Окунева Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.-2006 г.) / Л. С. Окунева; МГИМО (У) МИД России - М.: МГИМО-Университет, 2008. - 823 с.; Окунева Л. С. Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота») // Иберoамериканские тетради. – 2016. – № 4. – С. 33-39; Окунева Л. С. К вопросу о новейших трендах политических процессов в Латинской Америке: перспективы и вызовы // Иберoамериканские тетради. – 2018. – № 2. – С.11-13.; Окунева Л. С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 г.? // Латинская Америка. – 2020. – №1. – С. 8-21.; Пятаков А. Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 65-93.; Хенкин С. М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии, 20–30-е гг. XX в. / отв. ред. Б. И. Коваль. – М.: Наука, 1985. – 173 с.; Хенкин С. М. «Три консенсуса» на пути к демократии // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 188–191; Хенкин С. М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 129-135; Хенкин С. М. Политические системы стран Латинской Америки: учеб. пособие / Хенкин С. М., Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. сравнительной политологии, Иберoамериканский центр МГИМО. – М.: МГИМО-Университет МИД России, 2014. – 46 с; Хенкин С. М. Феномен Подемос // Иберoамериканские тетради. – 2016. – № 1 (11). – С. 15–20; В. Л. Хейфец, Я. В. Лексютина, Н. А. Добронравин От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / В. Л. Хейфец, Я. В. Лексютина, Н. А. Добронравин [и др.]. – Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2019. – 494 с.; Шемякин Я. Г. К вопросу о культурной детерминации различных сфер жизни социума. Духовно-ценностное измерение // Латинская Америка. – 2022. – № 11. – С. 6-25.; Яковлев П. П. Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // Латинская Америка. – 2016. – № 5. – С. 12-29.

[32] Борисов Н. А. Институциональный выбор в позднесоветских политических системах: формирование моделей президентства // Политическая наука. – 2017. – № 3. – С. 80-104; Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 290-305.

Исходя из темы данного исследования и поставленных задач, объёмный пласт изучаемой научной литературы посвящён особенностям образования партий и формирования партийных коалиций в президентских системах. Несмотря на преобладание политологических исследований по различным характеристикам коалиционирования преимущественно в парламентских формах правления, теоретические аспекты коалиционирования в государствах латиноамериканского региона достаточно детально раскрываются в работах Х. А. Чейбуба, А. Пшеворского, С. М. Саеха, П. Чейсти, А. Борхеса, С. Мартинеса-Гальярдо, С. Сукко[33] и др. Вопрос влияния распределения сил в законодательных органах между вето-игроками на стимулы к выстраиванию коалиций подробно рассматривался в работах Э. Алемана, Дж. Цебелиса, А. Албалы, Ф. Лимонджи, А. Ч. Фигейредо.[34] Электоральные аспекты и ресурсные мотивировки для формирования коалиций в президентских системах подробно освещают в своих трудах Й. Фроденрайх, М. Келлам, К. Бёрч, Ф. Лопес[35] и др. Достаточно детальный анализ различных аспектов

[33] Cheibub J. A., Przeworski A. & Saiegh S. M. Government Coalitions and Legislative Success Under Presidentialism and Parliamentarism.; Chaisty P., Power T. J. Flying Solo: Explaining Single-Party Cabinets Under Minority Presidentialism // European Journal of Political Research. – 2019. – Vol. 58. – No. 1. – P. 163-183; Borges A., Turgeon M., Albala A. Electoral Incentives to Coalition Formation in Multiparty Presidential Systems // Party Politics. – 2021. – Vol. 27. – No. 6. – P. 1279-1289; Martinez-Gallardo C. Designing Cabinets: Presidential Politics and Ministerial Instability // Journal of Politics in Latin America. – 2014. – Vol. 6. – No. 2. – P. 3-38; Zucco C. Jr. Legislative Coalitions in Presidential Systems: The Case of Uruguay // Latin American Politics and Society – 2013. – Vol. 55. – No. 1. – P. 96-118.

[34] Alemán E. & Tsebelis G. Partidos Políticos y Coaliciones de Gobierno en las Américas // Política Revista de Ciencia Política. – 2012. – Vol. 50. – No 2. – P. 5-32.; Tsebelis G. Decision Making in Political Systems: Veto Players in Presidentialism, Parliamentarism, Multicameralism and Multipartyism // British Journal of Political Science. – 1995. – Vol. 25. – No. 3. – P. 289-325; Albala A. When Do Coalitions Form Under Presidentialism, and Why Does it Matter? A Configurational Analysis from Latin America // Politics. – 2020. – Vol. 41. – No. 3. – P. 351-370; Figueiredo A. & Limongi F. Presidential Power, Legislative Organization, and Party Behavior in Brazil // Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No. 2. – P. 151-170.

[35] Freudenreich J. The Formation of Cabinet Coalitions in Presidential Systems // Latin American Politics and Society. – 2016. – Vol. 58. – No. 4. – P. 80-102; Kellam M. Why Pre-electoral Coalitions in Presidential Systems? // British Journal of Political Science. – 2017. – Vol. 47. – No. 2. – P. 391-411; Bersch K., Lopez F. & Taylor M. M. Patronage and Presidential Coalition Formation // Political Research Quarterly. – 2023. – Vol. 76. – No. 2. – P. 508-523.

образования и развития политических партий на современном этапе представлен в работах российских учёных, в частности. Г. В. Голосова, Б. И. Макаренко, Е. Ю. Мелешкиной, Ю. Г. Коргунюка[36].

Источниковую базу исследования составили несколько групп материалов:

1. нормативно-правовые документы Уругвая и Чили, включая конституции, конституционные реформы и законодательные акты, регулирующие функционирование законодательной власти и избирательных систем[37];
2. официальные материалы государственных, парламентских и избирательных органов Уругвая и Чили, в том числе данные Избирательного суда Уругвая (Corte Electoral), Избирательной службы Чили (Servicio Electoral de Chile) и Библиотеки Национального конгресса Чили (Biblioteca del Congreso Nacional de Chile), а также официальные историко-справочные и архивные материалы, использованные при анализе развития партийных систем, электоральных процессов и коалиционного взаимодействия[38];

---

[36] Голосов Г. В. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / под ред. Б.И. Макаренко. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.; Макаренко Б. И., Локшин И. М. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 85-109; Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Пропорциональная избирательная система и опасности президенциализма: российский случай // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 5. – С. 8-24; Коргунюк Ю. Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. – 2019. – № 6. – С. 95-112.

[37] Constitución de la República. – 2004. – URL: https://www.oas.org/dil/esp/Constitucion_Uruguay.pdf (дата обращения: 14.12.2024); Constitución Política de la República // Cámara de Diputadas y Diputados de Chile. – URL: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (дата обращения: 07.10.2024); Ley Orgánica Constitucional del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – URL: https://bcn.cl/2fkep (дата обращения: 07.10.2024); Ley N.º 20.840. Sustituye el sistema electoral binominal por uno de carácter proporcional inclusivo y fortalece la representatividad del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Ley Chile. – Publicada el 5 de mayo de 2015. – URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1077039 (дата обращения: 10.08.2024); Ley N.º 20.050. Reforma constitucional que introduce diversas modificaciones a la Constitución Política de la República // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – 26.08.2005. – URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=241331 (дата обращения: 08.05.2026).

[38] Elecciones Nacionales 2014 / Corte Electoral de la República Oriental del Uruguay. – URL: https://www.corteelectoral.gub.uy/estadisticas/nacionales/elecciones_nacionales2014 (дата обращения: 14.09.2024); Resultados Electorales Históricos / Servicio Electoral de Chile. – URL:

3. материалы социологических исследований и опросов общественного мнения, прежде всего Latinobarómetro, World Values Survey и Centro de Estudios Públicos, позволяющие оценить динамику институционального доверия и политических установок[39];
4. международные сравнительные базы данных и индексы, включая Varieties of Democracy (V-Dem), Polity IV, Database of Political Institutions (DPI) и Measures of Democracy Т. Ванханена[40];
5. статистические материалы Всемирного банка, Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК/CEPAL) и

---

https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/ (дата обращения: 05.02.2024); Elecciones parlamentarias de 1989 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Historia Política. – URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1%2F63210&periodo=1973-1990 (дата обращения: 20.07.2025); Institución Nacional de Derechos Humanos y Defensoría del Pueblo. Línea de tiempo sobre el pasado reciente. – Montevideo, 2018. – URL: https://www.gub.uy/institucion-nacional-derechos-humanos-uruguay/sites/institucion-nacional-derechos-humanos-uruguay/files/documentos/publicaciones/Linea-de-tiempo-muestra-ex-SID-27-de-junio-de-2018-baja.pdf (дата обращения: 17.07.2024); El gobierno de la Unidad Popular (1970–1973) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/wiki/portadaut_elgobiernodelaunidadpopular_1970_1973_.php (дата обращения: 12.08.2026).

[39] Informe Latinobarometro 2023. – URL: https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp (дата обращения: 14.10.2024); Informe Latinobarometro 2017. – URL: www.latinobarometro.org/LATDocs/F00006433-InfLatinobarometro2017.pdf (дата обращения: 16.11.2020); World Values Survey wave 6 (2010–2014). – URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp (дата обращения: 15.02.2018); Estudio Social y de Opinión Pública № 16, diciembre 1990 / Centro de Estudios Públicos. – URL: https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-social-y-de-opinion-publica-n16-diciembre-1990/ (дата обращения: 05.02.2024); Estudio Social y de Opinión Pública № 85, agosto 2021 / Centro de Estudios Públicos. – URL: https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-nacional-de-opinion-publica-n85-agosto-2021/ (дата обращения: 05.02.2024).

[40] Varieties of Democracy Analysis. – URL: https://www.v-dem.net/en/analysis/ (дата обращения: 20.11.2020); Polity IV Individual Country Regime Trends. – URL: http://www.systemicpeace.org/polity/polity4x.htm (дата обращения: 16.11.2020); The Database of Political Institutions (DPI) / Inter-American Development Bank. – URL: https://data.iadb.org/dataset/the-database-of-political-institutions-dpi-2020 (дата обращения: 14.12.2024); Vanhanen T. Measures of Democracy 1800–2012 (Dataset) // Finnish Social Science Data Archive. – 2019. – P. 1–29. – URL: https://services.fsd.tuni.fi/catalogue/FSD1289/PIP/bgF1289_1_mul.pdf (дата обращения: 14.10.2024).

Программы развития ООН, использованные для анализа социально-экономических условий развития исследуемых государств[41].

Совокупность указанных источников позволяет проследить историческую эволюцию партийно-коалиционных систем Уругвая и Чили, оценить их социально-экономические и институциональные характеристики и сформировать эмпирическую основу для качественного сравнительного анализа факторов устойчивости партийных коалиций.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Основной методологический подход настоящего исследования – неоинституционализм. В отличие от классического институционального подхода, преимущественно сосредоточенного на формально-правовых структурах государственной власти, неоинституционализм рассматривает институты шире – как совокупность формальных правил, неформальных норм и механизмов принуждения, структурирующих политическое, экономическое и социальное взаимодействие. В этом отношении автор опирается на определение Д. Норта, согласно которому институты представляют собой «созданные людьми ограничители, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия»[42]. К таким ограничителям относятся не только конституции, законы, избирательные правила и процедуры принятия решений, но и устойчивые политические традиции, нормы межпартийного взаимодействия, практики согласования интересов, модели политического поведения и элементы политической культуры.

---

[41] [41]The World Bank in Latin America and the Carribean. – URL: https://www.worldbank.org/en/region/lac (дата обращения: 16.11.2020); Social Panorama of Latin America 2021 / Economic Commission for Latin America and the Caribbean. Digital Depositary. – URL: https://repositorio.cepal.org/entities/publication/278a0b8b-98a7-4c2f-8242-fda81ca7b193 (дата обращения: 14.12.2024); United Nations Development Programme. Human Development Report 2025: A Matter of Choice: People and Possibilities in the Age of AI. – New York: UNDP, 2025. – Table 1. Human Development Index and its components. – URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2025_HDR/HDR25_Statistical_Annex_HDI_Table.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

[42] North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

В рамках настоящего исследования неоинституциональный подход используется как общая аналитическая рамка, позволяющая связать формальные характеристики президентской системы с неформальными практиками коалиционного взаимодействия. Исторический институционализм позволяет учитывать значение критических развилок, институциональной преемственности и наследия политического развития Уругвая и Чили. В свою очередь, анализ стратегического поведения акторов в рамках заданных институциональных стимулов позволяет объяснить, каким образом президенты, партии и парламентские фракции выстраивают коалиционные договорённости. Социально-экономические факторы изучаются через их влияние на институциональное доверие, характер политической конкуренции, устойчивость партийных систем и готовность акторов к межпартийному согласованию.

Такая методологическая логика соответствует конфигурационному характеру исследования. Устойчивость партийных коалиций рассматривается в качестве исторически сложившегося результата сочетания институциональных и социально-экономических условий. Именно поэтому применение качественного сравнительного анализа позволяет выявить не универсальную линейную зависимость, а несколько возможных конфигураций факторов, способствующих устойчивому функционированию партийных коалиций в президентских республиках Уругвая и Чили.

При анализе институциональных оснований конкурентной демократии автор опирается на концепцию полиархии Р. Даля, а также на более широкий плюралистический подход Р. Даля и Ч. Линдблома, который выделяет совокупность институтов, наличие которых обеспечивает длительную стабильность политии[43]. В работе также используется современная трактовка концепции «демократической устойчивости», предложенная В. Меркелем и А. Люрманном, которую можно

[43] Dahl R. A., Lindblom C.E. Politics, Economics, and Welfare.

рассматривать как «способность политической системы, её институтов, политических акторов и граждан предотвращать или преодолевать внутренние или внешние вызовы, сохраняя при этом демократическую сущность»[44].

Исторический анализ устойчивости партийных систем опирается на теории критических развилок и тропы зависимости, а также предложенную А. Пересом-Линьяном и С. Мейнуорингом концепцию «наследия режима», которая используется для объяснения того, в какой степени «историческое прошлое обусловливает текущее состояние демократических систем»[45].

Анализ социально-экономических и культурных аспектов долгосрочной устойчивости партийных систем в стабильных конкурентных политических систем автор строится, в частности, на предложенную Д. Трейсманом «условную теорию модернизации»[46]. В отличие от классических версий теории модернизации, связывающих экономическое развитие с повышением вероятности демократизации, Трейсман подчёркивает, что экономический прогресс в обособленном виде не является следствием установления или сохранения демократии. Он формирует структурную предрасположенность к развитию конкурентных и подотчётных институтов, тогда как её реализация зависит от политического контекста, действий акторов и конкретных исторических обстоятельств.

Анализ ключевых принципов устройства партийных систем Уругвая и Чили опирается на классические работы Р. Даля[47] и С. М. Липсета[48], которые видят в партиях обязательный компонент, ключевой для установления политического направления и укрепления демократических процессов. Теоретические труды

---

[44] Merkel W. and Lührmann A. Resilience of Democracies: Responses to Illiberal and Authoritarian Challenges // Democratization. – 2021. – Vol. 28. – No. 5. – P. 869-884.
[45] Pérez-Liñán A. and Mainwaring S. Regime Legacies and Levels of Democracy: Evidence from Latin America. // Comparative Politics. – 2013. – Vol. 45. – No. 4. – P. 393.
[46] Treisman D. Economic Development and Democracy: Predispositions and Triggers.
[47] Dahl R. A. On Democracy. – New Haven: Yale University Press, 1998. – 217 p.
[48] Lipset S.M. Reflections on Capitalism, Socialism and Democracy // Journal of Democracy. – 1993. – Vol. 2. – No. 2. – P. 43-55.

М. Уоллерстайна[49], Р. Аксельрода[50] и А. де Сваана[51] фокусируются на создании партийных союзов, что способствует пониманию их роли в распределении государственной власти.

Сравнительный дизайн исследования позволяет сопоставить условия становления и устойчивого функционирования партийных коалиций в Уругвае и Чили. Поскольку работа ориентирована на анализ ограниченного числа кейсов, особое значение имеют методы качественного сравнения, интерпретации эмпирических данных и выявления условий, имеющих причинное значение для изучаемого результата. В этом отношении автор ориентировался на методологические положения Л. В. Сморгунова[52] о сравнительном анализе политических процессов, а также подходы Дж. Б. Мангейма и Р. К. Рича[53] к построению эмпирического политического исследования.

Использование метода **case-study** с элементами «насыщенного описания» (thick description) позволяет детально изучить внутриполитические, исторические и культурные особенности изучаемых стран, влияющие на устойчивость партийного блока. Невозможно обойтись при проведении работы над данной диссертацией без анализа **количественных данных**, опирающегося на сбор вторичных данных из различных банков данных (Латинобарометр, Всемирный банк, Полити 4, Многообразие демократии и Всемирный обзор ценностей).

Использование **качественного сравнительного анализа** (qualitative comparative analysis, QCA; далее - КСА) при малом количестве исследуемых казусов позволит

---

[49] Уоллерстайн М. Избирательные системы, партии и политическая стабильность // Полис. Политические исследования, 1992. – №. 5-6. – С. 156-162.

[50] Axelrod R. Conflict of Interest: A Theory of Divergent Goals with Applications to Politics, 1970. – 216 p.

[51] De Swaan A. Coalition theories and cabinet formations: A study of formal theories of coalition formation applied to nine European parliaments after 1918. – Jossey-Bass, 1973. – 347 p.

[52] Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентации: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. Политические исследования. – 2009. – №. 1. – С. 118-129.

[53] Rich R. C., Brians C. L., Manheim J. B., Willnat L. Empirical Political Analysis: Quantitative and Qualitative Research Methods. – 9th ed. – New York: Routledge, 2018. – 398 p.

выявить основные конфигурации факторов, оказывающие влияние на установление и выживание коалиций в Уругвае и Чили. Впервые метод качественного сравнительного анализа был разработан в 1987 г. профессором социологии Калифорнийского университета в Ирвайне Чарльзом Рейджином[54]. КСА помогает совместить в одном исследовании как качественный подход, ориентированный на казусы во всем их разнообразии, так и количественный метод, нацеленный на выделение различных переменных и установление связи между ними. Цель качественного сравнительного анализа состоит в том, чтобы среди всех характеристик выделить относительно простые закономерности и достаточные конфигурации, ведущие к исследуемому результату.

Объектом исследования являются партийные коалиции в политическом процессе Уругвая и Чили.

Предметом исследования выступают факторы устойчивости партийных коалиций в президентских системах в Уругвае и Чили.

Цель работы – выявить структурные и институциональные факторы, способствующие устойчивости партийных коалиций в консолидированных президентских демократиях в Уругвае и Чили.

Структурные факторы представлены исторической, культурной и социально-экономической компонентами, к которым относятся параметры общественной среды, включающие уровень институционального доверия, а также социально-экономическим измерением, которое отражается через степень социально-экономического расслоения общества. Институциональные факторы охватывают характеристики взаимодействия президента, парламента и партий.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Систематизировать основные теоретические подходы к изучению устойчивости президентских систем и партийных коалиций;

[54] Ragin, C. C. The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. – Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1987. – 212 p.

2. Операционализировать структурные и институциональные условия устойчивого функционирования партийных коалиций в президентских системах;
3. Определить исторические, политико-культурные и социально-экономические предпосылки формирования партийных систем и коалиционных практик партийных коалиций в Уругвае и Чили;
4. Выделить институциональные особенности президентских и электоральных систем Уругвая и Чили, формирующие стимулы и ограничения для межпартийного коалиционного взаимодействия;
5. Выявить и интерпретировать достаточные конфигурации факторов устойчивости партийных коалиций в Уругвае и Чили.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента восстановления конкурентного электорально-выборного порядка в исследуемых странах (Уругвай – в 1985 г., Чили – в 1990 г.) до конца 2024 г., когда в Уругвае было избрано новое правительство, а в Чили начиналась избирательная кампания в преддверии очередных всеобщих выборов. Конфигурационный сравнительный анализ проводится на основе факторов каждого электорального цикла.

Гипотеза диссертационного исследования изложена следующим образом:

Устойчивость партийных коалиций в Уругвае и Чили определяется историческими, социально-экономическими и институциональными условиями социально-политической среды, при которых глава государства и парламентские партии заинтересованы в выработке договорённостей, поддерживающих устойчивое функционирование механизмов представительного правления.

Область исследования соответствует пунктам 2 «Политическая система, ее структура» и 3 «Политический режим» паспорта специальности ВАК 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»; пункту 4.3 «Сравнительная политология», пунктам 4.3.4 «Сравнительный анализ

политических систем и политических культур» и 4.3.9 Политические режимы раздела 4 «Политология» приоритетных направлений научных исследований МГИМО.

Новизна исследования заключается в том, что оно впервые в отечественной политологии проводит комплексный анализ факторов социально-политических и институциональных условий, влияющих на устойчивость партийных коалиций в двух наиболее стабильных президентских многопартийных демократиях Уругвая и Чили. В отличие от значительной части существующих работ, которые фокусируются на парламентских моделях коалиционного взаимодействия, либо на отдельных институциональных параметрах президентских систем, в настоящем исследовании партийные коалиции рассматриваются как результат сочетания формальных институтов, структуры партийной конкуренции, социально-экономических условий и устойчивых практик межпартийного согласования, обусловленных особым историческим контекстом формирования политий в исследуемых странах. Применение метода КСА к кейсам Уругвая и Чили позволяет выявить конфигурации условий, при которых коалиционные механизмы воспроизводятся на протяжении нескольких электоральных циклов. Диссертация расширяет теоретическое понимание процессов коалиционирования в президентских системах и вносит вклад в развитие сравнительной политологии, особенно в контексте стран Латинской Америки.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в развитии и углублении понимания факторов устойчивости партийных объединений в институализированных многопартийных президентских республиках, которые традиционно менее предрасположены к формированию условий для коалиционирования, чем в парламентских системах. Глубокий КСА исторических, политико-культурных, социально-экономических и институциональных факторов, определяющих становление и устойчивое развитие партийных систем Уругвая и Чили, позволил подтвердить их влияние на консолидацию демократии в целом. Проведённый анализ расширяет теоретическое понимание коалиционирования в президентских многопартийных системах.

Практическая значимость выводов проведённого исследования состоит в возможности выявления конфигурации достаточных условий для устойчивого функционирования партийных коалиций в президентских системах. Результаты работы могут быть использованы при подготовке учебных материалов по сравнительной политологии, а также по истории и политике Уругвая и Чили в рамках разделов, посвящённых Латинской Америке. Кроме того, полученные выводы могут быть использованы в работе сотрудниками «профильных» подразделений МИД России, а также российскими аналитическими центрами и представителями делового сообщества в целях оценки рисков выхода на рынки изучаемых стран.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В президентских демократиях Уругвая и Чили партийные коалиции выступают устойчивым механизмом президентско-парламентского согласования. Их долговременная устойчивость обеспечивается сочетанием социально-политических условий и институциональных характеристик: относительно высокий уровень доверия к политическим институтам и умеренная степень социального расслоения создают общественную основу для компромисса, а конфигурация парламентской поддержки президента, распределение кабинетных позиций, ограничение мажоритарных тенденций и коалиционно ориентированный стиль президентского лидерства формируют стимулы к взаимодействию между главой государства, его партией и парламентскими союзниками. В совокупности эти условия способствуют воспроизводству конкурентной партийной системы и устойчивости представительных институтов.
2. Формирование и функционирование партийных коалиций в институционализированных многопартийных президентских системах обладают специфическими особенностями, отличающимися от парламентских моделей. На динамику коалиционного строительства оказывают влияние объём полномочий главы государства и выстроенный

характер договоренностей между президентом, представляемой им партией, а также оппозиционными парламентскими фракциями. Несмотря на наличие формальных широких полномочий, президенты в Уругвае и Чили зависят от поддержки своей и оппозиционной партии для эффективного проведения своих политических решений. Несмотря на значительный объём конституционно закреплённых полномочий, президенты Уругвая и Чили нуждаются в поддержке собственной партии и других парламентских сил для последовательной реализации политического курса.

3. Сочетание широких конституционных полномочий президента в законодательном процессе, институциональной автономии парламента и электоральных правил, поддерживающих многопартийность и стимулирующих межпартийную координацию, создаёт благоприятные условия для устойчивости партийных коалиций этих стран. Особое значение на долгосрочную стабильность партийных коалиций в данной связи имеет низкий уровень поддержки президентской партии в парламенте, что, несмотря на широкие конституционные полномочия главы государства, стимулирует его искать компромиссы с разными политическими силами для успешного проведения своей программы.
4. В государствах с устойчивыми институционально закреплёнными формами политического соперничества длительная традиция партийных коалиций напрямую связана с историко-культурными особенностями становления и развития демократии. Внутриполитические предпосылки зарождения политического плюрализма (в Уругвае – многочисленные гражданско-партийные конфликты, в Чили – размежевание по линии «церковь-государство»), сформировали в обеих республиках продвинутую политическую культуру, традиции гражданской вовлечённости, стремление к консенсусу, а также память о периодах диктатур, что, в свою очередь, отражается на прочности коалиционирования их партийных систем.

5. Устойчивость партийных коалиций в президентских демократиях Уругвая и Чили обусловлена сочетанием исторических и политико-культурных предпосылок, социально-экономических характеристик социально-политической среды и институциональных условий. Общим элементом выявленных конфигураций устойчивости выступает отсутствие процедурных угроз досрочного прекращения президентского мандата. Наиболее устойчивые конфигурации включают сохранение президентского мандата в пределах электорального цикла, доверие к политическим институтам в сочетании с коалиционно ориентированным стилем президентского лидерства. Ограниченная парламентская поддержка президентской партии, включение представителей идеологически близких партий в состав кабинета и умеренная степень социального расслоения усиливают коалиционный потенциал главы государства. Эти сочетания объясняют сохранение коалиционного взаимодействия в президентских демократиях на протяжении нескольких электоральных циклов.

Апробация результатов исследования. Положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Варшавский А.Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – №4. - С. 673-686.
2. Варшавский А. Ю. Переменчивая устойчивость: всеобщие выборы в Чили как институциональное отражение демократических традиций // Сравнительная политика. – 2025. – Т. 16. – №1. – С. 89-11.
3. Варшавский А. Ю. Теоретические рамки исследований устойчивости конкурентных президентских политических систем: состояние дискуссии // Управление и политика. – 2026. – Т. 5. – №2. – С. 23-40.

Отдельные положения исследования были изложены в докладах и выступлениях автора на XI Конвенте РАМИ 2017 года (секция 1.6 «Латинская Америка: революции XX века), XII Конвенте РАМИ 2019 года (секция 4.22 «Методологические аспекты сравнительного анализа уникальных явлений мировой и региональной политики»), XV Международной научной конференции «Молодёжная политика: мировой исторический опыт и современные проблемы» 2025 года.

Структура работы обусловлена поставленными задачами. Исследование состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Во введении обосновывается актуальность исследования, объект и предмет работы, анализируется степень разработанность проблемы, определяются цели и задачи, структура работы и хронологические рамки, методология, гипотеза, отмечается теоретическое и практическое значение работы.

В первой главе «**Концептуализация факторов устойчивости президентских плюралистических систем и партийных коалиций»** анализируются основные теории, рассматривающие устойчивость политических режимов и партийных коалиций исходя из задач исследования, а также объясняется специфика метода КСА.

Во второй главе **«Исторические, политико-культурные и социально-экономические факторы институционального развития, партийного строительства и коалиционирования в Уругвае и Чили»** исследуются предпосылки формирования партийных систем двух стран, включая эволюцию партийно-политических размежеваний, механизмов представительства и практик межпартийного взаимодействия. Особое внимание уделяется тому, каким образом данные процессы способствовали институционализации партийной конкуренции и закреплению коалиционирования как устойчивого элемента политического процесса. Наряду с этим рассматриваются характеристики президентской и электоральной систем Уругвая и Чили, определившие институциональные условия становления, воспроизводства и устойчивости партийных коалиций.

В третьей главе **«Качественный сравнительный анализ структурных и институциональных факторов устойчивости партийных коалиций»** проводится операционализация основных факторов устойчивости партийных коалиций для исследуемых государств, а также даётся интерпретация полученных конфигураций.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы на основании поставленных задач.

Глава 1. Концептуализация факторов устойчивости президентских плюралистических систем и партийных коалиций

В данной главе анализируются основные теоретико-методологические подходы к исследованию устойчивости государств с электоральной конкуренцией и партийных коалиций. Кроме того, объясняется специфика метода качественного сравнительного анализа (КСА).

§1. Теоретико-методологические основания исследований устойчивости плюралистических политических систем

Тема условий выживаемости политических форм правления и, в частности, институционально консолидированных политий, занимает одно из центральных положений в сравнительной политологии на протяжении последних нескольких десятилетий. Среди учёных дискуссия в этой области приобрела более содержательный характер в ходе третьей волны демократизации[55], и после её завершения. Причиной тому стали последовавшие комплексные проблемы устойчивости ряда молодых демократических государств, которые, не сумев справиться с вызовами ускоренной модернизации, не смогли преодолеть кризисы в деле устойчивого внедрения избирательных, социальных и управленческих демократических институтов[56]. В этой связи, в контексте анализа причин «выживаемости» партийных коалиций двух наиболее сильных современных президентских демократий Латинской Америки – Уругвая и Чили – через призму выбранных факторов, первоочерёдная задача видится в теоретическом обосновании

[55] По терминологии С. Хантингтона, третья волна демократизации затрагивала период с 1974 по 1991 годов. – *прим. автора*.
[56] Huntington S. P. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. – 1991. – Vol. 2. – No. 2. – P. 30.

институциональных, исторических и социокультурных подходов к анализу устойчивости конкурентных систем в целом.

В рамках данного исследования ключевое внимание уделяется совокупному взаимодействию институтов в определении Д. Норта, а именно, формальных (законы, конституции) и неформальных (традиции, обычаи, условно принятые договорённости) ограничений[57], неразрывно связанных с уровнем культуры и исторического демократического опыта. Подход Д. Норта рассматривается в настоящей диссертации в контексте более широкой неоинституциональной традиции, одним из направлений которой является исторический институционализм. В концепции данного подхода особое внимание акцентируется на временном измерении институционального развития, включая влияние последовательности политических решений, критических развилок и механизмов тропы зависимости на формирование и воспроизводство институтов в долгосрочной перспективе[58].

Отметим, что в работе используются выделяемые российским учёным Т. А. Алексеевой три метода исследования в рамках институционального подхода: описательно-индуктивный, формально-легальный и историко-компаративистский[59]. Описательно-индуктивный метод применяется для систематизации устойчивых характеристик политических институтов Уругвая и Чили, формально-легальный используется для анализа их конституционно-правового закрепления. Наконец, историко-компаративистская парадигма помогает сопоставить институциональное развитие исследуемых стран в длительной исторической перспективе.

Вместе с тем, автор опирается на три ключевые методологические направления исследования в рамках неоинституционализма: социологическое (нормативное), историческое и теорию рационального выбора[60]. Социологический подход позволяет

---

[57] North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance.
[58] Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics.
[59] Алексеева Т.А. Современные политические теории Запада (курс лекций). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 479 с.
[60] Hall P. A. & Taylor R. C. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Science. – 1996. – Vol. 44. – P. 936-957; Schmidt V. A. Institutionalism // The Encyclopedia of

учитывать ценностные установки акторов, политическую культуру и нормы взаимодействия, в рамках которых функционируют партии и государственные институты. Исторический институционализм используется для анализа критических развилок, институциональной преемственности и тропы зависимости в развитии партийных систем Уругвая и Чили. Институционализм рационального выбора помогает рассмотреть поведение президентов, партий и парламентских фракций как стратегическое взаимодействие акторов, действующих в условиях институциональных ограничений и стремящихся максимизировать политические выгоды.

В контексте настоящего исследования неоинституциональный подход позволяет рассматривать партийные коалиции как результат взаимодействия формальных правил, исторически сложившихся практик, политической культуры и стратегического поведения акторов. Институты задают устойчивые рамки взаимодействия между президентом, парламентом и партиями, формируют ожидания участников политического процесса и повышают предсказуемость их поведения. Одновременно сами институты складываются под воздействием исторического опыта, социальных норм и решений политических акторов, что делает их одновременно условием и результатом политического развития.

Political Thought / ed. by M. T. Gibbons, D. Coole, E. Ellis, K. Ferguson. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2014. P. 1836-1839; Ваславский Я.И., Габуев С.В. Неоинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – Т. 6. – № 51. – С. 60-75. – С. 63.

1.1. Неоинституциональные подходы анализа стабильности плюралистических систем

В данном разделе речь пойдёт об основных аналитических положениях неоинституциональных подходов к изучению современных демократий на основе упомянутой выше классификации Д. Норта.

Отправной точкой в современной дискуссии об институциональных характеристиках современных демократий в целом можно считать предложенную классиками политической науки Р. Далем и Ч. Линдбломом концепцию *«полиархия»*. Под этим термином понимаются современные представительные плюралистические системы, в которых властные полномочия и политическая конкуренция распределены между разными группами людей[61]. В последующих работах Р. Даль выделил шесть политических институтов, наличие которых обеспечивает долгосрочное функционирование демократии: *выборы должностных лиц; свободные, честные, часто проводимые выборы; свобода выражения; альтернативные источники информации; автономия ассоциаций* и *всеобщие гражданские права*[62]. Рассматривая процесс демократизации, учёный указывает, что в процессе транзита конкурентно-выборные механизмы постепенно перерастают в практики, которые впоследствии закрепляются в виде институтов. При этом Даль рассматривает наличие этих институтов не только с сугубо формальной точки зрения, а подчёркивает необходимость постоянной оценки их эффективности со стороны всех участников политического процесса. Эту концепцию точно дополняет российский исследователь О. М. Соловьёв, предлагая рассматривать демократические институты как «триединую целостность – организация, нормы, отношения»[63].

---

[61] Dahl A. R., Lindblom C.E. Politics, Economics, and Welfare.

[62] Dahl A. R. What Political Institutions Does Large-Scale Democracy Require? // Political Science Quarterly. – 2005. – Vol. 120. – No. 2. – P. 187-197.

[63] Соловьев О. М. Политические институты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 145 с.

В этой связи институты в современных демократиях имеют, с одной стороны, политическое измерение, т.е. выступают в виде решений, которые обязательны для исполнения всеми участниками общественных отношений, а с другой, как указывает Г. О'Доннелл, – представляют собой «конституциональную структуру полиархии», включающей в себя основополагающие механизмы власти, которые действуют либо на постоянной основе (парламент, суды), либо на эпизодической основе (выборы)[64]. Автор предлагает следующие характеристики политических институтов: во-первых, они задают критерии, по которым одни участники процесса признаются «своими», а другие исключаются. Во-вторых, каждый институт имеет свой масштаб охвата, демонстрируя, насколько широко или узко он взаимодействует с потенциально важными группами. В-третьих, набор принятых правил и процедур внутри института предопределяет возможность достижения конкретного решения. В-четвёртых, институты побуждают группы и индивидов объединяться либо менять формат взаимодействия, чтобы повысить свои шансы на успех. В-пятых, они формируют систему представительства, при которой из множества возможных «голосов» складывается несколько признанных представителей. Наконец, институты закрепляют ожидания и поведение людей на более длительный срок, придавая всей системе устойчивость в долгосрочной перспективе[65].

В современной политической науке приведённые выше признаки составляют основу концепции «либеральной демократии», общей теории институтов, под которой обычно понимают совокупность институтов, призванных ограничивать власть исполнительной ветви[66]. В президентских системах такие ограничения

---

[64] O'Donnell G. A. Delegative Democracy.
[65] Там же.
[66] Mechkova V., Lührmann A. & Lindberg S. I. How much democratic backsliding? // Journal of Democracy. – 2017. – Vol. 28. – No. 4. – P. 162-169; Coppedge, M. et al. Conceptualizing and measuring democracy: A new approach. // Perspectives on Politics. – 2011. – Vol. 9. – No. 2. – P. 247-267; Corrales J. Democratic Backsliding through Electoral Irregularities: The Case of Venezuela // European Review of Latin American and Caribbean Studies. – 2020. – No. 109. – P. 41-65.

устанавливаются конституцией и законами, а главным образом предполагают разделение властей и систему сдержек и противовесов между различными ветвями власти на национальном и субнациональном уровнях политики.

Следует отметить, что с момента возвращения большинства стран Латинской Америки к конкурентному политическому плюрализму в 1980-1990-е годы не прекращаются дискуссии вокруг того, какие именно институты оказываются ключевыми в процессе перехода от авторитарных режимов с точки зрения перспектив долгосрочной воспроизводимости конкурентных политических институтов и, тем самым, благоприятствования укреплению политических институтов. В академическом дискурсе наиболее распространена гипотеза о том, что переход от авторитарных систем в результате заключения пактов между представителями общественно-политических элит и параллельное проведение конституционных реформ в большей мере способствует консолидации демократии[67]. Исследования подтверждают, что консолидация политической системы в пост-транзитный период зависит от формирования консенсуса среди элит и укрепления политических институтов (партии, законодательные органы, судебная система)[68]. Эмпирическое подтверждение приведённых тезисов о ключевой роли заключения соглашений (пактов) между основными игроками общественно-политических процессов в период политического транзита и их влияния на устойчивость конкурентных форм организации власти подкрепляется исследованиями с использованием количественных исследований с применением широкой выборки[69].

---

[67] Karl T.L. Dilemmas of Democratization in Latin America // Comparative Politics. – 1990. – Vol. 23. – No. 1. – P. 1-21.

[68] Munck G. L., Leff C. Modes of Transition and Democratization.

[69] Guo S. & Stradiotto G. A. Democratic Transitions. Modes and Outcomes / Guo S. & Stradiotto G. A. – London and New York: Routledge, 2014. – 150 p.; Lowenthal A. F. & Bitar S. Democratic Transitions: Conversations with World Leaders / Lowenthal A. F. & Bitar S. – Johns Hopkins University Press, 2015. – 488 p.; Elster J., Gargarella R., Naresh V., Rasch B. E. Constitution-Making and Transitions to Democracy / Elster J., Gargarella R., Naresh V., Rasch B. E. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 251 p.

В этом отношении в значительной части политологических исследований прошедшей декады анализируется взаимосвязь между поведением акторов и устойчивостью выборных политических институтов. Так, Мэйнуоринг и Перес-Линьян, рассматривая причины долгосрочной стабильности президентских политий в странах Латинской Америки, в качестве преобладающих факторов отмечают сильные предпочтения демократическим нормам (strong democratic preference) при одновременном отсутствии радикальных тенденций. Отдельно они отмечают значимость регионального контекста для потенциальной выживаемости демократий в отдельной стране, что, в свою очередь, наглядно проявляется в латиноамериканских реалиях[70]. В схожем ключе в ряде работ подчёркивается положительное влияние оппозиционных политических партий и институциональной политической борьбы в целом на сглаживание и упорядочение конкурирующих интересов политических сил[71]. Устойчивость систем с политической конкуренцией обеспечивается также на основе т.н. «конституционного консенсуса», возникающего в результате, с одной стороны, стремления гражданского общества соблюдать сложившиеся в государстве демократические институты, а с другой – увеличивающихся издержек для властных элит в случае попыток подорвать эти механизмы[72]. В этом отношении, несмотря на то, что концепция полиархии обеспечивает, по утверждению Г. Мунка понимание того, что следует считать «необходимым минимумом демократии»[73], именно поведение политических акторов во многом определяет степень и перспективы устойчивости демократических систем.

---

[70] Mainwaring S. & Pérez-Liñan A. Democratic Breakdown and Survival.

[71] Svolik M.W. Which Democracies Will Last? Coups, Incumbent Takeovers, and the Dynamic of Democratic Consolidation // Quarterly Journal of Political Science. – 2015. – Vol. 10. – No. 4. – P. 465-499; Hicken A. The Role of Political Parties in Making Democracy Work // V-Dem Institute. 2020. Briefing Paper #3. URL: https://v-dem.net/media/publications/brief3.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

[72] Pevnick, R. Democratic Stability and Backsliding // Political Philosophy. – 2024. – Vol. 1. – No. 2. – P. 514-544.

[73] Munck G. L. Los Orígenes y la Durabilidad de la Democracia en América Latina: Avances y Retos de una Agenda de Investigación.

Поведение акторов в демократиях, в свою очередь, в значительной степени формируется электоральной компонентой. В вопросе условий поддержания президентских систем с политическим плюрализмом в странах Латинской Америки в части сохранения внутренних механизмов функционирования значительное внимание уделяется институту выборов. Как утверждает А. Пшеворский, демократические выборы «сохраняют и позволяют поддерживать надежду на возможность перемен»[74]. Ф. Фрайденберг сосредотачивает особое внимание на возможности демократий вырабатывать способность к устойчивости, отмечая роль конкурентных, свободных и честных выборов, профессиональных и автономных органов власти, а также «гармоничного» взаимодействия элит и граждан в жизни общества на предотвращение демократического отката[75]. Саму концепцию демократической устойчивости, в определении В. Меркеля и А. Люрманн, можно рассматривать как «способность политической системы, её институтов, политических акторов и граждан предотвращать или преодолевать внутренние или внешние вызовы, сохраняя при этом демократическую сущность»[76]. Институты, таким образом, приобретают легитимность не только потому, что они отвечают заданным целям, но также в связи с тем, что они отражают принятые в обществе культурные нормы, выработанные социальные практики и «пределы» деятельности правящей элиты[77]. В то же время, В. Меркель и А. Люрманн подчёркивают, что «практики, процедуры и даже институты должны адаптироваться для сохранения демократического качества политической системы в целом»[78].

---

[74] Przeworski A. ¿Por qué tomarse la molestia de hacer elecciones?
[75] Freidenberg F. Democracy in Latin America: Between Backsliding and Resilience.
[76] Merkel W. and Lührmann A. Resilience of Democracies: Responses to Illiberal and Authoritarian Challenges // Democratization. – 2021. – Vol. 28. – No. 5. – P. 869-884.
[77] March J. G. & Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” // ARENA Working Papers 11. – 2005; Steinmo S. Historical Institutionalism in Political Science // APSA 2014 Meeting. – 2014. – P. 1-28.
[78] Merkel W. and Lührmann A. Resilience of Democracies: Responses to Illiberal and Authoritarian Challenges.

В последние годы в фокусе целого ряда исследований по устойчивости конкурентных политий лежали индикаторы причин демократических откатов. Главным образом, среди подобных оснований выделяются следующие: размывание норм и стратегические манипуляции выборами[79]; осуществление переворотов под лозунгом демократии[80]; поведение политических лидеров, которые используют присущие демократии уязвимости в своих целях[81]; чрезмерное расширение полномочий исполнительной власти[82]; гипертрофированная поляризация[83]; ослабление центристских партий и появление экстремистских партий[84].

В целом неоинституциональный подход демонстрирует, что стабильность плюралистических систем зависит от взаимосвязи формальных правил, поведения политических акторов и устойчивых норм политического взаимодействия. При этом институциональное развитие в этих государствах связано не только с нормативно-правовым оформлением институтов, но и с их фактическим функционированием, что требует консенсуса элит и устойчивых ориентаций граждан на поддержание конкурентных процедур, прежде всего в рамках выборов. Ключевую роль на воспроизводимость политической системы играет то, насколько политические акторы признают легитимность этих правил, соблюдают достигнутые договорённости и сохраняют готовность действовать в пределах конкурентных процедур. Как отмечают

---

[79] Bermeo N. On Democratic Backsliding // Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27. – No. 1. – P. 5-19; Brownlee J. and Miao, K. Why Democracies Survive // Journal of Democracy. – 2022. – Vol. 33 – No. 4. – P. 133-149; Levitsky S. and Ziblatt D. How Democracies Die. – First ed. New York: Penguin Random House, 2018. – 320 p.; Corrales J. Democratic Backsliding through Electoral Irregularities: The Case of Venezuela.

[80] Bermeo N. On Democratic Backsliding. – P.14.; Waldner D. & Lust E. Unwelcome Change: Coming to Terms with Democratic Backsliding // Annual Review Political Science. – 2018. – Vol. 21. – P. – 93-113; Cleary M. R. and Öztürk A. When Does Backsliding Lead to Breakdown? Uncertainty and Opposition Strategies in Democracies at Risk // Perspectives on Politics. – 2020. – Vol. 20. – No. 1. – P. 1-20.

[81] Bartels, L. M. Democracy Erodes from the Top: Leaders, Citizens, and the Challenge of Populism in Europe. – Princeton University Press, 2023. – 280 p.

[82] Bermeo N. On Democratic Backsliding. – P.14.

[83] Somer, M., McCoy, J. L. and Luke, R. E. Pernicious polarization, autocratization and opposition strategies // Democratization. – 2021. – Vol. 28. – No. 5. P. – P. 929-948.

[84] Freidenberg F. Democracy in Latin America: Between Backsliding and Resilience. – P. 11.

С. Левитски и Д. Зиблатт, «демократии функционируют наиболее эффективно и обладают большей устойчивостью в тех случаях, когда конституционные положения дополняются неписаными демократическими нормами».[85] В контексте стран Латинской Америки, в частности, Уругвая и Чили, на качество воспроизводимости конкурентных политий и для предотвращения их откатов влияют институциональные механизмы, ограничивающие радикальные тенденции и обеспечивающие сбалансированное представительство интересов.

1.2. Исторический подход к анализу стабильности плюралистических систем

В настоящем разделе будут рассмотрены современные подходы к исследованию устойчивости систем с политическим плюрализмом в парадигме исторического институционализма. Основной фокус будет сделан на обобщении теоретических работ относительно влияния критических развилок (critical junctures) и троп зависимости (path dependency) на становление демократических систем и их последующую выживаемость.

Придание политической науке междисциплинарного характера в 1960-1970-х гг. положило начало развитию «новому институционализму» *(неоинституционализму)*, отличительной чертой которого является понимание институтов как совокупности формальных и неформальных правил игры, зависящих от уровня социального взаимодействия между членами общества, культурными особенностями и историческими предпосылками[86].

---

[85] Levitsky S. and Ziblatt D. How Democracies Die. – P. 13.

[86] Meyer J. W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 83. – No 2. – P. 340-363; DiMaggio P., Powell W. Introduction // The New Institutionalism in Organizational Analysis / Ed. by W. Powell, P. J. DiMaggio. Chicago: Chicago University Press, 1991. – P. 1-38; March J. G. & Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism”. – P. 5. Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. – Boston: Beacon press, 1966. – 559 p.

В рамках неоинституциональной парадигмы, на основе работ Б. Мура, С. Хантингтона, Т. Скочпол, Ч. Тилли[87] начал формироваться исторический институционализм как метод изучения совокупности факторов, определяющих направление социально-политическое развитие государства в условиях трансформации общества. Метод сравнительного исторического анализа продолжает широко применяться в современных исследованиях для изучения факторов устойчивости демократий.

С точки зрения исторического институционализма, развитие политической системы представляет собой непрерывный исторический процесс, в котором изменение прочно укоренившихся институтов в укрепляющей их среде происходит инкрементально, т.е. медленно и почти незаметно путём пошаговых изменений. Стабильное функционирование любой политической системы обеспечивается за счёт слаженного взаимодействия между иерархиями действующих формальных правил и неформальных ограничений, при котором изменение любого уровня сложившихся в них иерархических цепочек несёт более крупные издержки, чем при их сохранении[88].

Начало процесса формирования действующего комплекса институтов обуславливается *критическими развилками (critical junctures)*, т.е. решающими моментами в жизни государства, когда перед политическими акторами возникает ситуация институционального выбора, как правило спровоцированная кризисами и конфликтами, в которых происходят изменения в системе управленческой организации и взглядов, открывающие окно возможности для структурного переформатирования всей социально-экономической формации общества. После этих

---

[87] Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. – Boston: Beacon press, 1966. – 559 p.: Huntington S. Political order in changing societies. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 488 p.; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China.; Tilly C. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992. – Cambridge, MA: Blackwell, 1994. – 271 p.

[88] North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – P. 22; Capoccia G. Critical Junctures // The Oxford Handbook of Historical Institutionalism / ed. by O. Fioretos, T. G. Falleti, A. Sheingate. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 89-106.; Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // Političke perspective. – 2018. Vol. 7. – No. 1-2. – P. 71-109.

ключевых событий (революций, изменений конституции) институты входят в процесс преобразований, приспосабливаясь к новой внешней среде, и эволюционируют на основе выбранных траекторий развития[89].

В целом можно говорить о консенсусе в политологическом сообществе относительно того, что критическая развилка – это явление, приводящее к долгосрочным изменениям, которые сохраняются через механизмы воспроизводства даже после того, как изначальный фактор утратил своё влияние[90]. П. Пирсон и Дж. Махони в своих работах подчёркивают, что развилки называются «критическими», поскольку «они направляют институциональные структуры по определённым траекториям, изменить которые впоследствии становится крайне сложно»[91].

Тем самым, формируется «*тропа зависимости» (path dependency)*, которая определяет дальнейшее направление исторической динамики государства, посредством приспосабливания акторов к выбранным рамкам новой траектории развития. Тропа зависимости представляет собой процесс, при котором решения, институциональные структуры или исторические события прошлого обуславливают политические, экономические или социальные процессы настоящего и будущего, затрудняя отклонение от установленной траектории развития[92]. По мнению автора,

---

[89] Collier R. B., Collier D. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America; Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics; Munck G. L. The Theoretical Foundations of Critical Juncture Research: Critique and Reconstruction // Critical Junctures and Historical Legacies: Insights and Methods for Comparative Social Science / ed. by D. Collier, G. L. Munck. – Lanham, MD: Rowman, Littlefield, 2022. – P. 109-137; Capoccia G. Critical Junctures and Institutional Change // Advances in Comparative-Historical Analysis / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 147-179.

[90] Scully T. R. Rethinking the Center: Party Politics in Nineteenth and Twentieth Century Chile. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. – 292 P.; Roberts K. M. Changing Course in Latin America: Party Systems in the Neoliberal Era. – New York, NY: Cambridge University Press, 2014. – 356 P.; Munck G. L. The Theoretical Foundations of Critical Juncture Research: Critique and Reconstruction. – P. 9.

[91] Mahoney J. The Legacies of Liberalism: Path Dependence and Political Regimes in Central America; Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis.

[92] Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics. – P. 400; Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. – 2000. – Vol. 29. – No. 4. – P. 507-548.; Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. – 208 P.; Capoccia G. & Kelemen R. D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics. – 2007. – Vol. 59. –

проводя взаимосвязь между концепциями «критической развилки» и «тропы зависимости», справедливым будет отметить, что события критических развилок определяют траекторию развития политической системы, а её устойчивое продолжение обеспечивается механизмами тропы зависимости. Вместе с тем Дж. Капоччиа и А. Соренсен подчёркивают, что не все институциональные изменения являются результатом критических развилок, поскольку зачастую их развитие происходит поступательно, без чётко выраженной исходной точки. Понятие критической развилки применимо именно к радикальным изменениям, которые подразумевают возникновение тропы зависимости[93].

Ключевыми механизмами тропы зависимости, которые делают комплекс политических и социально-экономических институтов устойчивым на протяжении длительного периода, выступают «возрастающая отдача» *(increasing returns)* и «реактивная последовательность» *(reactive sequence)*. Следует подчеркнуть, что несмотря на продолжающуюся в политической науке активную дискуссию не только относительно теоретических рамок самой концепции тропы зависимости, но и её составных понятий, для целей настоящего исследования приводятся наиболее обобщённые дефиниции. Так, понятие «возрастающей отдачи» описывает процесс самоусиления *(self-reinforcing process)*, при котором первоначальный выбор траектории институционального развития политической системы становится всё более устойчивым, что значительно затрудняет или делает экономически нецелесообразным переход к альтернативным вариантам развития[94]. Иными словами,

---

No. 3. – P. 341-369; Патцельт В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории?; Bernhard M. Chronic Instability and the Limits of Path Dependence // Perspectives on Politics. – 2015. – Vol. 13. – No. 4. – P. 976-991.

[93] Capoccia G. Critical Junctures and Institutional Change. – P. 2; Sorensen A. Taking critical junctures seriously: theory and method for causal analysis of rapid institutional change // Planning Perspectives. – 2022. – Vol. 38. – No. 5. – P. 929-947.

[94] Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics. – P. 392; Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis.

события, произошедшие в конкретном историческом моменте, в значительной степени определяют вероятность результатов в долгосрочной перспективе.

В качестве другого компонента тропы зависимости выступает «реактивная последовательность» – ситуация, при которой определённые события (как правило, конфликтно обусловленные) приводят к процессам, впоследствии воспринимаемым как неизбежные и формирующих новую траекторию развития политической системы[95]. В отличие от процессов воспроизводства в рамках концепции возрастающей отдачи, которые закрепляют *(reinforce)* первоначальные события в долгосрочном плане, реактивная последовательность характеризуется эпизодами обратного действия *(backlash processes)*, кардинально трансформирующими первоначальные события[96]. В реактивной последовательности каждое новое действие становится реакцией на предыдущее и одновременно создаёт причинные условия для последующих изменений, что может направить политический процесс по неожиданной траектории.

По мере развития государственной организации в рамках выбранных «исторических рельс» происходит постепенное укоренение самоподдерживающихся процессов, что выражается в политической мобилизации, укреплении «правил игры» и формировании мировоззрения граждан[97]. Подобное представление опирается на введённый

А. Стинчкомбом ещё в конце 1960-х годов термин «историческая обусловленность»

---

[95] Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology. – P. 509; Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis; Arestis P. & Sawyer M. Path Dependency and Demand-supply Interactions in Macroeconomic Analysis / Arestis P. & Sawyer M. Path Dependency and Macroeconomics. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2009. – 261 P.

[96] Beyer J. The Same or Not the Same. On the Variety of Mechanisms of Path Dependence // International Journal of Social Sciences. – 2010. – Vol. 5. – No. 1. – P. 1-11; Martin R., Sunley P. The Place of Path Dependence in an Evolutionary Perspective on the Economic Landscape // The Handbook of Evolutionary Economic Geography / ed. by R. Boschma, R. Martin. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2010. – P. 62-92; Munck G. L. The Theoretical Foundations of Critical Juncture Research: Critique and Reconstruction. – P. 19.

[97] Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science // Political Science: State of the Discipline / ed. by I. Katznelson, H. V. Milner. – New York: W. W. Norton, 2002. – P. 693-721.

(historical causation), который объясняет высокую вероятность воспроизведения случившихся в определённом моменте прошлого процессов при отсутствии самого события и явления[98]. Изучение институциональной динамики через призму длительной эволюции социальных процессов позволяет выделить причинно-следственные связи и ключевые политические достижения в течение длительного периода. Как указывают П. Пирсон и Т. Скочпол, долгосрочные эффекты от институционального выбора следует рассматривать в качестве "производных эффектов *(by-products)* социальных процессов", а не выполнения акторами своих целей[99]. В то же время, в вопросе рассмотрения каузальной силы *(causal force)* институтов в более современных исследованиях всё чаще делается акцент на том, что именно политические акторы определяют направление развития сформированных институтов, хотя подчёркивается, что и они руководствуются в своих решениях логикой направления социальных изменений[100].

Устойчивость современных соревновательных демократий напрямую и самым непосредственным образом зависит от институциональной преемственности, накопленного опыта конкурентной политики и закрепления правил политического соперничества в поведении ключевых акторов. Однако этот процесс не является линейным[101] и зачастую не входит в логику «тропы зависимости», опирающуюся на положение о том, что «издержки возврата слишком высоки» и, следовательно, маловероятны[102]. В этой связи устойчивость демократий целесообразно рассматривать через призму концепции «наследия», которую Д. Кольер и Дж. Мунк определяют как совокупность «устойчивых, самовоспроизводящихся

---

[98] Stinchcombe A. 1968. Constructing Social Theories. – New York: Harcourt, Brace and World, 1968. – 303 P.

[99] Pierson P. & Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science. – P. 14.

[100] Weyland K. Toward a new theory of institutional change // World Politics. – 2008. – Vol. 60. – P. 281-314; Capoccia G. When Do Institutions "Bite"? Historical Institutionalism and the Politics of Institutional Change // Comparative Political Studies. – 2016. – Vol. 49. – No. 8. – P. 1-33; Capoccia G. Critical Junctures and Institutional Change. – P. 17.

[101] Pérez-Liñán A. and Mainwaring S. Regime Legacies and Levels of Democracy: Evidence from Latin America.

[102] Levi M. A Model, a Method, and a Map: Rational Choice in Comparative and Historical Analysis.

институциональных последствий**,** возникающих в результате критических развилок»[103]. Это означает, что последствия исходного события сохраняются не потому, что оно повторяется**,** а потому, что оно запустило механизмы воспроизводства *(mechanisms of reproduction)* – социальные, институциональные или политические процессы, поддерживающие устойчивость результатов во времени[104]. В исследованиях по историческому институционализму последней декады достаточно распространена точка зрения относительно того, что т.н. наследственная природа демократий может формироваться также посредством реактивных последовательностей, которые приводят к такому долгосрочному эффекту, который перевешивает возможные отклонения развития демократической системы[105].

В контексте стран Латинской Америки А. Перес-Линьан и С. Мэйнуоринг указывают на ограниченность универсального применения понятия «тропы зависимости» к анализу развития латиноамериканских конкурентных политий в исторической перспективе, предлагая рассматривать историческую динамику демократических систем через призму концепции «наследия режима» *(regime legacy)*, которая используется для объяснения того, в какой степени «историческое прошлое обусловливает текущее состояние демократических систем»[106]. По убеждению авторов, основное отличие подхода «наследие режима» от «тропы зависимости» состоит в его менее ограниченном и детерминистком характере, который подчёркивает возможность восстановления институциональных конфигураций

---

[103] Collier D. & Munck G. L. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Critical Junctures // Qualitive & Multi-Method Research. – 2017. – Vol. 15. – No. 1. – P. 2-9.
[104] Stinchcombe A. Constructing Social Theories. – P. 101-129; Collier D. & Munck G. L. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Critical Junctures. – P. 6.
[105] Collier D. & Munck G. L. Introduction: Tradition and Innovation in Critical Juncture Research / Collier D. & Munck G. L. Critical Junctures and Historical Legacies. Insights and Methods for Comparative Social Science (Eds.), Lanham: Rowman & Littlefield, 2022. – P. 1-29.
[106] Pérez-Liñán A. and Mainwaring S. Regime Legacies and Levels of Democracy: Evidence from Latin America. // Comparative Politics. – 2013. – Vol. 45. – No. 4. – P. 393.

власти по их первоначальному образцу даже после определённого периода авторитарного правления[107].

Выводы А. Перес-Линьана и С. Мэйнуоринга свидетельствуют о том, что наследие политических режимов является одним из ключевых факторов, объясняющих качество демократии в период после начала третьей волны демократизации. Те страны, у которых было демократическое наследие, имели существенное преимущество в формировании высококачественных конкурентных политий в современной Латинской Америке[108]. Применительно к Уругваю и Чили это наследие целесообразно рассматривать также как наследие конкурентных олигархий, выраженное в длительном опыте партийного соперничества, парламентских процедур, электоральной конкуренции и правовой преемственности при сохранявшихся ограничениях политического участия[109]. Эти элементы создавали институциональную основу для последующего восстановления конкурентных демократических институтов после периодов авторитарного правления.

В качестве примера авторы приводят Уругвай и Чили – страны с продолжительной демократической традицией, которая на определённый период времени была прервана установлением авторитарных форм правления. Для объяснения восстановления демократических институтов в этих государствах через призму «наследия режима» учёные фокусируются на политических партиях и судебно-правовой системе. Они приходят к заключению, что партии, существующие с момента установления политического плюрализма в начале «критической развилки» являются «носителями демократических норм и практик», а лидеры, рекрутируемые через эти партии, представляют собой «наиболее сильных акторов», заинтересованных в сохранении и расширении демократии. Подобно этой логике, судебная система играет принципиальную роль в сохранении институциональных

[107] Ibid. – P. 388.
[108] Ibid. – P. 386.
[109] Boese V. A., Wilson M. C. A Short History of Contestation and Participation. – Gothenburg: Varieties of Democracy Institute, University of Gothenburg, 2022. – 30 p.

ценностей политической системы. Восстановившиеся после авторитарного периода демократии располагают независимыми судами, во многом по причине сохранения в штате судей доавторитарного времени, что объясняется быстрым переходом судебной системы к законодательным нормам после возвращения конкурентной формы правления[110].

Резюмируя, следует отметить, что исторический институционализм предлагает продуктивную теоретическую рамку для анализа устойчивости инклюзивных политий, рассматривая политические системы как результат накопленных институциональных выборов, сделанных в условиях критических развилок. Критические развилки создают траектории развития, от которых трудно отступить, а устойчивость плюралистических форм организации власти во многом зависит от способности институтов к воспроизводству своих норм и структур. Вместе с тем, применительно к латиноамериканским исследованиям, кейсы Уругвая и Чили, где после периода диктатур удалось восстановить институционализированные механизмы политического соперничества во многом благодаря сохранению партийной системы и независимой судебной власти, подтверждают значимость институциональной преемственности и политической памяти для выживаемости демократий в долгосрочной перспективе.

1.3. Социально-экономические и культурные подходы к анализу стабильности плюралистических систем

В настоящем разделе проводится анализ подходов к изучению устойчивости конкурентных политий с точки зрения влияния социальных и экономических аспектов, а также культурных особенностей.

[110] Pérez-Liñán A. and Mainwaring S. Regime Legacies and Levels of Democracy: Evidence from Latin America. – P. 394.

Одной из первых фундаментальных работ, посвященных устойчивости институциональных форм публичной власти, является статья выдающегося политического социолога С. М. Липсета “Некоторые социальные предпосылки демократии: Экономическое развитие и политическая легитимность”, в которой делается попытка проанализировать различные структурные аспекты, влияющие на стабильность демократических систем. Рассматривая демократию с позиции структурного функционализма *(«политическая система, которая предоставляет регулярные конституционные возможности для смены должностных лиц»)*, Липсет проверяет гипотезу о том, что условия её становления связаны с экономическим развитием[111].

Он выделяет четыре ключевых индикатора экономического прогресса, способствующих укреплению соответствующих ценностных ориентаций – уровень благосостояния, индустриализация, урбанизация и образование. Основополагающая идея учёного выражается в следующей концепции: «чем богаче государство, тем вероятнее, что оно сможет сохранить демократию»[112]. При более высоком уровне благосостояния и наличии ресурсов для перераспределения демократическая конкуренция в меньшей степени воспринимается элитами как угроза их положению, что повышает устойчивость системы в целом. Особое внимание уделяется роли образования, которое способствует вовлечению граждан, особенно из низших слоев, в общенациональную культуру и формированию у них установок политического участия и ответственности[113].

В российской научной литературе существенный вклад в теоретико-методологическое осмысление модернизации внёс И. В. Побережников. Он рассматривает модернизацию как исторически неоднородный процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу, охватывающий экономические,

---

[111] Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy.
[112] Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. – P. 75.
[113] Ibid. – P. 79.

социальные, культурные и институциональные изменения[114]. Особое значение в его подходе имеет пространственно-временная специфика модернизационных траекторий, поскольку экономический рост, образование, урбанизация и трансформация социальной структуры проявляются в разных обществах через различные темпы и сочетания[115]. Применительно к анализу устойчивости конкурентных политий такая трактовка позволяет уточнить классическую логику С. М. Липсета. Социально-экономическое развитие приобретает политическое значение через расширение участия граждан, изменение структуры распределительного конфликта, рост институционального доверия и укрепление способности общества воспроизводить представительные механизмы.

Теоретическая база С. М. Липсета, тем не менее, была подвергнута существенному пересмотру и до сих пор остаётся предметом дискуссий в научном сообществе. Главным образом, дискуссия разворачивается вокруг причинно-следственных связей влияния уровня благосостояния общества и модернизации в целом на устойчивость форм власти с широким политическим участием. Так, А. Пшеворский и Ф. Лимонджи в своих работах выделяют прямую корреляцию между стабильностью плюралистических политий с уровнем доходов: при доходе выше 6055 долл. на душу населения вероятность насильственного смещения власти стремится к нулю. Напротив, в странах с доходом ниже 1000 долл. подобные политические системы существуют в среднем восемь лет. Их вывод: не экономическое развитие способствует становлению соответствующих институтов, а наоборот – последние, однажды установившись, выживают благодаря экономическому процветанию[116].

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон также не обнаружили эффекта роста дохода на демократизацию. Они предложили альтернативную трактовку процесса развития,

---

[114] Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / отв. ред. В. В. Алексеев. М.: РОССПЭН, 2006. – С. 68.
[115] Побережников И. В. Использование модернизационной парадигмы при изучении региональной истории России (XVIII — начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 37-41.
[116] Przeworski A. and Limongi F. Modernization: Theories and Facts.

основанную на историческом наследии колониальной эпохи. Страны, принявшие более 500 лет назад «инклюзивные институты», развили как продуктивную экономику, так и устойчивые формы народного представительства, однако экономический рост необязательно приводил к аналогичным результатам[117]. В свою очередь, Ф. Мартан и Р. Вацерг в своём масштабном исследовании показали, что высокие показатели уровня образования и уровня доходов способствуют устойчивости институционально подотчётных политических систем. В то же время, обратная корреляция не подтверждается[118]. В отдельных работах выделяется позитивное влияние именно школьного образования на укрепление демократии[119], а также прямую зависимость качества образования на поддержание этих институтов в странах Латинской Америки[120]. Примечательно, что грамотность и, в более общем смысле, экономическая модернизация связаны с видами экономической деятельности, менее ориентированными на выживание и удовлетворение базовых потребностей, что освобождает время и ресурсы для активного требования политических прав. Это создаёт условия для эффективного функционирования избирательной системы, что повышает общую стабильность политической системы[121].

С несколько иной позиции выступают К. Бойкс и С. Стоукс, предложившие рассматривать развитие демократии через призму неравенства доходов. Согласно их концепции, по мере экономического роста государств доходы начинают распределяться более равномерно. В такой ситуации состоятельные граждане воспринимают налоговую систему таких политий как менее обременительную для

---

[117] Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Income and democracy; Acemoglu D., Gallego F., Robinson J.A. Institutions, human capital, and development // American Economic Review. – 2014. – No. 6. – P. 875-912.

[118] Murtin F., Wacziarg R. The Democratic Transition.

[119] Castelló-Climent A. On the Distribution of Education and Democracy // Journal of Development Economics. – Vol. 87. – Issue 2. – 2008. – P. 179-190.

[120] Boulding C. E., Nelson-Nuñez J. Civil Society and Support for the Political System in Times of Crisis // Latin American Research Review. – 2014. – Vol. 49. – No. 1. – P. 128-154; Rød E. G., Knutsen C. H., Hegre H. The Determinants of Democracy: A Sensitivity Analysis.

[121] Murtin F. & Wacziarg R. The democratic transition. – P. 178.

себя: с ростом благосостояния страны они становятся более склонны поддерживать процесс демократизации[122].

Одновременно, ряд современных авторов оспаривают безусловный детерминизм в отношении зависимости качества представительских институтов от равенства доходов в обществе. Так, Б. Анселл и Д. Сэмюэлс показывают, что высокий уровень инклюзивности может быть выгодным политическим элитам, даже при большом неравенстве, если вся государственная система защищает их частные интересы и обеспечивает предсказуемость[123]. Однако слишком большой разрыв социально-экономического состояния избирателей действительно подрывает демократическую легитимность. Происходит это через восприятие внешней эффективности *("external efficacy")* – то, насколько граждане доверяют, прежде всего, электоральным институтам, и их эффективности участия в политике в целом[124].

В то же время теория дистрибутивного конфликта для объяснения устойчивости политий с электоральной подотчётностью и её откатов подвергается эмпирической критике. С. Хаггард и Р. Кауфман, используя методику каузального анализа *(causal process observation)* для исследования механизмов выживаемости таких систем, делают вывод о том, что на длительном периоде недостаточно опираться только на показатели уровня социально неравенства. Необходим учёт качества институтов, вовлечённости общества в социальные процессы, а также международный контекст[125].

Тем не менее, теория модернизации для объяснения причин устойчивости плюралистических систем продолжает быть предметом дискуссий в современном

---

[122] Boix C. & Stokes S. Endogenous Democratization // World Politics. – 2003. – Vol. 55. – No. 4. – P. 517-549.

[123] Ansell B. & Samuels D. Why Inequality Not Undermine Democracy / University of Oxford. – 2018. – P. 1-46.

[124] Bienstman S., Hense S. & Gangl M. Explaining the 'democratic malaise' in unequal societies: Inequality, external efficacy and political trust // European Journal of Political Research. – Vol. 63. – No. 1. – P. 172-191.

[125] Haggard S. & Kaufman R. R. Inequality and Regime Change: Democratic Transitions and the Stability of Democratic Rule.

политологическом дискурсе. В своей недавней работе 2020-го г. Д. Трейсман предложил условную теорию модернизации *(conditional modernization theory),* которая предлагает уточнение классическим наработкам С. М. Липсета. Ключевым элементом условной теории модернизации является представление о том, что само по себе развитие не приводит к демократизации. Экономический прогресс создаёт благоприятные условия: «предрасположенность» к ценностям свободы и широкому политическому участию через мобилизацию наёмного труда, рост среднего класса с закреплённым капиталом и налоговыми рычагами давления, расширение доступа к образованию, повышающее политическую эффективность и способствующее распространению ценностей самовыражения, что в целом благоприятствует развитию плюралистической институциональной и социальной среды. Д. Трейсман подтверждает эту корреляцию в средне- и долгосрочной перспективе: более высокий уровень дохода с большей вероятностью способствует устойчивости подобных систем в течение 10-20 лет[126]. Обратная зависимость также подтверждается на практике[127].

Вместе с тем в зависимости от моделей измерения демократии (например, минималистский или максималистский подходы) сам по себе показатель уровня дохода может терять свою статистическую значимость. В своём исследовании Э. Род, К. Натсен и Г. Эгр отмечают прямую зависимость устойчивости полиархий именно от совокупности аспектов развития – распространение информационно-коммуникационных технологий, индустриализация и урбанизация, образование, здравоохранение, административного потенциала[128]. Данный вывод подчёркивает, что в долгосрочной перспективе стабильность обеспечивается комплексным развитием институциональной и социальной среды, в которой рост доходов является пусть значимой, но лишь одной из компонент.

---

[126] Treisman D. Economic Development and Democracy: Predispositions and Triggers.
[127] Luo J. State of the World: Democracy's Impact on Social and Economic Development // V-Dem Institute Working Papers. – 2020. – P. 1-21.
[128] Rød E. G., Knutsen C. H., Hegre H. The Determinants of Democracy: A Sensitivity Analysis.

В свою очередь, социально-экономические факторы стабильности систем с выборными институтами неразрывно связаны с развитием в этих обществах политической культуры и демократических ценностей. В современной политической науке начало дискуссии на эту тему положили во второй половине прошлого века Г. Алмонд и С. Верба, утверждавшие, что поддержание эффективности демократий в значительной степени зависят от политической культуры общества, которую они определяют как совокупность устойчивых моделей ориентации граждан по отношению к политическим объектам[129]. Их центральный тезис заключается в том, что демократия не может существовать исключительно за счёт институтов – она требует прочного ценностного и поведенческого фундамента в обществе. Культура, поощряющая гражданскую активность, поддерживающая плюрализм и терпимость, является необходимым условием выживания и легитимности данных политий.

Теоретико-практические наработки, связанные с влиянием социально-экономических факторов на стабильность полиархий и развитием вследствие этого ключевых элементов политической культуры, таких как ценности самовыражения, автономии личности, гражданского участия и поддержки демократических институтов в обществе, продолжили развивать американские политологи Р. Инглхарт и К. Вельцель. Центральной установкой для ученых является предположение о том, что функционирование стабильного либерального демократического порядка зависит от преобладающих в данном обществе ценностей, наиболее значимыми из которых выступают ценности самовыражения, включающие в себя стремление к самостоятельному принятию решений, самореализации и т.д[130].

Связующим звеном между социально-экономическими факторами и распространением демократических институтов выступает культура. Л. Морлино с коллегами определяют культуру как совокупность преобладающих в конкретном обществе установок, ценностей, убеждений, идеалов и жизненного опыта

[129] Almond G. A. & Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.
[130] Inglehart R. & Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy.

граждан[131]. Политическая культура включает те же элементы, но акцентируется на том, как эти ценности отражаются в политических взглядах людей, их оценке политических систем и осознании собственной роли в политической жизни[132].

Массовые ценности, характерные для гражданской культуры, например, доверие к другим людям и толерантность, оказывают благоприятствующее воздействие на становление институтов политического участия и подотчётности власти. Однако подобная полития может стать стабильной только в случае, если гражданским ценностям придерживается подавляющее большинство населения[133]. Таким образом, для эффективного функционирования институтов необходимо, чтобы они отражали существующие в конкретном обществе ценности.

Тем не менее, подобные культурные ценности не способны укорениться в обществах, где люди подвержены низкой степени личной защищенности, которая в значительной степени зависит от качества функционирования институтов. В последние годы появился целый ряд исследований, авторы которых на основе статистических данных подчёркивают положительную корреляцию культурных ценностей и внедрение инноваций[134], роста населения[135], решение экологических

---

[131] Morlino L. et al. The Quality of Democracy: An Overview // Journal of Democracy. – Vol. 15. – No. 4. – 2004. – P. 20-31.

[132] Citizen Views of Democracy in Latin America / ed. by R. A. Camp. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. – 304 p.

[133] Inglehart R. & Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. – P. 173; Gorodnichenko Y. & Roland G. Culture, Institutions and Democratization // National Bureau of Economic Research. – NBER Working Paper 21117. – 2015. – P. 1-39; Ruck D., Matthews L. J. & Atkinson Q. D. The Cultural Foundations of Modern Democracies // Nature Human Behavior. – 2020. – Vol. 4. – No. 3. – P. 265-269.

[134] Zien, K. A. & Buckler, S. A. Dreams to market: crafting a culture of innovation // Journal of Product Innovation Management. – 1997. – Vol. 14. – Issue 4. – P. 274-287; Tellis, G. J., Prabhu, J. C., Chandy, R. K. Radical Innovation Across Nations: The Preeminence of Corporate Culture // Journal of Marketing. – 2009. – Vol. 73. – Issue 1.– P. 3-23; Williams, L. K. & McGuire, S. J. 2010. Economic Creativity and Innovation Implementation: The Entrepreneurial Drivers of Growth? Evidence from 63 Countries // Small Business Economics. – 2010. – Vol. 34. – Issue 4. – P. 391-412.

[135] Shennan, S.Demography and Cultural Innovation: A Model and Its Implications for the Emergence of Modern Human Culture // Cambridge Archaeological Journal. – 2001. – Vol. 11. - Issue 1. – P. 5-16; Yacout, O. M., Hefny, L. I. Use of Hofstede's Cultural Dimensions, Demographics, and Information Sources as Antecedents to Cognitive and Affective Destination Image for Egypt // Journal of Vacation Marketing. – 2015. – Vol. 21. – Issue 1. – P. 37-52.;

проблем[136], усовершенствование налоговых систем[137], а также борьбу с коррупцией[138] и терроризмом[139].

Увеличение степени социальной и политической защищённости в обществах с подотчётной формой организации власти, как правило, способствует укреплению ценностей самовыражения, которые, в свою очередь, отражают состояние социально-экономического развития и электорально-репрезентативных институтов государства. Посредством социально-экономического развития увеличиваются экономические (богатство и доход), когнитивные (доступ к СМИ и образованию) и социальные (увеличение количества контактов с другими людьми) ресурсы индивида[140]. Это, в свою очередь, расширяет возможный спектр действий граждан, предоставляя свободу и автономность в принятии решений. Норвежские политологи С. Далум и К. Х. Нутсен не находят подтверждений тому, что сами по себе ценности самовыражения

Kumar, S., Giridhar, V., Sadarangani, P. 2019. A Cross-National Study of Environmental Performance and Culture: Implications of the Findings and Strategies // Global Business Review. – 2019. – Vol. 20. – Issue 4. – P. 1051-1068.

[136] Peng, Y.-S., Lin, S.-S. 2009. National Culture, Economic Development, Population Growth and Environmental Performance: The Mediating Role of Education // Journal of Business Ethics. — 2009. – Vol. 90. – Issue 2. – P. 203-219; Nagy, S., Konyha Molnárné, C. The Effects of Hofstede's Cultural Dimensions on Pro-Environmental Behaviour: How Culture Influences Environmentally Conscious Behaviour // Theory, Methodology, Practice. – 2018. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 27-36; Dangelico, R. M., Fraccascia, L., Nastasi, A. National Culture's Influence on Environmental Performance of Countries: A Study of Direct and Indirect Effects // Sustainable Development. – 2020. – Vol. 28. – Issue 6. – P. 1773-1786.

[137] Alm, J., Torgler, B. Culture Differences and Tax Morale in the United States and in Europe // Journal of Economic Psychology. – 2006. – Vol. 27. – Issue 2.– P. 224-246; Koenig, T., Wagener, A., Ifo, C. E. S., Aper, W. O. P., Inance, C. A. P. U. F. // Culture and Tax Structures. Working Paper. – 2012; Čábelková, I., Strielkowski, W. 2013. Is the Level of Taxation a Product of Culture? A Cultural Economics Approach // Society and Economy. – Vol. 35. – Issue 4. – 2013. – P. 513-529.

[138] Huber, W. D. Culture and Corruption: Using Hofstede's Cultural Dimensions to Explain Perceptions of Corruption. Working Paper // SSRN Electronic Journal. – 2001; Yeganeh, H. Culture and Corruption: A Concurrent Application of Hofstede's, Schwartz's and Inglehart's Frameworks. International // Journal of Development Issues. – Vol. 13. – Issue 1. – 2014. – P. 2-24.

[139] Meierrieks, D., Gries, T. Causality Between Terrorism and Economic Growth // Journal of Peace Research. – Vol. 50. – Issue 1. – 2013. – P. 91-104; Kluch, S. P., Vaux, A. Culture and Terrorism: The Role of Cultural Factors in Worldwide Terrorism (1970–2013) // Terrorism and Political Violence. – 2017. – Vol. 29. – Issue 2.– P. 323-341.

[140] Inglehart R. & Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. – P. 170; Diamond L. The Spirit of Democracy. – Times Books, 2008. – 464 p.

способствуют повышению уровня политической подотчётности власти, увеличивают шансы на демократизацию или способствуют устойчивости полиархий[141].

Тем не менее, есть основания полагать, что подобная корреляция применима к рассматриваем странам – Уругваю и Чили. Результаты данных «Латинобарометр» показывают, что страны с более высоким уровнем межличностного доверия и поддержки гражданских свобод – такие как Уругвай и Чили – также достигают высоких результатов в индексах качества демократии[142]. При этом наличие такой корреляции само по себе не позволяет однозначно определить направление причинной связи между распространением соответствующих ценностных установок и качеством политических институтов. В частности, анализ культурных истоков поддержки форм участия и контроля власти в Уругвае демонстрирует, что давние традиции секуляризма, гражданского образования и публичных дебатов сочетались с развитием культуры терпимости и вовлечённости, в результате чего формировалась устойчивость электорально-представительных институтов[143].

В этой связи иной взгляд относительно влияния ценностей самовыражения на уровень демократизации объясняет стабильность политических систем с регулярной сменяемостью власти как результат развития политических институтов. В рамках такого подхода демократия определяется как политическая система, где различные по идеологическим и социальным признакам общественно-политические силы могут свободно принимать участие в политике, и в которой представители власти выбираются гражданами и ответственны перед ними[144].

---

[141] Dalum S. & Knutsen C. H. Democracy by Demand? Reinvestigating the Effect of Self-Expression Values on Political Regime Type // British Journal of Political Science. – 2016. – Vol. 27. – No. 2. – P. 437-461.

[142] Informe Latinobarometro 2023. URL: https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp (дата обращения: 14.10.2024).

[143] Buquet D., & Piñeiro, R. Support for Democracy in Uruguay: The Role of Political Culture // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2016. – Vol. 25. – No. 1.– P. 99-123.

[144] Vanhanen T. Measures of Democracy 1800-2012 (Dataset) // Finnish Social Science Data Archive. – 2019. – P. 1-29. URL: https://services.fsd.tuni.fi/catalogue/FSD1289/PIP/bgF1289_1_mul.pdf. (дата обращения: 14.10.2024).

Т. Ванханен предлагал рассматривать в качестве фундаментальных компонент государств с электоральной подотчётностью политическое участие и политическую конкуренцию. На основе этих двух аспектов учёный выстраивает собственный индекс демократизации. Под политическим участием понимается процент взрослого населения, участвовавшего на выборах; политическую конкуренцию исследователь определяет как доля голосов, полученных маленькими (оппозиционными) партиями на парламентских и (или) президентских выборах[145].

Указанные идеи нашли своё развитие и подтверждение в исследованиях по политической культуре и демократизации, поскольку позволяют оценивать устойчивость конкурентных политий через степень включённости граждан в электоральный процесс и реальную открытость борьбы за власть. Эта корреляция особенно чётко проявляется в стабильных демократиях, где высокие показатели уровня образования повышают доверие к институтам, а также служат вовлечению граждан в политический процесс[146]. При этом устойчивость полиархий статистически повышается при увеличении доли небольших партий[147]. Одновременно, межпартийная конкуренция на выборах представляет собой важный показатель открытой честной соревновательности и распределения власти среди граждан, что способствует росту доверия к существующим институтам политического представительства[148].

---

[145] Vanhanen T. Measures of Democracy 1800-2012 (Dataset). – P. 7.

[146] Kołczyńska M. J. Democratic values, education, and political trust // International Journal of Comparative Sociology. – 2020. – Vol. 61. – No. 1. – P. 3-26.

[147] Norris P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. – Cambridge University Press, 2011. – 350 p.; Gerring J. R., Thacker S. C. & Alfaro R. Democracy and Human Development // The Journal of Politics. – 2012. – Vol. 74. – No. 1. – P. 1-17; Møller J. & Skaaning S. The Rule of Law: Definitions, Measures, Patterns and Causes. – Palgrave Macmillan, 2014. – P. 210

[148] Catterberg G. & Moreno A. The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies // International Journal of Public Opinion Research. – 2005. – Vol. 18. – No. 1. – P. 31-48; Vanhanen T. Measures of Democracy 1800-2012 (Dataset). – P. 8; Claassen C. Does Public Support Help Democracy Survive? // American Journal of Political Science. – 2020. – Vol. 64. – No. 1. – P. 118-134; Kapsa I. Political Trust vs. Turnout in Modern Democracies // Polish Political Science Yearbook. – 2020. – Vol. 49. – No. 3. – P. 151-160.

Политическая культура, в свою очередь, оказывает существенное влияние на качество функционирования электорально-подотчётных институтов. В частности, В. Холи и Т. Эван выделяют два показателя культуры – дистанцию власти *(power distance)* и ориентацию на долгосрочную перспективу *(long-term orientation)*[149], – которые в наибольшей степени воздействуют на качество политических институтов. С учётом выраженности этих двух параметров, среди латиноамериканских стран только опыт Уругвая и Чили служит примером того, как культурные измерения сочетаются с более высоким качеством государственного управления и устойчивостью конкурентных институтов[150].

Социально-экономические и культурные подходы к объяснению устойчивости полиархий демонстрируют, что экономическое развитие, уровень образования, степень социального неравенства и политическая культура выступают не изолированными, а взаимосвязанными факторами, формирующими институциональную устойчивость таких политических систем. Решающее значение приобретает политическая культура – система ценностей, обеспечивающая легитимность и устойчивость демократических институтов. Примеры Уругвая и Чили показывают, что несмотря на временные периоды авторитарного правления, этим странам удалось восстановить и закрепить стабильные институты политического

---

[149] *Дистанция власти* – это культурное измерение, отражающее степень принятия и оправдания неравного распределения власти между индивидами в обществе или организации. В обществах с высокой дистанцией власти иерархические различия воспринимаются как естественные и легитимные, подчинённые склонны демонстрировать уважение и покорность авторитету. Напротив, в обществах с низкой дистанцией власти преобладает стремление к равноправию, горизонтальным структурам и участию в процессе принятия решений;
Ориентация на долгосрочную перспективу – это культурное измерение, характеризующее степень, в которой общество фокусируется на будущих целях, проявляя терпимость к отсроченному вознаграждению, стратегическое мышление, бережливость и устойчивость к изменениям. В культурах с краткосрочной ориентацией приоритет отдается сохранению традиций, выполнению социальных обязательств и стремлению к немедленным результатам. Подробнее см. Hofstede G., Hofstede G. J. & Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind, Third Edition. – McGraw Hill, 2010. – P. 576.

[150] Holý V. & Evan T. The Role of a Nation's Culture in the Country's Governance: Stochastic Frontier Analysis // Central European Journal of Operations Research. – 2021. – Vol. 30. – P. 508-520.

плюрализма благодаря прочно укоренённым в обществах этих государств ценностям и культурным установкам.

§2. Теоретические аспекты и методы исследования стабильности президентских систем

Изучение связи между институциональным дизайном и стабильностью плюралистических форм организации власти занимает значимое место в сравнительной политологии. В классической постановке эта дискуссия связана с анализом президентских и парламентских моделей государственного устройства, а в современных исследованиях всё чаще фокусируется на конкретных институциональных характеристиках, включая распределение полномочий между ветвями власти, характер партийной системы, электоральные правила и их влияние на устойчивость конкурентных политий. В данном разделе будут выделены основополагающие характеристики президентских систем, а также представлены теоретические наработки исследований, демонстрирующих жизнеспособность таких форм подотчётного государственного устройства в долгосрочном плане.

В настоящей работе будет использоваться определение президентских систем на основании предложенной М. С. Шугартом и Дж. М. Кэри матрицы демократических систем[151], которая включает в себя следующие компоненты: 1. Наличие всенародно избранного президента и парламента[152]; 2. Сроки полномочий носителя верховной исполнительной власти и законодательного органа фиксированы и не зависят от доверия сторон друг к другу; 3. Президент назначает членов правительства[153].

---

[151] М. Шугарт и Дж. Кэри выделяют два типа «чистых» систем – президентскую и парламентскую, а также три вариации гибридных – премьер-президентскую, президентско-парламентскую и ассамблейно-независимую.

[152] В настоящем исследовании термины «парламент», «законодательное собрание», «ассамблея» и «конгресс» используются в качестве синонимов. – *прим. автора.*

[153] Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics; Przeworski A., Alvarez M., Cheibub, J. A., and Limongi F. Democracy and Development. – New York: Cambridge University Press. – 2000. – 340 p.

Следует отметить, что президентские системы, как правило, подвергаются критике за жёсткое разделение между исполнительной и законодательно ветвей власти, мажоритарный характер управления президента и, следовательно, более высокую подверженность распадам по сравнению с парламентскими системами. Одним из наиболее видных критиков президенциализма является классик политической науки Х. Линц, который положил начало продолжающимся по сей день дебатам о степени соответствия параметров каждой из этих институциональных моделей критериям устойчивости демократий. Автору видится уместным рассмотреть основные аргументы в поддержку и против президентской формы правления.

Президентские системы традиционно противопоставляются парламентским. В сущности, под парламентаризмом понимается форма правления, при которой правительство формируется с опорой на парламентское большинство, действует при сохранении его доверия и может утратить полномочия в результате парламентского вотума недоверия. Напротив, в президентских системах глава исполнительной власти (президент) имеет демократическую легитимность в виде голосов избирателей наравне с парламентом и независим от него в своей деятельности. Одну из опасностей президентской системы Х. Линц видел как раз в наличии «двойной легитимности» исполнительной и законодательной ветвей власти перед избирателями, что может спровоцировать конфликт относительно того, в какой степени президент и парламент отражают волю своих граждан[154]. Сторонники президентской системы указывают на наличие двух независимо избираемых институтов как одно из подтверждений их легитимности, а также практического действия механизма «сдержек и противовесов»[155]. Кроме того, в защиту президентства политологи приводят факт наличия схожей проблемы при парламентаризме в тех случаях, когда в двухпалатных ассамблеях и депутаты, и сенаторы имеют право выражать вотум недоверия

[154] Linz J. The Perils of Presidentialism.
[155] Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии.

правительству[156]. В этой связи российский политолог Н. И. Борисов подчёркивает, что устойчивая президентская институциональная конфигурация требует развитой конкурентной партийной системы и работающих формальных институтов, которые ограничивают риск авторитарных тенденций со стороны главы государства[157]. О. И. Зазнаев добавляет, что президентская система больше подходит для сглаживания конфликтов в условиях однородных обществ (какими являются Уругвай и Чили)[158], где глава государства выступает в качестве «социальных объединителей, а не разъединителей»[159].

Фиксированный срок президентских полномочий также по ряду факторов может служить причиной институциональных кризисов между исполнительной и законодательной ветвями власти, учитывая невозможность выражения вотума недоверия правительству и роспуска парламента[160]. Ограниченность срока снижает преемственность государственной политики, делая её в значительной мере зависимой от воли главы государства. При этом импичмент, являясь единственным механизмом отстранения президента, утрачивающего поддержку парламентского большинства, представляет собой трудоёмкую и политически рискованную процедуру, особенно в условиях электоральной поддержки президента[161]. Кроме того, жёсткие временные рамки затрудняют реализацию предвыборных программ и неизбежно лишают полномочий компетентного президента даже в случае возможности его переизбрания[162].

---

[156] Mainwaring S., Shugart M.S. Juan Linz, Presidentialism, and Democracy: A Critical Appraisal // Comparative Politics. – 1997. – Vol. 29. – No. 4. – P. 449-471.

[157] Борисов Н. А. Институциональный выбор в позднесоветских политических системах: формирование моделей президентства.

[158] Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту?

[159] Sisk T. D. Presidentialism, Ethnic Violence and the Risk of Overgeneralization // Ethnopolitics. – 2013. – Vol. 12. – No. 1. – P. 86-88.

[160] Ginsburg T., Huq A., & Landau D. The Uses and Abuses of Presidential Impeachment // Public Law and Legal Theory. – Working Paper Series. – 2020. – No. 731. – P. 1-59.

[161] Samuels D. J., Shugart M. S. Presidents, Parties, and Prime Ministers: How the Separation of Powers Affects Party Organization and Behavior. – Cambridge University Press, 2010. – 310 P.

[162] Linz J. The Perils of Presidentialism. – P. 67.

В то же время фиксированные сроки президентских полномочий отражают принцип разделения властей и обеспечивают стабильное существование исполнительной власти и политической системы в целом, в отличие от парламентских демократий, зачастую подверженных кабинетным кризисам и порой непредсказуемой перестановке сил в ассамблеях[163]. Проблема возникновения кризиса власти в президентских системах может быть разрешена при установлении механизма проведения досрочных выборов[164]. Кроме того, ряд исследований указывает на положительную корреляцию между ограничением сроков президентских полномочий и стабильностью демократий, поскольку обеспечивает стабильную ротацию главы государства и предоставляет высокие шансы победы на выборах оппозиционным политикам при участии в них преемника действующего президента[165].

Один из ключевых аргументов против президентской системы связан с её мажоритарными тенденциями, вытекающих из принципа «победитель получает всё», который создаёт условия для концентрации власти фактически в руках одного политического актора[166]. Г. О'Доннелл называет такой типа распределения власти в президентских системах *«делегативной демократией» (delegative democracy)*, при которой избранный президент считает себя единственным легитимным представителем народа и действует в рамках лишь формальных институциональных ограничений[167]. Х. П. Луна и А. Вергара отмечают, что применительно к странам Латинской Америки такой подход к власти отражается на общем стиле руководства и

[163] Donahue T. J. Can Presidential Systems Be Just? // The Johns Hopkins University Working Paper. – 2007. – P. 1-32.
[164] Mainwaring S., Shugart M.S. Juan Linz, Presidentialism, and Democracy: A Critical Appraisal. – P. 453.
[165] Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии. – С. 203.
[166] Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. – Yale University Press, 1999. – 368 p.
[167] O'Donnell G. Delegative Democracy / Journal of Democracy. – 1994. – Vol. 5. – No. 1. – P. 55-69.

принятия решений и ведёт к исключению интересов оппозиции и сужению участия гражданского общества[168].

Однако мажоритарность не является характерной чертой всех президентских систем, а определяется по большей части дизайном избирательной системы, уровнем партийной институционализации и формой государственного устройства (унитаризм или федерация). С. Мэйнуоринг и М. Шугарт подчеркивают, что президентские формы организации власти могут быть устойчивыми при наличии уже упомянутой системы «сдержек и противовесов»: проигравшая президентские выборы партия может сохранять парламентское большинство и блокировать инициативы главы исполнительной власти (в случае отсутствия у него возможности «править указами»)[169]. Более того, в парламентских системах Вестминстерского образца персоналистские элементы правления могут проявляться сильнее в результате сосредоточения законодательной и исполнительной власти в одном органе[170].

Опасения Х. Линца и более современных исследователей относительно президентства заключаются также в тенденциях этой политической системы к поощрению прихода к власти популистов или «аутсайдеров», склонных к персонализации исполнительной власти, что приводит к существенной поляризации в обществе и подрыву авторитета демократических институтов[171]. Однако вероятность появления на политическом поле внесистемных политиков является результатом слабой институциализации партийной системы, её кризиса перед лицом новых социальных вызовов и меняющихся политических предпочтений избирателей.

---

[168] Luna J. P. & Vergara A. Delegative Democracy Revisited: Latin America's Problems of Success // Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27. – No. 3.– P. 158-165.

[169] Mainwaring S., Shugart M.S. Juan Linz, Presidentialism, and Democracy: A Critical Appraisal. – P. 454.

[170] Estévez-Abe M. Japan's Shift Toward a Westminster System: A Structural Analysis of the 2005 Lower House Election and Its Aftermaths // Asian Survey. – 2006. – Vol. 46. – No. 4. – P. 632-651; Russel M. & Serban R. The Muddle of the 'Westminster Model': A Concept Stretched beyond Repair // Government and Opposition. – 2020. – Vol. 56. – No. 4.– P. 1-21.

[171] Linz J. The Perils of Presidentialism. – P. 54; Siavelis, P. M., & Morgenstern, S. Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America: A Framework for Analysis. / P. M. Siavelis & S. Morgenstern (Eds.), Pathways to power: Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America (P. 27-58). – University Park: Pennsylvania State University Press, 2008. – 496 P.

Показательно, что пример таких демократически развитых латиноамериканских президентских государств с сильным партиями, как Коста-Рика, Уругвай и Чили, демонстрирует практически нулевой сценарий прихода к власти кандидатов не из истеблишмента, несмотря на тенденцию роста популизма в странах Латинской Америки[172].

В этом отношении Г. Л. Негретто подчёркивает первостепенную значимость в латиноамериканских президентских системах крепких исторически сложившихся институтов, которые ограничивают возможные попытки глав государства увеличить срок своих конституционных полномочий. Он показывает, что хотя вероятность проведения подобной реформы увеличивается при сильной партийной поддержке, именно устойчивость или хрупкость институциональной среды определяет, смогут ли президенты продлить своё пребывание у власти[173].

В научном сообществе доводы в поддержку президентских систем не ограничиваются лишь контраргументами на изначально приведённую Х. Линцем критику. При анализе президентских институциональных моделей исполнительной власти в качестве идеальных типов исследователи выделяют целый ряд преимуществ, которые могут способствовать устойчивости всей политической системы.

Президентские системы обеспечивают *подотчётность* избранных должностных лиц перед электоратом, которая проявляется в наличии у избирателей прямой возможности смещать политиков посредством голосования в случае, если они не оправдали возложенных на них ожиданий[174]. Максимизация подотчётности со

---

[172] Bejar. S. & Moraes J. A. The International Monetary Fund, Party System Institutionalization, and Protest in Latin America // Latin American Politics and Society. – 2016. – Vol. 58. – No. 2. – P. 26-48; Abofarha E. A. & Nasreldein R. I. Explaining Presidential Instability in Latin America: Evidence from Brazil, Argentina and Ecuador // Review of Economics and Political Science. – 2022. – Vol. 7. – No. 1. – P. 56-70.

[173] Negretto G. L. Tinkering with executive term limits: partisan imbalances and institutional legacies in Latin America // Democratization. – 2021. – Vol. 29. – No. 1.– P. 38-56.

[174] Mainwaring S., Shugart M.S. Juan Linz, Presidentialism, and Democracy: A Critical Appraisal. – P. 461.

стороны избирателей обеспечивается за счёт прямых выборов главы исполнительной власти, получающего мандат непосредственно от электората и сохраняющего полномочия независимо от текущего соотношения сил в парламенте, что отличает эту модель от парламентских форм правления[175]. Даже если Конституция не позволяет президентам баллотироваться на второй срок сразу или вовсе ограничивает возможность повторного переизбрания, избиратели могут «высказать своё недовольство» в адрес не оправдавшего надежд лидера, отдав меньше голосов за представляемую им партию[176].

Несмотря на то, что традиционно характеристику подотчётности главы государства в президентских системах увязывают с вероятностью его импичмента, недавние исследования ставят под вопрос подобную зависимость. На материале кейсов импичмента в странах Латинской Америки Д. Де Мичели с коллегами показывают, что ключевым фактором конституционного отстранения президента от власти при многопартийных системах выступает утрата доверия и политической поддержки со стороны сформированной им коалиции. До тех пор, пока президент удовлетворяет интересы своих союзников, внутреннее единство таких коалиций может сохраняться даже в условиях экономических кризисов, коррупционных скандалов и социальных протестов. Однако когда союзники начинают сомневаться в лояльности президента к их интересам, коалиции быстро распадаются, вследствие чего президент оказывается под угрозой импичмента, основанного не на правонарушениях, а на потере политической опоры[177]. Н. А. Борисов также отмечает, что в ряде случаев смещение главы государства возможно только в результате

[175] Ansolabehere S. D. & Rogowski J. C. Unilateral Action and Presidential Accountability // Presidential Studies Quarterly. – 2020. – Vol. 50. – No. 1. – P. 129-145.
[176] Trager R. F. & Vavreck L. The Political Costs of Crisis Bargaining: Presidential Rhetoric and the Role of Party // American Journal of Political Science. – 2011. – Vol. 55. – No. 3. – P. 526-545.
[177] De Micheli D., Sanchez-Gomez J. T. & Roberts K. M. Tenuous Pacts and Multiparty Coalitions: The Politics of Presidential Impeachment in Latin America.

«неконституционных действий» по причине невозможности проведения вотума недоверия или трудно осуществимой процедуре импичмента[178].

Близкий к подотчётности компонент, отмеченный С. Мэйнуорингом и М. Дж. Кэри, – *идентифицируемость* – также можно отнести к преимуществам президентских демократий. Принцип подотчётности заключается в способности избирателя ещё до проведения выборов определять возможную расстановку сил в правительстве и его будущий состав[179]. Этот тезис находит подтверждение в современных работах, особенно – при двухпартийных системах или многопартийности с голосованием в два тура, когда борьба за президентский пост в конечном итоге разворачивается вокруг двух сильнейших кандидатов[180].

Немаловажной характеристикой президентских систем выступает *взаимная независимость в согласовании законодательных инициатив,* что позволяет парламентариям открыто принимать или отвергать законопроекты исходя из важности рассматриваемого вопроса, а не опасений вынесения вотума недоверия и выживаемости правительства[181]. М. А. Мело подчёркивает, что подобная независимость в отношениях между исполнительной и законодательной ветвями власти особенно наглядно проявляется в тех президентских системах, где глава государства обладает сильными полномочиями в законодательной сфере (Уругвай, Чили), выступая в качестве элемента системы сдержек и противовесов[182]. Кроме того, в масштабном сравнительном исследовании конституций латиноамериканских

---

[178] Борисов Н. А. Досрочное прекращение полномочий президента на постсоветском пространстве: конституционные правила и политическая реальность // Политическая наука. – 2019. - № 4. – 2019. – С. 68-104.

[179] Mainwaring S., Shugart M.S. Juan Linz, Presidentialism, 104(and Democracy: A Critical Appraisal. – P. 462.

[180] Bouton L., Gallego J. Llorente-Saguer A. & Morton R. Run-off Elections in the Laboratory // The Economic Journal. – 2022. – Vol. 132. – Issue 641. – P. 106-146; Bergeron-Boutin O. et al. – Communicating with Voters to Build Trust int U.S. Election System // MIT White Papers. – 2023. – P. 1-28; Mainwaring S. & Drutman L. The Case for Multiparty Presidentialism in the US – Why the House Should Adopt Proportional Representation // Protect Democracy and New America. – 2023. – P. 1-30.

[181] Mainwaring S., Shugart M.S. Juan Linz, Presidentialism, and Democracy: A Critical Appraisal. – P. 463.

[182] Melo M. A. Strong Presidents, robust Democracies? Separation of Powers and Rule of Law in Latin America // Brazilian Political Science Review. – 2009. – Vol. 3. – No. 2. – P. 30-59.

президентских систем Г. Негретто выявил общий рост законодательных полномочий президентов, в особенности их проактивных функций, наряду с одновременным снижением их полномочий в области управления *(government powers)* и расширением возможностей парламентского контроля[183]. Подобная тенденция способствует коалиционированию в парламенте, когда президенты с сильными полномочиями, но слабой поддержкой вынуждены заключать союзы с другими партиями для продвижения своих законодательных инициатив[184]. В этой связи К. Перейра и М. А. Мело на основе эмпирических данных подчёркивают, что институционально сильный глава исполнительной власти нивелирует дестабилизирующие последствия фрагментации партий, которые могут возникать в условиях правительств меньшинства, и одновременно способствует формированию коалиционных правительств большинства. Сильные законодательные органы, в свою очередь, выполняют стабилизирующую функцию в процессе выработки нормативно-правовых актов – такие парламенты могут повысить институциональные издержки, связанные с реализацией законодательных инициатив со стороны исполнительной власти, тем самым укрепляя устойчивость статус-кво[185].

Последние десятилетия в фокусе исследований устойчивости президентских демократий находился вопрос о том, в какой степени объём законодательных *(legislative)* и незаконодательных *(nonlegislative)* полномочий главы исполнительной власти влияет на устойчивость политической системы. Отправная точка в этой дискуссии была задана М. С. Шугартом и Дж. М. Кэри в их классической работе «Президенты и ассамблеи», одна из основных идей которой заключалась в том, что

---

[183] Negretto G. L. Making Constitutions: Presidents, Parties, and Institutional Choice in Latin America. – Cambridge University Press, 2013. – P. 296.

[184] Bunker K. Why do parties cooperate in presidentialism? Electoral and government coalition formation in Latin America.

[185] Pereira C. & Melo M. A. The Surprising Success of Multiparty Presidentialism // Journal of Democracy. – 2012. – Vol. 23. – No. 3. – P. 156-170.

президенты с сильными полномочиями могут подрывать стабильность демократий, представляя собой «наследие авторитаризма»[186].

Сделанные М. С. Шугартом и Дж. М. Кэри выводы в дальнейшем использовались в других исследованиях президентских моделей правления, в то же время подвергаясь критике в части использованной методологии. Замечания касались слабой эмпирической доказуемости представленных переменных, по которым рассчитывались президентские полномочия, и предложенной шкалы оценивания этих переменных[187], а также повышенного акцента на конституционных полномочиях и игнорирования неформальных характеристик и исторических факторов[188].

Недавние исследования показывают отсутствие взаимосвязи между сильными президентскими полномочиями и вероятностью краха демократической системы *(democratic breakdown)*. В частности, С. Моргенстерн с коллегами, перенося акцент с анализа риска такого исхода на оценку качества демократии, показывают, что устойчивость демократической системы «качество демократии», а не подрыв её функционирования, установили, что стабильность демократической системы «значительно варьируется даже при неизменности президентских полномочий»[189], а именно – президенты со слабыми конституционными полномочиями не являются залогом стабильности политической системы.

К схожему выводу пришли бразильские учёные Ж. Ботельо и Р. Силва, в фокусе исследования которых находится степень влияния партийных полномочий *(partisan powers)* президентов стран Латинской Америки на устойчивость демократии. Они

---

[186] Shugart, M.S. and Carey, J.M. Criticisms of presidentialism and responses / Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 28-54.

[187] Fortin-Rittberger J. Measuring Presidential Powers: Some Pitfalls of Aggregate Measurement // International Political Science Review. – 2013. – Vol. 34. – No. 1. – P. 91-112.

[188] Cheibub J. A. Presidentialism, Parliamentarism, and Democracy. – Cambridge University Press, 2007. – 222 p.; Helmke G. & Levitsky S. (eds) Informal Institutions and Democracy Lessons from Latin America. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 362.

[189] Morgenstern S., Perez A., Peterson M. Revisiting Shugart and Carey's Relation of Executive Powers and Democratic Breakdown // Political Studies Review. – 2020. – Vol. 18. – No. 1. – P. 125-144.

показали, что риску демократического отката подвержены именно страны, где глава государства обладает сильным влиянием на партийные механизмы (Боливия, Венесуэла и Никарагуа). В то же время республики с наиболее сильным индексами законодательных полномочий президентов – Уругвай и Чили – демонстрируют собой пример наиболее стабильных политических систем в регионе[190].

В свою очередь А. Перес-Линьян с соавторами в исследовании 2019 г. изучили взаимосвязь доминирования президента в ключевых органах исполнительной власти *(executive hegemony)* с качеством политического представительства. Анализ проводился на основе четырёх индикаторов: процент мест партии президента в нижней палате парламента, процент мест президентской коалиции, процент судей Верховного или Конституционного суда, вступивших должность при сроке действующего президента, а также доля судей высшего уровня, назначенных при любом правительстве, сформированном партией президента. Вывод показал, что именно преобладающее влияние президента на другие ветви власти, а не предусмотренные Конституцией полномочия, представляет значительный риск для стабильности подотчётных форм правления[191].

Таким образом, современные исследования указывают на необходимость переосмысления однозначной связи между институциональными характеристиками президентских систем и устойчивостью полиархий. Вопреки классической критике, начатой Х. Линцем и получившей дальнейшее развитие в работах многих учёных, институциональные параметры и эмпирические данные свидетельствуют о том, что устойчивость президентских моделей правления определяется не столько объёмом формальных полномочий главы государства, сколько качеством межинституциональных взаимодействий, степенью партийной институционализации

[190] Botelho J. C. A. and Silva R. R. Presidential Powers in Latin America Beyond Constitutions // Iberoamericana – Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. – 2021. – Vol. 50. – No. 1. – P. 28-39.

[191] Pérez-Liñan A., Shmidt N. & Vairo D. Presidential Hegemony and Democratic Backsliding in Latin America, 1925–2016 // Democratization. – 2019. – Vol. 26. – No. 4.– P . 606-625.

и уровнем подотчётности. Успешные кейсы Уругвая и Чили демонстрируют, что наличие сильных законодательных полномочий у президентов при развитой партийной конкуренции и эффективном парламентском контроле способствуют укреплению механизмов подотчётного управления этих стран[192].

§3. Концептуальные подходы к анализу воспроизводства партийных коалиций в президентских системах

Дискуссии об условиях формирования и выживания партийных коалиций в современных демократиях строятся вокруг оценки степени влияния президентских и парламентских систем на устойчивость политических режимов в целом. На протяжении долгого времени в научном сообществе общепринятая точка зрения относительно природы образования коалиций основывалась на базовых характеристиках парламентских и президентских систем: парламентаризм представляет собой пример взаимозависимости законодательной и исполнительной власти, при котором стимулируется сотрудничество и создание прочных ассамблейных и кабинетных коалиций. Напротив, суть президентства – независимое сосуществование ассамблеи и правительства, что, в теории, должно препятствовать формированию коалиций и приводить к блокированию политического процесса. Тем не менее по мере институционального укрепления демократий «третьей волны», прежде всего в странах Латинской Америки, в сравнительной политологии сформировался значительный корпус исследований, которые показали, что коалиции – как правительственные, так и законодательные – не являются редким исключением

[192] Варшавский А. Ю. Теоретические рамки исследований устойчивости конкурентных президентских политических систем: состояние дискуссии // Управление и политика. – 2026. – Т. 5. – № 2. – С. 23-40.

в президентских системах, в т.ч. в латиноамериканских странах[193]. В данном разделе систематизируются теоретические обоснования имеющихся научно-исследовательских работ по проблематике формирования коалиций в президентских системах. В частности, исходя из приведённого во введении настоящей диссертации обоснования, основное внимание будет сосредоточено на необходимых институциональных предпосылках для формирования парламентских (законодательных) коалиций, а также условиях взаимодействия акторов исполнительной и законодательной власти, влияющих на выживание партийных коалиций.

Исходный аргумент в дискуссии относительно формирования партийных коалиций в президентских республиках основывается на их сопоставлении с парламентскими системами, а именно – на природе формирования правительства в рамках этих институциональных моделей: в парламентских системах состав кабинета определяется парламентом, а его выживаемость зависит от доверия парламентского большинства. В президентских системах глава исполнительной власти избирается народным голосованием и имеет фиксированные сроки полномочий. Исходя из этих ключевых различий обеих систем в научном сообществе на этапе первых серьёзных компаративистских исследований в данной области утвердился ряд определённых доводов в пользу отсутствия предпосылок для создания коалиций в президентских формах правления, которые можно суммировать следующим образом:

---

[193] Cheibub J. A., Przeworski A. & Saiegh S. M. Government Coalitions and Legislative Success Under Presidentialism and Parliamentarism // British Journal of Political Science. – 2004. – Vol. 34. – No. 4. – P. 565-587; Alemán E. & Tsebelis G. Partidos Políticos y Coaliciones de Gobierno en las Américas // Política Revista de Ciencia Política. – 2012. – Vol. 50. – No 2. – P. 5-32; Albala A. Coalition Presidentialism in Bicameral Congresses: How does the Control of a Bicameral Majority Affect Coalition Survival? // Brazilian Political Science Review. – 2017. – Vol. 11. – No. 2. – P. 1-27.; Bunker K. Why Do Parties Cooperate in Presidentialism? Electoral and Government Coalition Formation in Latin America; Bersch K., Lopez F. & Taylor M. M. Patronage and Presidential Coalition Formation; Zucco C. Jr. Legislative Coalitions in Presidential Systems: The Case of Uruguay; Polanco M. M. Propensión coalicional en Chile: un análisis de los casos del Frente Popular, la Unidad Popular y la Concertación de partidos por la democracia // CONfines de relaciones internacionales y ciencia política. – 2014. – Vol. 10. – No. 20.– P. 59-90.

1. Парламентаризм представляет собой систему «взаимозависимости» исполнительной и законодательной власти, а президенциализм – «взаимной независимости» кабинета и ассамблеи[194];
2. По своим институциональным признакам президентские системы порождают меньше стимулов для создания коалиций – следовательно, коалиции представляют исключительно редкое явление[195];
3. Невозможность создания коалиций в президентских режимах, особенно в условиях многопартийности, приводит к тупиковой ситуации (взаимоблокированию) в парламенте и конфликтным ситуациям в государственном управлении, что негативно сказывается на демократической стабильности в целом[196].

Несмотря на эти скептические оценки, последующие исследования показали, что главы исполнительной власти в президентских системах часто прибегают к формированию коалиций. Одной из значимых работ, анализирующих роль коалиционирования в президентских системах, стала статья Х. А. Чейбуба с соавторами, которые рассмотрели 218 случаев распределения мест в парламенте в 33 президентских полиархий с 1946 по 1999 годы. В 97 случаях (44,5%) ни одна партия не обладала парламентским большинством, а в пятидесяти двух случаях (53,6%) из них на протяжении всего или части периода были сформированы кабинетные коалиции. Результаты показали, что при отсутствии большинства в законодательном органе президенты, которые стремятся заручиться поддержкой, создают коалиции[197].

---

[194] Stepan A. and Skach C. Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarism Versus Presidentialism // World Politics. – 1993. – Vol. 46. – No. 1. – P. 1-22; Linz J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make a Difference? / Linz J. and Valenzuela A. (eds.) The Failure of Presidential Democracy: The Case of Latin America. – Baltimore, Md.: Johns Hopkins, 1994. – P. 3-87.

[195] Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination // Comparative Political Studies. – 1993. – Vol. 26. – No. 2. – P. 198-228.

[196] Jones M. P. Electoral Laws and the Survival of Presidential Democracies. – Notre Dame: Notre Dame University Press, 1995. – 260 p.

[197] Cheibub J. A., Przeworski A. & Saiegh S. M. Government Coalitions and Legislative Success Under Presidentialism and Parliamentarism. – P. 574.

С точки зрения поддержки парламентом главы исполнительной власти, коалиционное правительство возникает в значительной степени при условии отсутствия устремлений оппозиционных партий выдвинуть своего кандидата на пост президента на следующих выборах[198].

В политической науке разделяют два вида коалиций: правительственные (кабинетные) – группа парламентариев от партий, представители которых имеют посты в органах исполнительной власти, и законодательные – парламентарии из разных партий, которые голосуют одинаково. Как правило, при сильной партийной дисциплине кабинетные коалиции автоматически становятся законодательными[199]. Однако существуют нюансы: партии вне кабинетной коалиции могут поддерживать правительственные инициативы (или, по крайней мере, не блокировать их), а законодательная коалиция большинства может выступать против решений правительственной коалиции[200]. Коалиционное правительство возникает только при условии, что состав кабинета формируется из представителей по меньшей мере двух представленных в парламенте партий. В остальных случаях, когда министерские посты занимают члены одной партии, речь идёт об однопартийном правительстве[201]. Внутренняя фракционность партии или её структура как объединения секторов и движений характеризует внутрипартийную коалиционность и относится к уровню партийной организации. Операциональная классификация кабинетов в настоящей работе определяется числом парламентских партий, представленных в правительстве.

---

[198] Ibid. – P. 576.

[199] Saiegh S. M. Policy differences among parliamentary and presidential systems / Congleton R., Grofman B. and Voigt S. (eds.) Oxford Handbook of Public Choice, Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 1016.; Bunker K. Why do parties cooperate in presidentialism? Electoral and government coalition formation in Latin America. – P. 176.

[200] Cheibub J.A. Are the Incentives for Coalition Formation Different in Parliamentary and Presidential Democracies? / Cheibub J.A. Presidentialism, Parliamentarism and Democracy. – Cambridge University Press, 2007. – P. 222.

[201] Strøm K., Müller W. C., Bergman T. Cabinets and Coalition Bargaining: The Democractic Life Cycle in Western Europe. – Oxford University Press, 2008. – P. 464; Ellger F., Klüver H. Adopting restriction: how coalition governments respond to radical right parties // West European Politics. – 2024. – P. 1-33.

В президентских системах единственным инициатором формирования коалиции выступает партия президента[202]. В этой связи партии, приглашённые вступить в коалицию, должны заранее оценить все связанные с этим преимущества (получение министерских кресел, влияние на формирование законодательной повестки и участие в выработке политики) и риски (например, вследствие падения уровня одобрения деятельности президента или экономического спада; кроме того, если партия уверена в своей победе на следующих выборах, участие в коалиции президентской партии может выступить негативным имиджевым фактором, который приведёт к оттоку голосов избирателей)[203]. Более подробнее факторы коалиционирования в президентских системах будет рассмотрены ниже.

Межпартийное сотрудничество можно интерпретировать как результат стремления к расширению политического влияния после победы президента на выборах. Партии и их кандидаты склонны формировать коалиции лишь тогда, когда это становится необходимым условием для принятия законов и общего влияния на политические решения[204]. В ситуациях, когда партия президента не располагает большинством, глава государства может продвигать свою повестку в одностороннем порядке за счёт своих конституционных полномочий, либо стремиться к формированию союзов с другими партиями для создания коалиции большинства в парламенте[205].

---

[202] Alemán E. & Tsebelis G. Partidos Políticos y Coaliciones de Gobierno en las Américas. – P. 17; Albala A. & Couto L. Question of Timing: Pre-Electoral Coalitions in Multiparty Presidential Regimes // Brazilian Political Science Review. – 2023. – Vol. 17. – No. 1. – P. 1-28.

[203] Alemán E. & Tsebelis G. Partidos Políticos y Coaliciones de Gobierno en las Américas. – P. 17-18; Kellam M. Why Pre-electoral Coalitions in Presidential Systems? // British Journal of Political Science. – 2017. – Vol. 47. – No. 2. – P. 391-411; Araújo V., Freitas A., Vieira M. The Presidential Logic of Government Formation in Latin American Democracies // Revista de Ciencia Política. – 2018. – Vol. 38. – No. 1. – P. 25-50.

[204] Santos M. L., Pérez-Liñán A. & García Montero M. El Control Presidencial de la Agenda Legislativa en América Latina // Revista de Ciencia Política. – 2014. – Vol. 33. – No. 3. – P. 511-536.

[205] Martinez-Gallardo C. Out of the Cabinet: What Drives Defections From the Government in Presidential Systems? // Comparative Political Studies. – 2011. – Vol. 45. – No. 1.– P. 62-90.

Следовательно, ключевыми факторами в президентских демократиях, влияющими на склонность главы исполнительной власти к коалиционированию, выступают степень его полномочий, а также соотношение формальных и неформальных сил между ним и законодательной властью[206]. Принято разделять гарантированные президенту конституционные полномочия на *проактивные* (исключительное право инициирования законотворчества и правление указами) и *реактивные* (право вето)[207]. Реактивные полномочия, такие как право вето на законодательные инициативы, значительно чаще снижают склонность президентов формировать коалиционные кабинеты, чем проактивные полномочия, такие как возможность использовать процедуры срочного рассмотрения законопроектов или издавать указы. Если проактивные полномочия предоставляют президенту, в терминологии П. Чейсти и Т. Дж. Пауэра, преимущество первого хода *(a first-mover advantage)*, не гарантируя при этом проведение предпочитаемой политики, то сильное вето позволяет эффективно блокировать реализацию решений, значительно отклоняющихся от предпочтений президента[208]. В таких условиях президенты, не обладающие парламентским большинством, могут прийти к выводу, что способны контролировать законодательную повестку и предотвращать принятие нежелательных решений без необходимости создавать законодательную коалицию. Таким образом, чем сильнее полномочия президента по наложению вето, тем ниже вероятность формирования коалиционного кабинета, обладающего большинством[209].

---

[206] Bunker K. Why do parties cooperate in presidentialism? Electoral and government coalition formation in Latin America. – P. 177.

[207] Haggard S. & McCubbins M. D. Presidents, Parliaments, and Policy. – Cambridge University Press, 2001. – 378 p.; Morgentern S., Polga-Hecimovich J., and Shair-Rosenfield S. Tall, Grande, or Venti: Presidential Powers in the United States and Latin America // Journal of Politics in Latin America. – 2013. – Vol. 5. – No. 2. – P. 37-70.

[208] Chaisty P. and Power T. J. Flying Solo: Explaining Single-Party Cabinets Under Minority Presidentialism // European Journal of Political Research. – 2019. – Vol. 58. – No. 1. – P. 163-183.

[209] Borges A., Turgeon M. & Albala A. Electoral Incentives to Coalition Formation in Multiparty Presidential Systems // Party Politics. – 2020. – Vol. 27. – No. 6. – P. 1279-1289.

За исключением США, в рамках президентских систем глава исполнительной власти обычно имеет существенные права в фактически единоличном принятии ключевых политико-управленческих решений (особенно это относится к странам Латинской Америки), которые позволяют инициирование бюджетного законодательства, объявление чрезвычайного положения, формирование состава кабинета, предложение о поправках в конституцию и др., – в то время как спектр законодательных полномочий парламента в этих вопросах может быть существенно ограничен (в т.ч. так обстоит дело в Уругвае и Чили). Тем не менее, в условиях правительства меньшинства речь может идти о следующих конфигурациях: 1) при широких полномочиях законодательного собрания, в т.ч. способности обойти президентское вето, политические решения будут основаны на выборе парламентского большинства; 2) при широких полномочиях президента и невозможности обхода парламентом его вето в политическом пространстве сохраняется статус-кво, существовавший до попыток создания правящей коалиции[210]. Необходимо отметить, что конституции практически всех президентских систем устанавливают порядок надлежащих действий при взаимоблокировании исполнительной и законодательной ветвей в целях предотвращения кризисной ситуации (например, при отклонении парламентом выдвинутого президентом проекта бюджета в Уругвае принимается прошлогодний бюджет, а в Чили – проект, представленный правительством).

Как отмечает Дж. Цебелис в своём классическом исследовании о влиянии вето-игроков на политическую стабильность[211], степень устойчивости электорально-подотчётных систем зависит от числа вето-игроков (индивидуальных или коллективных), их внутренней согласованности (cohesion) и степени совпадения

---

[210] Cheibub J. A., Przeworski A. & Saiegh S. M. Government Coalitions and Legislative Success Under Presidentialism and Parliamentarism. – P. 568-569.

[211] Дж. Цебелис определяет «политическую стабильность» как состояние, при котором изменение существующего статуса-кво невозможно, даже если подобное изменение необходимо или целесообразно.

позиций (congruence). Чем больше таких акторов и выше их согласованность, тем устойчивее политическая система – это характерно как для парламентских, так и для президентских демократий[212].

В отечественной политологической литературе значение этой концепции для анализа форм правления подчёркивает И. А. Помигуев. Он обращает внимание на необходимость совместного учёта конституционно закреплённых полномочий высших органов власти и фактического положения акторов, способных влиять на изменение статус-кво[213]. Применительно к президентским демократиям это позволяет точнее учитывать роль акторов, которые участвуют в поддержании, корректировке или блокировании действующего политического курса.

Наличие у президента законодательных полномочий даёт ему возможность практически в одиночку влиять на действующий статус-кво, обходя решения парламента. В таких условиях президенты часто избегают создания коалиций, опираясь на указы даже при оппозиционном большинстве в парламенте[214]. Таким образом, правительства меньшинства в президентских системах с большей вероятностью устанавливаются при отсутствии у законодательной власти механизмов сдерживания принимаемых президентом решений[215].

Наибольшие стимулы к взаимодействию с ассамблеей проявляются у президентов, которые не могут самостоятельно контролировать политическую повестку, т.е. имеют слабые законодательные полномочия, и при этом не располагают существенной поддержкой в парламенте. Это подтверждается недавними

---

[212] Tsebelis G. Decision Making in Political Systems: Veto Players in Presidentialism, Parliamentarism, Multicameralism and Multipartyism // British Journal of Political Science. – 1995. – Vol. 25. – No. 3. – P. 289-325.

[213] Помигуев И. А. Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 200-201.

[214] Neto O. A. The Presidential Calculus: Executive Policy Making and Cabinet Formation in the Americas // Comparative Political Studies. – 2006. – Vol. 39. – No. 4. – P. 415-440; Martinez-Gallardo C. Designing Cabinets: Presidential Politics and Ministerial Instability // Journal of Politics in Latin America. – 2014. – Vol. 6. – No. 2. – P. 3-38.

[215] Alemán E. & Tsebelis G. Partidos Políticos y Coaliciones de Gobierno en las Américas. – P. 11.

эмпирическими исследованиями латиноамериканских демократий, проведёнными К. Бункером и А. Албалой[216]. Механизмы контроля, предоставленные конгрессу, позволяют ему оказывать влияние на баланс сил между ветвями власти и, главным образом, воздействовать на политику президента. К числу таких полномочий относятся, например, создание комитетов по расследованию, наложение вето на назначение президентом членов правительства, запуск процедуры импичмента, депутатский запрос, пересмотр бюджетного законодательства, вызов представителей кабинета на парламентские слушания и др.[217]. В условиях, когда баланс сил складывается не в пользу главы исполнительной власти, фактор идеологической близости с другими партиями при переговорах о формировании коалиций выступает ещё острее, поскольку президенты в значительной степени обеспокоены повышением внутренней целостности будущей коалиции для успешного взаимодействия с парламентскими фракциями[218].

В этом отношении существенную роль играет поведение парламентариев, которые, несмотря на наличие собственных электоральных целей, вынуждены действовать исходя из установленных внутренних процедур законодательного органа и взаимоотношений с президентом. В недавних компаративистских исследованиях подтверждаются выводы Ф. Лимонжи и А. Ч. Фигейредо о том, что в индивидуальном плане для парламентариев ключевыми стимулами поддержки главы исполнительной власти выступают ресурсное обеспечение и возможность участвовать в выработке политических решений[219]. Лидеры партии договариваются с президентом о поддержке

---

[216] Bunker K. Why Do Parties Cooperate in Presidentialism? Electoral and Government Coalition Formation in Latin America. – P. 194; Albala A. When Do Coalitions Form Under Presidentialism, and Why Does it Matter? A Configurational Analysis from Latin America.

[217] Alcántara M. S., García Montero M. y Sánchez López F. Funciones, procedimientos y escenarios: un análisis del Poder Legislativo en América Latina. - Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2005. – 307 p.; Alemán E. & Tsebelis G. Partidos Políticos y Coaliciones de Gobierno en las Américas. – P. 12.

[218] Borges A. & Floriano Ribeiro P. Presidents, Prime Ministers and Legislative Behaviour: The Conditional Effect of Presidential Legislative Powers on Party Unity // Government and Opposition. – 2023. – Vol. 58.– P. 227-248.

[219] Figueiredo A. & Limongi F. Presidential Power, Legislative Organization, and Party Behavior in Brazil // Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No. 2.– P. 151-170; Kellam M. Parties for

выдвигаемых им законодательных инициатив в обмен на доступ членов партии к участию в выработке политического курса и патронажу. Президенты тем самым могут способствовать выработке централизованной системы принятия решений внутри партий, наподобие парламентских систем, что положительно сказывается на формировании президентской коалиции и её эффективности[220].

Применительно к латиноамериканским демократиям, в политологической литературе приводится широкий спектр точек зрения относительно условий, побуждающих партии этих стран к взаимодействию друг с другом. Прежде всего, как уже отмечалось, институциональные особенности президентских систем существенно влияют на стимулы партий к формированию коалиций. Разделение исполнительной и законодательной власти создает условия, при которых партии могут стратегически использовать свою поддержку – особенно в случаях, когда президент не располагает парламентским большинством[221]. Основными стимулами к коалиционированию выступают стремление оказать влияние на законодательные результаты, обеспечивать реализацию собственных политических приоритетов и укреплять переговорные позиции во взаимодействии с исполнительной властью[222]. Участие в коалициях позволяет партиям повышать свою политическую видимость, увеличивать

---

hire: How particularistic parties influence presidents' governing strategies // Party Politics. – 2015. – Vol. 21. – No. 4. – P. 515-526; Borges A., Turgeon M. & Albala A. Electoral Incentives to Coalition Formation in Multiparty Presidential Systems. – P. 7.

[220] Chaisty P. & Chernykh S. How Do Minority Presidents Manage Multiparty Coalitions? Identifying and Analyzing the Payoffs to Coalition Parties in Presidential Systems // Political Research Quarterly. – 2017. – Vol. 70. – No. 4. – P. 762-777; Bucur C. Presidents and Cabinet Payoffs in Coalition Governments // Political Studies Review. – 2020. – Vol. 18. – No. 1. – P. 30-52.

[221] Alemán E. & Kellam M. The Nationalization of Presidential Elections in the Americas // Electoral Studies. – 2017. – Vol. 47. – P. 125-135; Chaisty P. and Power T. J. Flying solo: explaining single- party cabinets under minority presidentialism // European Journal of Political Research. – P. 1.

[222] Borges A., Turgeon M. & Albala A. Electoral Incentives to Coalition Formation in Multiparty Presidential Systems. – P. 2.

законодательную эффективность и усиливать влияние на процессы государственного управления[223].

Во-вторых, важную роль для создания коалиций играют электоральные стимулы. Партии формируют коалиции как в преддверии выборов – для консолидации голосов, – так и после них, чтобы укрепить позиции и получить доступ к ресурсам[224]. Особенно заметны эти выгоды для оппозиционных партий, которые, участвуя в предвыборных соглашениях с президентом, обеспечивают не только текущую парламентскую поддержку, но и добиваются долгосрочных преимуществ: расширения электоральной базы, повышения узнаваемости и укрепления влияния на последующие выборы.[225]. Й. Фроденрайх подчёркивает, что диспропорциональный характер президентских выборов побуждает партии формировать коалиции ещё до выборов с целью повышения шансов на победу, что обусловлено стратегическим поведением избирателей и стремлением партий минимизировать электоральные риски. При этом отказ от выдвижения собственного кандидата также связан с определёнными издержками, вследствие чего партии стремятся получить компенсации в виде уступок по политической программе, соглашений о взаимной передаче голосов или обещаний распределения постов после выборов. К тому же, вероятность создания коалиций увеличивается при исключении из переговоров партии главного соперника потенциального победителя на предстоящих выборах[226].

---

[223] Albala A. When Do Coalitions Form Under Presidentialism, and Why Does it Matter? A Configurational Analysis from Latin America. – P. 2; Chaisty P., Cheesman N. & Power T. Rethinking the “Presidentialism Debate”: Conceptualizing Coalitional Politics in Cross-Regional Perspective // Democratization. – 2012. – Vol. 21. – No. 1. – P. 72-94.

[224] Martinez-Gallardo C. Designing Cabinets: Presidential Politics and Ministerial Instability // Journal of Politics in Latin America. – P. 4.; Borges A., Turgeon M. & Albala A. Electoral Incentives to Coalition Formation in Multiparty Presidential Systems. – P. 10.

[225] Kellam M. Why Pre-electoral Coalitions in Presidential Systems? // British Journal of Political Science. – P. 8; Albala A., Borges A. & Couto L. Pre-electoral coalitions and cabinet stability in presidential systems // British Journal of Politics & International Relations. – 2021. – Vol. 25. – No. 1. – P. 64-82.

[226] Freudenreich J. The Formation of Cabinet Coalitions in Presidential Systems.

Программно-идеологические стимулы также способствуют межпартийному взаимодействию, особенно для малых партий, которым участие в коалиции даёт шанс реализовать конкретные цели. Идеологическая близость и совпадение интересов благоприятствуют формированию устойчивых альянсов, снижая транзакционные издержки и упрощая достижение соглашений[227]. Однако в латиноамериканском контексте коалиции зачастую состоят из идеологически разнородных партий, что подчёркивает стратегические расчёты между акторами. Такие прагматические коалиции возникают, когда партия президента, не обладающая законодательным большинством, признаёт необходимость компромиссов для реализации политического курса и обеспечения стабильности системы на протяжении всего срока главы исполнительной власти[228].

Кроме того, значительное влияние на динамику коалиций оказывают стимулы, связанные с распределением ресурсов. В этой связи ключевую роль занимает механизм т.н. патронажа *(patronage)*, под которым К. Бёрч и соавторы понимают совокупность политических акторов (прежде всего членов парламентских партий, выступающих с поддержкой президента), получающих доступ к административным политическим назначениям (*Administrative Political Appointees, APAs)*[229]. Путём стратегического распределения должностей и ресурсов президенты создают условия для партийного сотрудничества и обеспечивают законодательную поддержку, необходимую для реализации политики и поддержания стабильности этой патронажной коалиции[230]. Обмен ресурсов на законодательную поддержку является

[227] Albala A. When Do Coalitions Form Under Presidentialism, and Why Does it Matter? A Configurational Analysis from Latin America. – P. 7; Borges A., Turgeon M. & Albala A. Electoral Incentives to Coalition Formation in Multiparty Presidential Systems. – P. 4.
[228] Albala A., Borges A. & Couto L. Pre-electoral coalitions and cabinet stability in presidential systems. – P. 14.
[229] Bersch K., Lopez F. & Taylor M. M. Patronage and Presidential Coalition Formation // Political Research Quarterly. – P. 3.
[230] Ibid. – P. 7.

ключевым условием существования коалиций, особенно в условиях фрагментированных партийных систем[231].

Важным элементом устойчивости президентских коалиций выступают механизмы внутрипартийной дисциплины, обеспечивающие согласованное поведение парламентских фракций. Дж. Цебелис определяет партийную дисциплину как «способность партии контролировать процесс голосования своих членов в парламенте»[232]. Как подчёркивают А. Борхес с коллегами, ссылаясь на выводы Дж. М. Кэри и У. Сиебера, партийная сплочённость в президентских демократиях определяется двумя ключевыми механизмами: *дисциплиной,* поддерживаемой партийным руководством, а также *внутренней согласованностью (cohesiveness),* т.е. степени совпадения идеологических и программных установок депутатов одной фракции[233]. Эти факторы формируют основу единства при голосовании (voting unity), которая варьируется в зависимости от институционального контекста[234].

Президентские системы, в отличие от парламентских, в меньшей степени стимулируют развитие партийных структур, способных обеспечивать устойчивую дисциплину и программную целостность. Поскольку выживание исполнительной власти не зависит от поддержки парламентского большинства, партии концентрируются не на развитии организованных фракций, а на конкуренции в президентских выборах. В результате возникает явление, которое Д. Сэмюэлс и М. Шугарт назвали «президентализацией» партий, при котором внимание смещается с программной повестки на персональные качества кандидатов, что ослабляет внутрипартийную согласованность[235].

---

[231] Chaisty P., Cheesman N. & Power T. Rethinking the “Presidentialism Debate”: Conceptualizing Coalitional Politics in Cross-Regional Perspective. – P. 5.
[232] Tsebelis G. Decision Making in Political Systems: Veto Players in Presidentialism, Parliamentarism, Multicameralism and Multipartyism. – P. 311.
[233] Borges A. & Floriano Ribeiro P. Presidents, Prime Ministers and Legislative Behaviour: The Conditional Effect of Presidential Legislative Powers on Party Unity. – P. 4.
[234] Ibid.
[235] Samuels D. J., Shugart M. S. Presidents, Parties, and Prime Ministers: How the Separation of Powers Affects Party Organization and Behavior.

Тем не менее, наличие у президента значительных законодательных полномочий (включая право вето, законодательную инициативу, издание указов и контроль над бюджетом) может создавать стимулы для координации с парламентом и повышать уровень партийной сплочённости[236]. Такие полномочия делают президента ключевым игроком в формировании повестки (agenda setter), тем самым усиливая заинтересованность партий к сотрудничеству с ним и укрепляя дисциплину при голосовании.

Показательно, что недавние компаративистские исследования подтверждают наличие у парламентариев стимулов для поддержания внутрипартийной дисциплины в условиях коалиции, независимо от степени президентских полномочий. В системах с сильной исполнительной властью парламентские фракции нередко структурируются по линии «правительство – оппозиция», что способствует росту партийной сплочённости[237]. В частности, на основании выборки из более чем 200 коалиционных правительств латиноамериканских государств А. Фигейредо, Дж. Канелло и М. Виейра показали, что подавляющее большинство президентов, обладающих значительным влиянием на формирование повестки, предпочитают опираться на многопартийные коалиции[238]. В то же время при слабых институциональных полномочиях у президентов появляются стимулы к законодательному сотрудничеству с партиями сформированной коалиции, что повышает сплочённость парламентариев[239].

Таким образом, приведённые выше теоретические положения о коалиционном строительстве в президентских формах представительного правления позволяют

---

[236] Cheibub J. A., Elkins Z. and Ginsbourg T. Beyond Presidentialism and Parliamentarism // British Journal of Political Science. – 2014. – Vol. 44. – No. 3. – P. 515-544.
[237] Cheibub J. A. Presidentialism, Parliamentarism, and Democracy. – P. 133.
[238] Figueiredo A. C., Canello J. & Vieira M. Governos Minoritários no Presidencialismo Latino-Americano: Determinantes Institucionais e Políticos // Dados: Revista de Ciências Sociais. – 2012. – Vol. 55. – No. 4.– P. 839-875.
[239] Borges A. & Floriano Ribeiro P. Presidents, Prime Ministers and Legislative Behaviour: The Conditional Effect of Presidential Legislative Powers on Party Unity. – P. 8.

сделать вывод о том, что независимое сосуществование исполнительной и законодательной ветвей власти не только не является препятствием для формирования партийных коалиций в этих системах, но и успешно осуществляется. Проведённые исследования подтверждают, что в условиях отсутствия абсолютного парламентского большинства глава государства настроен на сотрудничество с оппозиционными партиями с целью создания коалиций в более половине подобных ситуаций.

Особенность президентских форм организации исполнительной власти заключается в том, что инициатором переговорного процесса о формировании коалиций выступает партия главы исполнительной власти независимо от количества занимаемых ею мест в отличие от парламентских демократий, где предложения об объединении выдвигает наиболее широко представленная в законодательном органе партия. Неспособность сформировать коалицию в президентских системах во многом связана с фиксированным электоральным циклом и собственными президентскими амбициям остальных лидеров партий на предстоящих выборах. В связи с этим оппоненты находящейся у власти партии могут предпочесть не «ставить на карту» свой имидж в глазах потенциальных избирателей и не связывать себя с политическим курсом действующего президента, особенно на фоне приближающегося голосования и при низких рейтингах одобрения правительства.

Стимулы к формированию коалиций в президентских системах в значительной мере зависят от степени соотношения институциональных полномочий главы исполнительной власти и парламента. Иными словами, речь идёт о балансе сил вето-игроков, который определяет перспективы и состав будущей коалиции. Президенты с широкими – проактивными – законодательными полномочиями, позволяющими ему самостоятельно контролировать политическую повестку посредством инициирования законодательных инициатив, слабо заинтересованы в создании коалиций с другими партиями, даже если они возглавляют правительство меньшинства. Гораздо более насущная необходимость договариваться о формировании коалиции с парламентскими фракциями возникает в случае отсутствия у главы исполнительной

власти возможности проводить политические решения в обход законодательного органа. В подобных условиях, во избежание формирования антиправительственного парламентского большинства и для получения возможности обходить парламентское вето, президенты стремятся заручиться поддержкой других партий, главным образом близких в идеологическом плане, что будет положительно сказываться на внутренней целостности потенциально коалиции.

Успех выживания коалиции также связан с уровнем партийной дисциплины, которая формируется посредством взаимодействия главы исполнительной власти и лидеров партий. Они договариваются с президентом о поддержке выдвигаемых им законодательных инициатив в обмен на доступ членов партии к участию в выработке законодательства и патронажу. Тем самым, за счёт уменьшения различий в политических взглядах и разногласий относительно политического курса, укрепляется централизованная система руководства в коалиции, что, в свою очередь, положительно влияет на статус-кво и выживаемость институтов государства.

§ 4. Описание методики качественного сравнительного анализа

В настоящем исследовании качественный сравнительный анализ применяется для выявления конфигураций условий, способствующих устойчивости партийных коалиций в президентских демократиях Уругвая и Чили. Единицей анализа выступает президентский срок, результатом – устойчивость правящей коалиции в соответствующем политическом цикле. Каждый президентский срок рассматривается как отдельный случай, для которого фиксируется наличие или отсутствие выбранных условий и анализируется их сочетание с итоговым результатом.

Выбор метода КСА обусловлен ограниченным числом наблюдений и необходимостью выявить несколько возможных путей к коалиционной устойчивости. Метод позволяет сопоставить президентские сроки в Уругвае и Чили, сохранить

внимание к контексту каждого случая и формализовать сравнение условий, влияющих на устойчивость партийных коалиций. Такая логика применения метода требует предварительной характеристики его основных принципов и аналитических возможностей.

Впервые метод качественного (или конфигуративного) сравнительного анализа был разработан в 1987 г. профессором социологии Калифорнийского университета в Ирвайне Чарльзом Рейджином. КСА помогает совместить в одном исследовании как качественный подход, ориентированный на казусы во всем их разнообразии, так и количественный метод, нацеленный на выделение различных сочетаний переменных и установление связи между ними. Цель качественного сравнительного анализа состоит в том, чтобы среди всех характеристик, используемых в анализе, выделить относительно простые закономерности[240]. В качестве примера использования метода КСА в политологическом исследовании автор опирался на работу Дирка Берг-Шлоссера и Гисель де Мюр «Условия авторитаризма, фашизма и демократии в межвоенной Европе»[241], где авторы путем выделения различной комбинации факторов объясняют причины сохранения и падения демократических режимов в Европе периода 1919-1939 годов. В числе остальных учёных, занимающихся развитием теоретических рамок QCA и применением этого метода в компаративистике, можно выделить К. Шнайдера, К. Вагеманна, Р. Бенуа, А. Маркса, П. Аламос-Кончу, А. Тьема и А. Дусу[242].

---

[240] Ragin, C. C. The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies.

[241] Berg-Schlosser D., De Meur G. Conditions of Authoritarianism, Fascism, and Democracy in Interwar Europe. Systematic Matching and Contrasting of Cases for “Small N” Analysis. // Comparative Political Studies. – 1996. – Vol. 29. – No. 4. – P. 423-468.

[242] Schneider C. Q., & Wagemann C. Set-Theoretic Methods for the Social Sciences: A Guide to Qualitative Comparative Analysis. – Cambridge University Press, 2012. – 370 p.; Benoît R., Marx A. et Álamos-Concha P. 25 années de QCA (quaLitative comparative anaLysis): quel chemin parcouru ? // Revue Internationale de Politique Comparée. – 2014. – Vol. 21. – No. 2.– P. 61-79; Thiem A. and Dus ̧a A. QCA: A Package for Qualitative Comparative Analysis // The R Journal. – 2013. – Vol. 5. – No 1. – P. 87-97.

Среди основных характеристик метода качественного сравнительного анализа можно выделить следующие[243]:

1. *QCA совмещает в себе качественный и количественный типы анализа.*

   В данном исследовании качественным компонентом выступает теоретически и контекстно обоснованная калибровка множеств для выбранных факторов и исхода «стабильность правящей коалиции». Количественный компонент – построение конфигураций факторов, влияющих на устойчивость парламентских коалиций по президентским срокам Уругвая и Чили;

2. *QCA дает мощный инструмент анализа множественной казуальности (позволяет оценивать комплексные причинно-следственные связи, при которой сложные комбинации причинных условий способны приводить к одинаковому результату)*

   Применительно к теме диссертации, метод позволяет выявлять пути к устойчивости коалиций (эквифинальность) на основе сочетания институциональных и социокультурных условий;

3. *QCA идеально подходит для исследовательского дизайна с малой и средней совокупностью факторов*

   Единица анализа – президентский срок; суммарное число сроков по двум странам относится к промежуточному объёму данных. Метод позволяет сравнивать конфигурации условий между сроками и странами без потери кейс-специфики и формулировать выводы о достаточности и необходимости условий для стабильности парламентских коалиций*;*

4. *QCA позволяет использовать теоретико-множественные методы для анализа социальных явлений.*

[243] Ragin C., De Meur G., Benoît R., Berg-Schlosser D. Qualitative Comparative Analysis (QCA) as an Approach / in Benoît R. & Ragin C. (eds.) Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques. – SAGE Publications, Inc., 2009. – 240 P.

Для каждой независимой переменной (выбранного фактора) указывается пороговое значение. Далее, с применением булевой алгебры, производится оценка влияния данного фактора на устойчивость коалиций в данный президентский срок.

Качественный сравнительный анализ строится на применении булевой алгебры. В свою очередь, булева алгебра подразумевает собой анализ эмпирических данных путем формализации качеств с помощью высказываний, оцениваемых как истинные (наличие качества – [1]) или ложные (отсутствие качества – [0]). Запись полученных комбинаций записывается следующим образом:

- Логическая операция «И», обозначаемая знаком умножения [*]
  A*B; AB
- Логическая операция «НЕ», обозначаемая символом тильды (~), показывает отсутствие или отрицание условия либо переменной
- Логическая операция «ИЛИ», записываемая как дополнение [+]
  A+B
- Стрелка [→] обозначает отношение достаточности между конфигурацией условий и исследуемым результатом.

Среди всех видов качественного сравнительного анализа в данной работе используется его классический тип – анализ четких множеств (crisp-set) – csQCA. Оценка логической устойчивости и эмпирической значимости полученных конфигураций осуществляется с использованием теоретико-множественных параметров согласованности (set-theoretic parameters of fit). Они включают в себя следующие индикаторы:

- PRI (Proportional Reduction in Inconsistency) – показатель пропорционального снижения несогласованности. Определяет, приводит ли конфигурация именно к данному результату, а не в равной степени к его отсутствию.

- Incls (Inclusion Consistency) – показатель согласованности решения. Измеряет степень, в которой конфигурация условий является достаточной для возникновения рассматриваемого результата.
- covS (Coverage of Sufficiency / Raw Coverage) – индикатор общего охвата. Отражает эмпирическую значимость конфигурации, показывая, какую долю случаев с результатом она охватывает.
- covU (Unique Coverage) – индикатор уникального покрытия. Показывает долю результата, объясняемую исключительно данной конфигурацией.

В рамках используемого в настоящем исследовании анализа чётких множеств (crisp-set QCA, csQCA) каждому наблюдению присваивается бинарное значение, отражающее его принадлежность к множеству, заданному соответствующим условием. Значение **[1]** означает принадлежность наблюдения к данному множеству, значение **[0]** – отсутствие такой принадлежности. Присваиваемые значения сами по себе не характеризуют влияние отдельного условия на устойчивость партийной коалиции. Наличие необходимых и достаточных отношений между отдельными условиями, их конфигурациями и исследуемым результатом устанавливается на последующих этапах качественного сравнительного анализа.

Таким образом, применение КСА позволяет сопоставлять президентские сроки Уругвая и Чили с точки зрения устойчивости партийных коалиций, учитывая особенности каждого отдельного случая. Использование единых критериев сравнения даёт возможность выявить сходства и различия между исследуемыми периодами, сохраняя при этом их политический и институциональный контекст.

Выводы Главы 1

Резюмируя, в данной главе были определены теоретико-методологические основания к проведению исследования факторов устойчивости партийных коалиций в президентских системах через призму комплексного анализа параметров стабильности современных президентских моделей правления. В методологическом отношении обосновано применение качественного сравнительного анализа (QCA), позволяющего рассматривать президентские сроки Уругвая и Чили как отдельные случаи и выявлять конфигурации условий, способствующих устойчивости партийных коалиций.

Так, с точки зрения неоинституционализма, устойчивость полиархии определяется через совокупность отлаженно работающих формальных процедур и соблюдения устоявшихся неформальных правил всеми акторами, принимающими политические решения, и представителями гражданского общества. Исторический подход подчёркивает значимость критических развилок и институциональной преемственности. Концепция институционального наследия объясняет, как элементы прежних режимов способствуют восстановлению демократии. В свою очередь социокультурное измерение дополняет институциональный анализ, показывая, что политическая культура и ценности граждан играют роль внутреннего ресурса устойчивости. Высокие уровни гражданской вовлечённости и доверия к институтам в Уругвае и Чили иллюстрируют, как общепринятые в обществе ценности стабилизируют демократические практики в этих странах.

В этой связи эмпирические факты указывают, что устойчивость президентских демократий определяется не столько объёмом формальных полномочий главы государства, сколько качеством межинституциональных взаимодействий, степенью партийной институционализации и уровнем подотчётности. Рассмотренные в главе исследования демонстрируют, что значительные законодательные полномочия президента могут создавать стимулы для координации с парламентом. Их

политические последствия зависят от баланса между исполнительной и законодательной ветвями власти и действенности механизмов парламентского контроля.

В данном контексте партийное коалиционирование обусловлено ограничениями властных ресурсов президента и необходимостью обеспечения законодательной поддержки. Баланс формальных и неформальных институтов определяет структуру стимулов для сотрудничества между партиями. Чем более ограничены президентские инструменты давления на парламент, тем выше вероятность коалиционного взаимодействия.

Исторические и социально-экономические предпосылки институционального оформления устойчивых партийных систем Уругвая и Чили, включая традиции партийной конкуренции, парламентского представительства и межпартийного согласования, а также ключевые характеристики президентской и электоральной систем исследуемых стран, способствовавшие становлению и развитию партийных коалиций, будут рассмотрены в следующей главе.

Глава 2. Исторические, политико-культурные и социально-экономические факторы институционального развития, партийного строительства и коалиционирования в Уругвае и Чили

В данной главе исследуются основные аспекты исторического, политико-культурного и социально-экономического развития Уругвая и Чили начиная с периода становления их государственности в первой трети XIX в., которые повлияли на формирование устойчивой системы парламентских партий, развитие политического представительства и обусловили развитие партийных коалиций. Особое внимание уделяется историческим предпосылкам партийного строительства, социально-экономическим условиям политического развития и особенностям межпартийного взаимодействия, оказавшим влияние на последующее воспроизводство партийных коалиций. Кроме того, рассматриваются ключевые характеристики президентской и электоральной систем Уругвая и Чили, обусловившие становление и развитие партийных коалиций, а также оказывающих влияние на поддержание устойчивости полиархических систем этих стран.

§ 1. Исторические, политико-культурные и социально-экономические аспекты стабильности партийных коалиций в Уругвае

Партийная система Уругвая является одной из наиболее долговечных в современных демократиях и одной из наиболее зрелых среди латиноамериканских стран. Более того, уругвайский кейс служит примером устойчивого функционирования президентской демократии с двухпартийной системой, конфигурация которой изменилась лишь относительно недавно. Политические партии как элемент институциональной политической борьбы и представления общественных интересов начали формироваться вскоре после обретения Уругваем независимости в 1825 г. и принятия первой Конституции страны в 1830 году.

Коалиционная направленность во многом обусловлена особенностями электорального законодательства, о чём подробно упоминалось в предыдущей главе диссертации. Тем не менее, для более широкого понимания роли политических партий в качестве фактора устойчивости уругвайской демократии представляется целесообразным изучить исторические, политико-культурные и социально-экономические условия формирования партийной системы и развития коалиционного взаимодействия в стране.

Первая Конституция страны, принятая 18 июля 1830 г. не предусматривала существования политических партий. Подобная установка соответствовала более широкой традиции раннего конституционализма, в рамках которой партии в Европе и США нередко воспринимались как источники политического раскола, способные ослабить единство политического сообщества[244]. Среди исследователей распространено мнение, что авторы Основного закона сознательно пошли на такой шаг, стремясь подорвать влияние распространённого в то время в латиноамериканском политическом контексте «каудилизма» (от испанского *"caudillismo"* – так именовались провинциальные землевладельцы и представители сельской знати)[245]. В этом же ключе А. Фрега отмечает, что «сам факт существования политических или идеологических группировок рассматривался как фактор, способный подорвать порядок и стабильность политического строя»[246].

Особенности избирательной системы, закреплённой в первой уругвайской Конституции, также не соответствовали требованиям демократической конкуренции.

---

[244] Pildes R. H. Political Parties and Constitutionalism // New York University Public Law and Legal Theory Working Papers. Paper 179. – 2010. – P. 1-20; Ragazzoni D. Parties, Democracy, and the Ideal of Anti-factionalism: Past Anxieties and Present Challenges // Ethics and International Affairs. – Vol. 36. – No. 4. – 2022. – P. 475-485.

[245] Pivel Devoto J. Historia de los Partidos Políticos en el Uruguay – Tomo 1. – Montevideo: Cámara de Representantes, 1994. – 206 p.; Viera Manrique J. A. Origen de los Partidos Tradicionales Uruguayos // Universidad de la República. – 2022. – 59 p.

[246] Frega A. La Vida Política / G. Caetano, & A. Frega, América Latina en la História Contemporanea - Uruguay: Revolución, Independencia y construcción del Estado - Tomo I 1808/1880 (P. 31-85). – Montevideo: Fundación Mapfre, 2016. – 294 p.

Положения документа были построены на принципах избирательного ценза: политические права не распространялись на неграмотных, иностранцев, солдат регулярной армии и наёмных рабочих. Отсутствовали чёткие нормативные критерии для формирования избирательных списков. Хотя отдельные положения законодательства и предусматривали создание Гражданского регистра, ни один из них не смог заложить основу для согласованного и единого институционального механизма[247]. Как указывает Д. Торена, в Конституции отсутствовала независимая избирательная юстиция: организацией избирательных процессов, включая национальные выборы, ведал Исполнительный орган власти через Министерство внутренних дел и соответствующие политические и полицейские управления департаментов[248].

Исполнительная власть включала в себя президента Республики (ст. 72), избираемого Генеральной Ассамблеей (ст. 73), то есть через систему косвенного, а не прямого голосования, как это происходит в настоящее время[249]. Впоследствии законодательством допускалось увеличение числа министерств. Президент назначал политических и полицейских начальников каждого департамента, которые совмещали функции современных интендантов и руководителей полиции. Кроме того, президент исполнял обязанности главнокомандующего армией и осуществлял назначение на высшие воинские должности[250].

Законодательная власть состояла из двух палат: Сената (ст. 27 и 28), члены которого избирались по одному от каждого департамента, и Палаты представителей, избрание в которую происходило из расчёта один депутат «на каждые три тысячи душ,

---

[247] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2018. – Vol. 27. – No. 1. – P. 41-64.

[248] Torena D. La Constitución de 1830 y su juramento / La Mañana. – 2025. URL: https://www.lamañana.uy/cultura/la-constitucion-de-1830-y-su-juramento/ (дата обращения: 14.12.2024).

[249] Constitución de 183 / Biblioteca Virtual de Miguel Cervantes. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-del-10-de-septiembre-1830/html/0bcaedb5-73b9-42d9-880d-ed5df99af635_2.html (дата обращения: 14.12.2024).

[250] Ibid.

но не менее чем на две тысячи» (ст. 13 и 19 Конституции)[251]. Судебная власть включала в себя Высший суд (Alta Corte de Justicia), члены которого назначались Генеральной Ассамблеей, а также Апелляционные суды и суды первой инстанции (ст. 13)[252].

С момента обретения независимости политическая жизнь Уругвая характеризовалась конкуренцией между различными идеологическими лагерями или протопартиями, которые впоследствии трансформировались в политические партии и фракции. Отправной точкой в формировании политических партий Уругвая принято считать битву при Карпентерии, состоявшуюся 19 сентября 1836 г., которая стала первым военным столкновением между сторонниками будущих партий Бланко и Колорадо. Именно тогда активисты каждого движения начали носить особые знамёна *(divisas)*, служившие отличительными знаками участников противоборствующих лагерей, – символы, сохранявшиеся на протяжении всей последующей истории страны[253].

Битва при Карпентерии представляет собой одно из ключевых событий ранней институционализации уругвайской партийной системы. Она ознаменовала собой начало устойчивого политического и социального раскола, который впоследствии воплотился в становление двух традиционных партий. Политическое противостояние, вылившееся в Карпентерию, имеет свои корни в конфликте между двумя доминирующими фигурами периода становления уругвайской государственности – Фруктуосо Риверой и Хуаном Антонио Лавальехой. Ф. Ривера, первый президент страны и бывший военный командир, получил поддержку со стороны городской элиты Монтевидео, торгово-промышленных кругов, а также значительной части офицерского корпуса. Эти группы (в то время именовавшихся «докторами» – *doctores*) были ориентированы на либеральную модель развития, экспансию внешне торговли, поддержку институционального порядка и налаживание отношений с иностранными

[251] Ibid.
[252] Ibid.
[253] Chasquetti D., Buquet D. La democracia en Uruguay: una partidocracia de consenso // Política. Revista de Ciencia Política. – 2004. – No. 42. – P. 221-247.

державами[254]. В свою очередь, Х. А. Лавальеха, харизматичный лидер «тридцати трёх Ориенталес»[255], олицетворял интересы упомянутых выше каудильо, критически относившихся к централизации власти и угрозе вытеснения местных автономий в пользу централизованного столичного управления[256].

Конфликт между этими двумя политико-социальными лагерями не носил исключительно личностный или идеологический характер, а отражал глубинное структурное разделение уругвайского общества на два относительно автономных поля. Партия Колорадо (Partido Colorado), ставшая наследницей лагеря Ф. Риверы, опиралась на городское население, особенно в Монтевидео, включая буржуазию, чиновничество, а также иммигрантские слои (прежде всего, из Италии и Франции), ассоциировавшие модернизацию и прогресс с либеральной государственной рамкой. Впоследствии Колорадо активно использовала идеологию секуляризма, республиканского рационализма и проевропейской ориентации. В противоположность ей, партия Бланко сохраняла прочные связи с сельской периферией, где доминировали традиционные семейно-патриархальные структуры, вера в личную преданность лидеру и критика вмешательства Монтевидео в дела провинций[257].

С идеологической точки зрения, партия Колорадо представляла собой локальную разновидность характерных для Латинской Америки либеральных партий XIX в., отличавшихся большей космополитичностью, опорой на городские слои населения и антиклерикальной направленностью. Национальная партия (Partido Nacional,

---

[254] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El Complejo Proceso de Diseño del Poder Ejecutivo en Uruguay.

[255] От испанского “Treinta y tres Orientales” (Orientales – «Восточные») – историческое название вооружённого отряда из 33 уругвайских патриотов, поднявших в 1825 г. восстание против бразильской власти, положившее начало освободительной кампании и независимости Уругвая. – *прим. автора.*

[256] Valerio J. R. Tradiciones institucionales y consolidación democrática en Uruguay // CONfines. – Vol. 1. – No. 1. – 2004. – P. 133-163.; Viera Manrique J. A. Origen de los Partidos Tradicionales Uruguayos // Universidad de la República. – P. 26.

[257] Valerio J. R. Tradiciones institucionales y consolidación democrática en Uruguay. – P. 6.

“Blanco”, Бланко), в свою очередь, сформировалась как консервативная политическая сила, выражавшая интересы традиционалистских сегментов уругвайского общества[258]. По своей сути, конфликт между сторонниками партий Бланко и Колорадо[259] представлял собой классический пример центр-периферийного раскола, описанного С. Липсетом и С. Рокканом[260].

Битва при Карпентерии стала кульминацией восстания, поднятого Ф. Риверой против правительства М. Орибе. Сражение завершилось победой правительственных сил под командованием И. Орибе и Х. А. Лавальехи. Однако стратегическая важность события была вторичной по сравнению с его политическим значением: сторонники Орибе использовали белые отличительные знаки, а сторонники Риверы – красные, и впоследствии эти цвета закрепились соответственно за Бланко и Колорадо. Это стало символическим актом кодификации конфликта, превращения временного военного противостояния в устойчивую партийную конкуренцию[261].

Как отмечает историк К. Демаси, «битва при Карпентерии не только закрепила победу Ф. Риверы, но и обозначила рождение двух политических мифов – красного и белого»[262], каждый из которых претендовал на монополию исторической легитимности. Уругвайский политолог Д. Часкетти подчёркивает, что битва при Карпентерии положила начало институционализации партий, хотя на тот момент они представляли собой лишь вооружённые лагеря[263]. В этой связи можно сказать, что

---

[258] González. E. Continuity and Change in the Uruguayan Party System / Mainwaring S. & Scully T. R. (eds.) Building Democratic Institutions (P. 138-163). – Standford: Standford University Press, 1995. – 578 p.; Valerio J. R. Tradiciones institucionales y consolidación democrática en Uruguay. – P. 6.

[259] Партии Колорадо и Бланко так же называют «традиционными партиями» - *прим. автора.*

[260] Роккан С. Центр-периферийная полярность / Роккан С. – Текст: непосредственный // Политическая наука. – 2006. – No 4. – С. 73-101.

[261] 19 de setiembre. Batalla de carpintería [Электронный ресурс] // Infopaís. – Режим доступа: https://infopais.com.uy/contenido/7411/19-de-setiembre-batalla-de-carpinteria (дата обращения: 14.12.2024).

[262] Demasi C. Los Partidos Más Antiguos del Mundo: el Uso Político del Pasado Uruguayo // Encuentros Uruguayos. – 2008. – Vol. 1. – P. 67-79.

[263] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 4.

битва при Карпентерии выступила в качестве критической развилки процесса устойчивой политической поляризации уругвайского общества, который лёг в основу формирования партийных идентичностей.

В течение последующих лет разногласия между Колорадо и Бланко переросли в самый длительный и разрушительный военный конфликт в истории страны, Великую войну (*Guerra Grande)*, продолжавшуюся с 1839 по 1851 гг., в которую активно вмешивались иностранные державы, прежде всего Аргентина, Бразилия, Франция и Великобритания[264]. Несмотря на то, что окончание войны сопровождалось девизом *«ни победителей, ни побеждённых»,* а также волной антипартийных настроений, уругвайские граждане продолжали сохранять стойкую приверженность политическим партиям[265].

Одним из существенных последствий Великой войны стало распространение в кругах уругвайской интеллигенции идеи слияния партий «во имя общего блага»[266], которая явила собой реакцию против глубокой партийной идентичности «каудильо»[267]. Началом движения за слияние партий считается опубликованный в 1855 г. министром иностранных дел А. Ламасом «Манифест», в котором была представлена обширная программа переустройства страны. В «*Манифесте»* категорически осуждалась межпартийная борьба, при этом критике подвергались как Бланко, так и Колорадо: *«Что символизируют эти белые и красные знамёна? Они символизируют*

---

[264] Caetano G. Genealogías de la política uruguaya moderna: disputas y balances entre liberalismo, republicanismo y democracia en el siglo XIX // Claves. Revista de Historia. – 2016. – Vol. 2. – No. 2. – P. 111-143.

[265] Lanzaro J. Continuidad y cambios en una vieja democracia de partidos. Uruguay 1910–2010 // Cuadernos del CLAEH. – 2012. – No. 100. – Serie 2. – P. 37-77; Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 4.

[266] В уругвайской историографии называется "Движение за слияние» (*Movimiento de fusión). – прим. автора.*

[267] Caetano G. Genealogías de la política uruguaya moderna: el liberalismo como “concepto fundamental” y su primacía sobre el republicanismo en el siglo XIX // Claves. Revista de Historia. – 2016. – No. 2. – P. 111-116; Garcé García y Santos A. Regímenes políticos de conocimiento: tecnocracia y democracia en Chile y Uruguay // Revista Digital de Ciencias Sociales. – 2017. – Vol. IV. – No. 7. – P. 17-48; Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 4.

беды страны, гибель, что нас окружает, нищету и траур в семьях, позор скитаний с протянутой рукой по обоим полушариям, необходимость иностранных интервенций, утрату доверия к стране, банкротство со всеми его горькими унижениями, ненавистью, страстями, личными оскорблениями…»[268]. Однако в конечном счёте идеи «фусионизма» не получили массовое распространение в уругвайском обществе по причине крайней устойчивости первичных партийных идентичностей, которые во многом сохранились вплоть до настоящего времени, продолжая выступать основными каналами политической социализации и гражданской лояльности[269].

Контекст второй половины XIX века вплоть до начала XX столетия характеризовался доминированием находившейся у власти партии Колорадо, в то время как Национальная партия выступала в роли оппозиции[270], что провоцировало политические конфликты и вооружённые столкновения.

В условиях институциональной слабости государства претенденты на высшую исполнительную должность, не обладавшие национальным авторитетом, были вынуждены вступать в альянсы с региональными каудильо, игравшими ключевую роль в поддержании общественного порядка, выполняя квазиполицейские функции и контролируя судебные структуры на местах. Организация избирательного процесса осуществлялась ими в координации с формальными властями, что позволяло эффективно влиять на результаты голосования в пределах соответствующих департаментов. Поскольку президент избирался Генеральной Ассамблеей, исход голосования всегда опосредованно отражал конфигурацию локальных центров власти. Как справедливо указывает историк Перес Антон[271], в такой системе президент представлялся скорее *primus inter pares* среди глав территориальных администраций. Поскольку Конституция наделяла президента правом назначения департаментских

---

[268] Real de Azua C. El Uruguay y sus problemas en el siglo XIX. – Montevideo: CELA (Centro Editor de América Latina), 1968. – 123 p.
[269] Chasquetti D. & Buquet D. La Democracia en Uruguay: una partidocracia de consenso. – P. 5.
[270] С 1865 по 1968 гг. – *прим. автора.*
[271] Pérez Antón R. Cuatro antagonismos sucesivos. La concreta instauración de la democracia uruguaya // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 1988. – Vol. 2. – P. 41-59.

политических начальников, грамотная политика кадровых назначений могла обеспечить долговременное удержание власти одной партией.

В 1868 г. президент от партии Колорадо Л. Батлье предпринял попытку монопольного управления, назначив политических руководителей департаментов исключительно из числа своих сторонников, что привело к разрушению ранее сложившегося хрупкого институционального баланса. В ответ оппозиция организовала вооружённое восстание под предводительством Т. Апарисио, вылившееся в двухлетний конфликт, который вошёл в историю под названием «Революция пик» *(Revolución de las Lanzas)* и завершился Пактом апреля (6 апреля 1872 г.)[272]. Важнейшим результатом этого соглашения стала институциональная инновация в виде негласной договорённости, согласно которой президент и его преемники обязывались передавать управление четырьмя департаментами (Серро-Ларго, Флорида, Канелонес и Сан-Хосе) представителям Национальной партии. Эта уступка гарантировала оппозиции стабильное парламентское представительство – по меньшей мере 12 депутатов и 4 сенатора в Генеральной Ассамблее. Поскольку подобное распределение противоречило положениям ст. 118 и 119 Конституции, закреплявшим исключительное право президента на назначение департаментских политических начальников, соглашение не получило формальной юридической фиксации. Тем не менее именно в этом контексте сформировался институт территориального соправления (*coparticipación*) – внесистемный, но устойчивый механизм, кардинально изменивший траекторию политической конкуренции в Уругвае[273]. Соглашение позволило Национальной партии сохранить положение самостоятельной оппозиционной силы и одновременно обеспечило ей участие в управлении рядом департаментов и представительство в парламенте. Партия Колорадо продолжала занимать ведущие позиции в центральной исполнительной

[272] Chasquetti D. & Buquet D. La Democracia en Uruguay: una partidocracia de consenso. – P. 12.
[273] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 6.

власти. В целом обе традиционные партии сохраняли решающее влияние на формирование органов власти и политическое представительство[274].

После ещё нескольких межпартийных конфликтов 1880-1890-х гг.., обострившихвзаимоотношения столичных элит и региональных руководителей департаментов, к началу XX столетия в общественно-политических кругах Уругвая всё чаще стали говорить о необходимости демократических преобразований. После завершения последнего и наиболее кровопролитного в истории Уругвая гражданского конфликта – Революции 1904 г. – всё шире распространялась идея о том, что институт президентства является источником нестабильности, поскольку устойчивость политического режима зависела от готовности конкретного главы государства идти на компромиссы с оппозицией[275]. Назрел вопрос о конституционной реформе[276].

Подобная сложившаяся динамика позволяет охарактеризовать политический порядок Уругвая к началу XX в. в терминах конкурентной олигархии. В этих условиях межпартийная конкуренция стала центральным механизмом политической жизни, однако её институциональное оформление сохраняло противоречивый характер. Институт территориального соправления снижал риск полного исключения Национальной партии из процесса распределения власти и предоставлял ей территориальную и парламентскую опору, но одновременно сохранял зависимость межпартийного баланса от неформальных договорённостей и персональной готовности президента учитывать интересы оппозиции[277]. После Революции 1904 г. усиление государственной военной инфраструктуры и снижение эффективности

[274] Rodríguez Almada P. Los pactos de coparticipación en el gobierno ocurridos en la segunda mitad del siglo XIX y principio del siglo XX en Uruguay: mutaciones constitucionales orales y proceso constituyente // Revista de Derecho. – 2020. – No. 22. – P. 4, 11-12; Buquet D., Moraes J. A. Construyendo un equilibrio democrático: la reforma constitucional de Uruguay en 1917 // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2018. – Т. 27. – No. 1. – P. 24, 26-28.

[275] Lagrotta M. La últimas patriadas: 1904 y el inicio del Uruguay moderno. Apuntes de clase // Opinar. – 2024.

[276] Demasi C. Dos procesos innovadores. Las reformas constitucionales de 1917 en México y en Uruguay // Relaciones Internacionales. – 2004. – Vol. 13. – No. 27. – P. 91-116.

[277] Buquet D., Moraes J. A. Construyendo un equilibrio democrático: la Reforma Constitucional de Uruguay en 1917 // Revista Uruguaya de Ciencia Política. − 2018. − Vol. 27. − No. 1. − P. 22−25.

вооружённого пути борьбы постепенно повышали значение электоральных механизмов[278]. В результате к началу XX в. уругвайская конкурентная олигархия всё больше нуждалась в таких правилах партийного соперничества, которые могли бы превратить сложившуюся конкуренцию в более устойчивый и признанный всеми основными акторами институциональный порядок[279].

Согласно Конституции 1830 г., процедура её изменения была крайне усложнена: требовалось одобрение предложения о реформе тремя подряд созывами законодательного органа[280]. В ответ на это парламентарии законодательного собрания 1907 г. заявили о намерении пересмотреть сам механизм конституционной реформы. Следующий созыв Генеральной ассамблеи 1910 г. подтвердил это решение и предложил три альтернативных пути, а в 1912 г. парламент большинством в две трети голосов определил форму внесения поправок – через избрание Национальной Конституционной Конвенции[281]. В сентябре 1915 г. парламент принял специальный закон о выборах в Конституционную Конвенцию, который впервые в истории Уругвая закрепил всеобщее мужское избирательное право, тайное голосование и почти пропорциональную формулу распределения мандатов. По итогам заседаний Конституционной Конвенции в 1918 г. была принята новая Конституция страны, которая выступала Основным законом страны с 1919 по 1933 годы[282].

Конституция 1918 г. закрепила существование дуалистической исполнительной власти. С одной стороны, предусматривалась фигура Президента Республики,

---

[278] Madrid R. L. The Birth of Democracy in South America. − Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2025. − P. 148-155, 173-174.

[279] Buquet D., Moraes J. A. Construyendo un Equilibrio Democrático: La Reforma Constitucional de Uruguay en 1917. − P. 25, 33−34; Madrid R. L. The Birth of Democracy in South America. – P. 148-155, 173−174.

[280] Gros Espiell H. & Arteaga J. J. Esquema de la evolución constitucional del Uruguay. – Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1991. – P. 145.

[281] Tealdi J. P. Los Apuntes de Battle // Revista De Derecho Público. – 2014. – Vol. 23. – No. 45. – P. 103-113.

[282] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 6.

избираемого прямым голосованием по системе двойного одновременного голоса[283], принцип которой описывается в §3 настоящей Главы, – в его компетенцию входили традиционные функции главы государства (представительство, внешняя политика и др.). Одновременно создавался Национальный административный совет (Consejo Nacional de Administración, CNA), состоявший из девяти членов, также избираемых напрямую по системе двойного одновременного голоса. Две трети мест распределялись между кандидатами из списка, набравшего наибольшее число голосов среди списков партии-победителя, а оставшаяся треть – между кандидатами из списка, получившего наибольшую поддержку среди списков партии, занявшей второе место[284].

Парламентская структура осталась в целом неизменной и сохраняла выраженную асимметрию. Сенат по-прежнему включал 19 членов (по одному от каждого департамента), избираемых косвенным путём (через коллегии выборщиков) сроком на шесть лет. Палата представителей включала 123 депутата, избираемых по пропорциональной системе и системе двойного одновременного голоса на три года. Несовпадение сроков полномочий порождало интенсивный избирательный цикл: президентские выборы проводились каждые четыре года, депутатские – каждые три, сенаторские и выборы в Национальный административный совет – каждые два[285].

Система политических партий в тот период была тесно связана с новым избирательным законодательством. Наряду с традиционными партиями начали формироваться так называемые «партии идей» – католическая, социалистическая, а позднее и коммунистическая, которые на протяжении нескольких десятилетий

---

[283] В рамках данной избирательной системы, каждая партия выдвигает несколько списков кандидатов от разных фракций без проведения предварительных внутрипартийных выборов. – *прим. автора.*

[284] Chasquetti D. & Buquet D. La Democracia en Uruguay: una partidocracia de consenso. – P. 4; Tealdi J. P. Los Apuntes de Battle. P. 8; Buquet D. & Moraes J. A. Construyendo un Equilibrio Democrático: La Reforma Constitucional de Uruguay en 1917. – P. 12.

[285] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 11.

составляли стабильное ядро нетрадиционных политических сил. Несмотря на это, традиционные партии – Колорадо и Национальная – продолжали получать совокупно более 90% голосов избирателей, что позволяет с достаточной уверенностью говорить о сохранении бипартизма в этот период. Тем не менее, важно подчеркнуть, что положения Конституции 1918 г. и закреплённая в ней избирательная система двойного одновременного голоса продолжали способствовать фрагментации обеих партий. Это выражалось главным образом в том, что различные группы внутри Колорадо и Национальной партии начали выдвигаться на парламентские выборы самостоятельно[286].

Несмотря на то что Конституция 1918 г. ознаменовала переход Уругвая к полиархии, с течением времени и накоплением структурных проблем политические акторы постепенно утратили к ней доверие и начали подрывать её легитимность. Для батльистов, то есть представителей реформаторского направления партии Колорадо, связанного с политическим наследием Х. Батлье-и-Ордоньеса, занимавшего пост президента Уругвая в 1903-1907 и 1911-1915 гг., а также с идеей коллегиальной организации исполнительной власти, она оставалась несовершенной, поскольку не предусматривала полной коллегиальности и сохраняла институт президентства; для других акторов она представлялась институциональным гибридом, сочетающим элементы парламентаризма в коллективном органе внутри самой исполнительной власти. В начале 1930-х годов стратегические установки партий расходились принципиально: большинство в Национальной партии добивалось упразднения CNA, тогда как батльисты настаивали на ликвидации президентского поста и переходе к полноценному коллегиальному правлению. На фоне политического кризиса президент от партии Колорадо Г. Терра своим указом упразднил Национальный административный совет и обе палаты парламента, одновременно созвав

[286] Buquet D. Transformación del Sistema del Partido Uruguayo: Reglas Electorales, Adaptación y Equilibrio / Freidenberg F. Los Sistemas de Partidos en América Latina 1978-2015. Tomo II: Países Andinos y Cono Sur (P. 235-270). – Instituto Nacional Electoral. Instituto de Investigaciones Jurídicas, UNAM, 2016. – P. 576.

Национальную конституционную ассамблею. В результате плебисцита конституция была принята 18 мая 1934 года[287].

В институциональном плане новый Основной закон вводил новую модель исполнительной власти, получившая название «дуплекс»[288]. Согласно ей, исполнительная власть осуществлялась Президентом Республики совместно с Советом министров, в который входили глава государства и руководители министерств. Модель сохраняла одноличное президентство, но стремилась придать управлению коллегиальный характер и институционально закрепить участие двух фракций, поддержавших переворот 1933 года[289]. Для этого были установлены квоты распределения министерских постов (пять или шесть портфелей для партии-победителя, три – для второй) и регламентированы порядок работы и принятия решений в Совете министров[290].

Дальнейшие новации партийной и избирательной систем продолжились после принятия очередной Конституции 1942 года. В ней закреплялись следующие принципы: 1) избрание исполнительной власти по системе относительного большинства; 2) пропорциональное представительство в системе выборов законодательной ветви власти; 3) двойное (или множественное) одновременное голосование; 4) проведение всех выборов в один день[291].

Эволюция партийной и политической системы Уругвая получила новый виток развития с функционировавшим в 1952-1967 гг. коллегиальным органом исполнительной власти по швейцарской модели – Национальным Советом

---

[287] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 15.

[288] Термин был введён членом Национального учредительного собрания А. Демичели. – *прим. автора.*

[289] Речь идёт о фракции президента Г. Терры в партии Колорадо и либерально-консервативной фракции Национальной партии, возглавляемой Л. А. де Эррерой. – *прим. автора.*

[290] Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay. – P. 15.

[291] Buquet D. Transformación del Sistema del Partido Uruguayo: Reglas Electorales, Adaptación y Equilibrio.
– P. 244.

Правительства, который подробно описывается в §3 настоящей Главы. Основными политическими силами до начала 1970-х годов продолжали оставаться партии Колорадо и Бланко.

Назревшие структурные и макроэкономические проблемы Уругвая 1950-х и 1960-х гг. выразились к началу следующего десятилетия в экономическую стагнацию. Она была спровоцирована, главным образом, кризисом государственной модели импортозамещения, широкомасштабным регулированием внутреннего товарного и финансового рынков, ростом бюджетного дефицита и сокращения уровня реального ВВП[292]. Экономические противоречия существенно подрывали социальную базу традиционных партий, способствуя увеличению популярности левых идей среди уругвайцев, что, в конечном итоге привело к появлению в 1971 г. на политической карте страны коалиции левых сил – Широкого фронта. На всеобщих выборах того же года «Широкий фронт» получил 18,3% мест в парламенте[293]. Рост популярности движения сопровождался подпольной деятельностью повстанческой группы «Тупамарос», а также репрессиями со стороны правоохранительных органов. Современная трёхпартийная система Уругвая с полноправным участием Широкого фронта в политической жизни страны сложилась после восстановления демократии в 1985 году.

Формированию этой партийной конфигурации предшествовал период гражданско-военной диктатуры 1973-1985 гг., ставший итогом продолжительного ослабления выборно-представительного порядка. Экономический кризис подрывал материальные основы партийного посредничества и механизмы распределения государственных ресурсов, посредством которых Колорадо и Национальная партия

---

[292] Mario Leone A. and Pérez-Campanero J. Liberalization and Financial Crisis in Uruguay (1974-1987) // IMF eLibrary. – 1991. – 134 p. – URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/1991/030/article-A001-en.xml (дата обращения: 14.12.2024).

[293] Resultados por fórmula presidencial (1971-2009) // Facultad de Ciencias Políticas de la Universidad de la República. URL: http://cienciassociales.edu.uy/bancosdedatos/elecciones-presidenciales-2/ (Дата обращения: 14.09.2024).

длительное время смягчали социальные противоречия. В период с 1956 по 1972 гг. ВВП страны снизился на 12%[294]. Одновременно наблюдалось усиление забастовок, политической радикализации и антикоммунистическая мобилизации правых кругов. С 1968 г. правительство президента Х. Пачеко Ареко (1967-1972) всё чаще применяло чрезвычайные меры безопасности, ограничивая гражданские свободы и расширяя участие силовых структур во внутренних конфликтах. Вооружённые акции ультралевого повстанческого движения «Тупамарос» способствовали росту насилия и общественной поляризации. К 1972 г. основные структуры движения были разгромлены, хотя расширение политической автономии военного командования продолжалось. Руководство ведущих партий оказалось неспособно восстановить прежние механизмы согласования и предотвратить дальнейшую милитаризацию государственного управления. Существенную поддержку перевороту оказало пачекистское (т.е. президента Х. Пачеко Ареко) течение партии Колорадо, представители которого участвовали и в гражданском компоненте нового режима[295].

Объявление состояния внутренней войны в апреле 1972 г. и принятие Закона о государственной безопасности в июле того же года закрепили перенос значительной части полномочий в сфере внутренней безопасности к вооружённым силам. Роспуск парламента президентом Х. М. Бордаберри 27 июня 1973 г. при поддержке высшего военного командования завершил процесс разрушения конституционных ограничений. Установившийся режим имел гражданско-военный характер, поскольку в его функционировании наряду с офицерским корпусом участвовали президент, отдельные представители партийной среды, государственные чиновники и гражданские специалисты. Репрессивная политика охватила левые партии,

---

[294] Buchanan P. State, Labor, Capital: Democratizing Class Relations in the Southern Cone". Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. 395 p.

[295] Yaffé J. La caída de la democracia en Uruguay cincuenta años después. Reflexiones y aprendizajes // Contemporánea. – 2025. – Vol. 19. – No. 1. – P. 265-279. – См.: P. 266−276; Rey M. Políticos golpistas. Pacheco y el pachequismo en la instalación de la dictadura en Uruguay (1973-1974) // Encuentros Uruguayos. – 2023. – Vol. 16. – No. 2. – P. 1-25.

профсоюзы, студенческие объединения и другие самостоятельные формы общественной деятельности. Она включала запреты организаций, увольнения по политическим мотивам, длительное тюремное заключение, применение пыток, вынужденную эмиграцию, насильственные исчезновения и убийства противников режима[296].

Во второй половине 1970-х гг. военное руководство стремилось придать установленному порядку устойчивую институциональную форму. Подготовленный властями проект новой конституции предполагал закрепление расширенного политического влияния вооружённых сил и существенное ограничение партийной конкуренции. Его отклонение на плебисците 30 ноября 1980 г. обозначило провал попытки легитимировать новый государственный порядок. Последовавшие внутрипартийные выборы 1982 г. также завершились успехом течений, дистанцировавшихся от режима. Экономический кризис, крах финансовой политики 1982 г., возобновление профсоюзной и студенческой активности, а также рост массовых выступлений ускорили ослабление авторитарной власти. Эти процессы одновременно выявили сохранение партийных идентичностей и организационных связей, переживших длительный период запретов и репрессий[297].

После неудачи открытых переговоров в гостинице «Парк-Отель» в 1983 г. диалог между партийными представителями и военным командованием возобновился в следующем году. Переговоры, проходившие в июле-августе 1984 г., завершились 3 августа объявлением договорённостей, получивших название Пакта Морского клуба (*Pacto del Club Naval*). В них участвовали представители вооружённых сил, партии

---

[296] Yaffé J. La caída de la democracia en Uruguay cincuenta años después. Reflexiones y aprendizajes. – P. 271-276; Busquets J. M., Delbono A. La dictadura cívico-militar en Uruguay (1973-1985): aproximación a su periodización y caracterización a la luz de algunas teorizaciones sobre el autoritarismo // Revista de la Facultad de Derecho. – 2016. – No. 41. – P. 61-102. – См: P. 76-85.

[297] Busquets J. M., Delbono A. La dictadura cívico-militar en Uruguay (1973-1985). − P. 85-92; Garategaray M. “La democracia restauradora”. Historia y política en la transición democrática de Uruguay (1980−1989) // Historia y Memoria. – 2022. – No. 24. – P. 21-54. – См: P. 27-30.

Колорадо, Широкого фронта и Гражданского союза. Национальная партия осталась вне переговорного процесса после отказа военных освободить её лидера У. Феррейру Альдунате и отменить запрет на его политическую деятельность. Договорённости подтвердили проведение всеобщих выборов в ноябре 1984 г. при сохранении ограничений в отношении У. Феррейры Альдунате и лидера Широкого фронта Л. Сереньи. Военное командование также добилось временных гарантий, сдерживавших кадровые решения будущих гражданских властей в отношении руководства вооружённых сил. Вопрос о привлечении к ответственности за нарушения прав человека непосредственно в соглашениях урегулирован не был[298].

Параллельно формировался более широкий механизм согласования интересов политических и общественных сил. 4 сентября 1984 г. начала работу Национальная программная координация (*Concertación Nacional Programática*, CONAPRO), объединившая основные партии, профсоюзы, предпринимательские организации, кооперативные объединения, правозащитные структуры и другие институты гражданского общества. Её участники разрабатывали общие подходы к социально-экономической политике и обсуждали место общественных организаций в восстанавливаемом конституционном порядке. Пакт Морского клуба определил условия проведения выборов и передачи власти, а деятельность CONAPRO способствовала выработке программных ориентиров нового правительства. На выборах 25 ноября 1984 г. победила формула партии Колорадо во главе с Х. М. Сангинетти, который вступил в должность президента 1 марта 1985 г.[299]

---

[298] Busquets J. M., Delbono A. La dictadura cívico-militar en Uruguay (1973-1985). – P. 92-95; Garategaray M. “La democracia restauradora”. – P. 27-30; Institución Nacional de Derechos Humanos y Defensoría del Pueblo. Línea de tiempo sobre el pasado reciente. – Montevideo, 2018. – URL: https://www.gub.uy/institucion-nacional-derechos-humanos-uruguay/sites/institucion-nacional-derechos-humanos-uruguay/files/documentos/publicaciones/Linea-de-tiempo-muestra-ex-SID-27-de-junio-de-2018-baja.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

[299] Sosa Á. Concertando la democracia. La experiencia de la Conapro en la transición uruguaya (1984-1985) // Contemporánea. – 2019. – Vol. 10. – No. 1. – P. 37-56. – См.: P. 37-45; Busquets J. M., Delbono A. La dictadura cívico-militar en Uruguay (1973-1985) – P. 93-95.

Авторитарный период и характер выхода из него оказали долговременное влияние на стратегии основных политических сил. Колорадо и Национальная партия сохранили исторические идентичности, организационные структуры и значительную часть электоральных связей. Широкий фронт укрепил положение самостоятельного системного участника, а опыт репрессий, эмиграции и политического поражения способствовал усилению в его программном дискурсе роли выборов, представительных институтов и постепенного преобразования государственного управления. Внутри партии Колорадо сторонники батльистской традиции укрепили позиции по отношению к пачекистскому течению. Условия достигнутого компромисса оставили последующим правительствам сложный комплекс вопросов, связанных с государственным насилием, правовым положением пострадавших и ответственностью должностных лиц. Таким образом, восстановление конституционного правления сопровождалось сохранением партийных организаций, пересмотром их стратегий и окончательным закреплением трёхпартийной модели[300].

В целом кризис 1973 г. продемонстрировал уязвимость сложившихся механизмов партийного взаимодействия в условиях продолжительной экономической стагнации, усиления политической поляризации и возрастания роли вооружённых сил в стране. Вместе с тем восстановление конституционного порядка после 1985 г. сочеталось с высокой степенью преемственности уругвайской партийной системы. Сохранение организационных структур Колорадо, Национальной партии и Широкого фронта способствовало возвращению политической конкуренции в рамки электоральных процедур и межпартийных переговоров.

С момента восстановления демократического правления партийная система Уругвая демонстрирует сочетание высокой степени институционализации и

[300] Stagnaro Bonilla J. Dictadura, Izquierda y Democracia en Uruguay. Transformación discursiva de la izquierda uruguaya pos dictadura // Encuentros Latinoamericanos (segunda época). – 2016. – Vol. 1. – No. 1. – P. 208-248. – См.: P. 208-211, 236-244; Garategaray M. “La democracia restauradora”. Historia y política en la transición democrática de Uruguay (1980−1989). – P. 28-31; Busquets J. M., Delbono A. La dictadura cívico-militar en Uruguay (1973-1985). – P. 93-95.

способности к адаптации в ответ на социально-экономические и политические изменения. Её структурной основой остаётся историческое соперничество между традиционными партиями – Бланко и Колорадо. В то же время с начала нынешнего столетия наиболее значимой поддержкой среди уругвайских избирателей пользуется левоцентристский Широкий Фронт[301]. Систему отличают долговечные партийные организации, высокая электоральная вовлечённость и чётко очерченные идеологические позиции[302].

Социально-экономическая динамика с начала 2000-х стала одним из ключевых факторов программной идентичности Широкого Фронта и реактивных стратегий Бланко и Колорадо. Первые «френтистские»[303] правительства сочетали макроэкономическую стабильность с глубокими социальными реформами: в частности, была создана Национальная интегрированная система здравоохранения и проведена налоговая реформа с введением прогрессивного подоходного налога.[304]. Уровень бедности снизился с приблизительно 32% в 2006 г. до 9,7% в 2019 г., коэффициент Джини за тот же период сократился с 0,46 до 0,39[305].

Сегодня перед партийной системой стоят два крупных вызова. Первый – поддержание эффективности коалиционного управления в условиях умеренного роста фрагментации и необходимости межпартийных соглашений. Второй – адаптация к изменению электоральной социологии: молодые избиратели менее привязаны к

---

[301] Altman D., Buquet D. and Luna J. P. Constitutional Reforms and Political Turnover in Uruguay: Winning a battle, Losing the War // Documentos de Trabajo, Montevideo, Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República. – 2011. – No 2.– P. 1-40.

[302] Rosenblatt F. Party Vibrancy & Democracy in Latin America. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 304.

[303] Имеются в виду правительства Широкого Фронта, впервые пришедшего к власти после победы на выборах 2004 г. – *прим. автора.*

[304] Midaglia C. and Antía F. The left wing in office: continuity or change in welfare policies? // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2007. – Vol. 3. – P. 1-20.; Sternkopf M. International actors and national policies: the introduction of the national care system in Uruguay // Policy Sciences. – 2024. – Vol. 57. – 2024. – p. 639-661.

[305] Social Panorama of Latin America 2021 / Economic Commission for Latin America and the Caribbean. Digital Depositary. URL: https://repositorio.cepal.org/entities/publication/278a0b8b-98a7-4c2f-8242-fda81ca7b193 (дата обращения: 14.12.2024).

историческим партиям, а проблемная повестка всё чаще формируется вокруг вопросов безопасности, гендерной политики, климата и цифровой экономики[306]. Её будущее будет зависеть от способности партий интегрировать новые общественные запросы, сохраняя при этом договороспособность элит и прозрачность политического процесса[307].

§ 2. Исторические, политико-культурные и социально-экономические факторы устойчивости партийных коалиций в Чили

Партийные коалиции стали неотъемлемой частью развития партийной системы в Чили, которая к тому же является одной из наиболее давних и стабильных в истории современных демократий. Политические движения зародились в конце 1820-х гг., однако институционально оформленные партии начали появляться к середине девятнадцатого столетия. Для более глубокого понимания места партийных коалиций в современной системе государственного управления видится целесообразным провести краткий исторический экскурс по основным этапам становления и развития чилийских партий.

На протяжении всей истории Чилийской Республики основные точки размежевания, способствовавшие формированию политических партий, строились вокруг конфликта между церковью и государством (клерикальный и антиклерикальный раскол) в середине XIX в., а также подходов к решению социально-экономических проблем в первой половине XX века[308]. После восстановления

[306] Pérez Bentancur V., Piñeiro Rodríguez R., and Rosenblatt F. How Party Activism Survives: Uruguay's Frente Amplio. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – P. 194.
[307] Mainwaring S. Party Systems in Latin America. Institutionalization, Decay, and Collapse. - Cambridge University Press, 2018. – 522 p.
[308] Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System // Working Paper 215. – 1995. – P. 1-60.; Luna J. P. Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. – P. 75-124. / Fontaine A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. (Eds.), Reforma de los Partidos Políticos en Chile. Santiago: PNUD, CEP y CIEPLAN, 2008. – 447 p.

демократии в 1989 г. главным контуром идеологического противостояния между партиями стало их отношение к политическому наследию режима А. Пиночета[309].

Истоки партийных образований в Чили берут своё начало в борьбе между либеральным движением *“pipiolos”*, выступавшим сторонником прогрессивной Конституции 1828 г., и консервативным политическим течением *“pelucones”* – фактическим победителем гражданской войны 1829-1830 гг., по итогам которой была принята Конституция 1833 г., установившая широкие полномочия президента[310]. Это политическое течение находилось у власти до середины 1850-х гг., а весь период характеризовался центризмом, авторитаризмом и строгой внутрипартийной дисциплиной.

Возникновение первых институционально оформленных политических партий произошло в результате конфликта между государственной властью и католическим клиром. Конкретный эпизод произошёл в 1856 г. в период президентства М. Моннта (1851-1861 гг.) и был связан с реакцией на судебное решение по делу дьякона из столичного Кафедрального собора, обвинявшегося настоятелем в дисциплинарных нарушениях. После того как церковный суд вынес решение в пользу дьякона, настоятель обратился в гражданские судебные органы, рассчитывая на их поддержку (в то время церковь подчинялась государственной власти). Однако когда Верховный суд вынес своё решение также в пользу дьякона, архиепископ г. Сантьяго Р. В. Вальдивиесо начал публично протестовать против вмешательства государственной судебной системы во внутренние дела церкви, что вызвало серьёзные разногласия внутри чилийской общественности в отношении вопроса о поддержке клира и действовавшего правительства. Несмотря на то что министру внутренних дел А. Варасу удалось уговорить суд отозвать своё решение, этот кризис привёл к

[309] Polanco M. M. Propensión coalicional en Chile: un análisis de los casos del Frente Popular, la Unidad Popular y la Concertación de partidos por la democracia.
[310] Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System. – P. 9.

существенному расколу в политических течениях, положивших начало первым политическим партиям в стране[311].

Конфликт привёл к расколу в движении *“pelucones”*, в результате которого образовались две партии: *“Partido Nacional”* (Национальная партия) и *“Partido Conservador”* (Консервативная партия). В основе программных принципов Национальной партии, именовавшейся также «Монттваристской партией», по фамилиям М. Монтта и А. Вараса, лежали идеи о сильной центральной власти и государственном патронате над церковью. В Консервативную партию вошли представители католического клира и местной аристократии, выступавшие за независимость церкви от вмешательства государственной власти. Третьей политической силой в стране стала зародившаяся из движения *“pipiolos” “Partido Liberal”* (Либеральная партия), которая выступала за предоставление широких гражданских прав и экономический либерализм.

В 1858 г. в Чили сформировалась первая в истории государства коалиция из Либеральной и Консервативной партий. Её основной целью было ослабление власти президента Монтта и его сторонников. Одновременно в рядах Либеральной партии образовалась группа радикалов, в результате чего была основана Радикальная партия, представители которой стояли на жестких антиклерикальных позициях и выступали за предоставление широких политических, социальных и экономических свобод чилийским гражданам[312]. Впоследствии, в 1875 г., Либеральная партия сформировала коалицию с Радикальной партией, которая получила название *“Alianza Liberal”* (Либеральный альянс). В период существования коалиции (в историческом дискурсе именуемой «Либеральной республикой») её членам удалось провести несколько существенных реформ, в частности, установить запрет на переизбрание главы

---

[311] Partidos, movimientos y coaliciones 1833-1891 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/periodo?per=1833-1891 (Дата обращения: 22.08.2023).

[312] Partido Radical. *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile.* Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Partido_Radical (Дата обращения: 22.08.2023).

государства в 1871 г., предоставив более широкие полномочия законодательной власти, и реализовать избирательную реформу в 1874 г.[313]

Конфликт вокруг независимости церкви и государства лежал в основе чилийской партийной идентичности до конца XIX в. Партийная система выглядела следующим образом: консерваторы защищали интересы церкви, радикалы выступали за максимально возможное светское общество, а либералы и активисты Национальной партии представляли политический центр.

Как отмечает Х. С. Валенсуэла, особенности электоральной системы в то время способствовали формированию коалиций «по тактическому, а не идеологическому принципу»[314]. Из-за широких полномочий представителей государственной власти, в частности президента, подавляющее большинство избирателей составляли государственные служащие. По этой причине оппозиционные партии пытались привлечь в свои ряды выходцев из самых разных слоёв общества – от простых рабочих до владельцев предприятий, что положило начало распространению в стране политических клубов[315], в т.ч. за счёт роста средств массовой информации. Укреплению межпартийных союзов также послужила электоральная реформа 1874 г., не только позволившая голосовать всем грамотным мужчинам вне зависимости от дохода, но и закрепившая необходимость представительства миноритарных партий в муниципальных законодательных органах и нижней палате Парламента в размере минимум одной трети от всех избранных лиц[316]. Поскольку выборы президента и сенаторов проходили через систему выборщиков, это нововведение в значительной

---

[313] República Liberal. Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. Available at: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-543886.html (Дата обращения: 22.08.2023).
[314] Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System. – P. 12.
[315] Ibid. – P. 5.
[316] Ibid. – P. 13.

степени способствовало росту поддержки антиправительственных коалиций со стороны населения[317].

Политический конфликт 1891 г. между президентом от Либеральной партии Х. М. Бальмаседой (1886-1891 гг.) и Конгрессом, переросший в краткосрочную гражданскую войну, положил начало периоду т.н. «Парламентской республики». Особенности сложившейся системы властных отношений заключались в укрепившихся позициях Конгресса и, как следствие, усилившемся влиянии партийных коалиций; в существенно урезанных полномочиях президента – он не мог распускать парламент и созывать досрочные выборы; а также в выполнении министром внутренних дел функций главы правительства[318]. Несмотря на наличие порядка двух десятков политических партий и частую сменяемость кабинета, в «Парламентской республике» вся политическая власть была сосредоточена в руках двух крупнейших партийных объединений – *Alianza Liberal"*[319] (Либерального альянса) и *"Coalición Conservadora"*[320] (Консервативной коалиции)[321].

Либеральный альянс выступал в роли прогрессивной силы, поддерживая идеалы личной свободы, борьбы против церковного влияния и развития индустриализации, торговли и горной промышленности[322]. Консервативная коалиция, в свою очередь, объединяла партии, придерживавшиеся традиционных идеалов национальной

---

[317] Ponce de León M. Estado y Elecciones. La construcción electoral del poder en Chile, siglos XIX y XX. / Jaksic I., Rengifo F. (Eds.), Historia política de Chile, 1810-2010, Tomo II: Estado y sociedad. Santiago: Fondo de Cultura Económica, 2017. – P. 243-270.

[318] Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System. – P. 14.

[319] В её состав входили: *"Partido Radical", "Partido Liberal", "Partido Liberal Democrático"* (Либерально-демократическая партия – состояла из либералов-сторонников президента Х.М.Бальмаседы).

[320] Главными политическими силами коалиции были "*Partido Conservador"* (Консервативная партия) и *"Partido Nacional"* (Национальная партия).

[321] Período 1891-1925. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (Дата обращения: 22.08.2023).

[322] Alianza Liberal. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Alianza_Liberal (Дата обращения: 22.08.2023).

олигархии и защищавшие интересы духовенства и крупных помещиков. Важно отметить, что эти коалиции в основном формировались перед президентскими выборами. Х. С. Валенсуэла выделяет четыре фактора, благодаря которым этим коалициям удавалось поддерживать своё устойчивое существование на протяжении почти трёх десятилетий: 1) отсутствие согласия внутри Консервативной партии относительно единого кандидата в президенты; 2) недостаточные для того, чтобы самостоятельно одержать победу на президентских выборах, ресурсы у каждой отдельной партии; 3) отсутствие достаточной электоральной поддержки кандидата от любой из сильнейших партий обеих коалиций (*"Partido Radical"* в Либеральном альянсе и *"Partido Conservador"* в Консервативной коалиции) открывало возможность к заключению союза с противоборствующей коалицией., 4) острые противоречия внутри двух либеральных партий (*"Partido Liberal" и "Partido Liberal Democrático*") относительно единой кандидатуры, по причине взаимной враждебности и личных амбиций их членов, вызванных их расколом[323].

С точки зрения типологии Р. Даля, чилийскую «Парламентскую республику» 1891-1925 гг. правомерно рассматривать как конкурентную олигархию, поскольку устойчивое партийно-коалиционное соперничество, регулярные выборы и парламентские процедуры сочетались с ограниченной социальной базой политического участия[324]. В пользу такой характеристики говорит также то, что после гражданской войны 1891 г. влияние президента было существенно ослаблено, а ключевое значение в политическом процессе получили Конгресс и представленные в нём партийные объединения[325]. В то же время политическое представительство

[323] Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System. – P. 18.
[324] Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. – New Haven; London: Yale University Press, 1971. – 257 p.; Boese V. A., Wilson M. C. A Short History of Contestation and Participation. – P. 2−4.
[325] Álvarez Hernández F. La república parlamentaria de Chile: perspectivas historiográficas // Universum. – 2012. – Vol. 27. – No. 1. – P. 191−205.; Período 1891-1925. Régimen parlamentario // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Historia Política. − URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (Дата обращения: 01.07.2025).

сохраняло выраженный элитарный характер, поскольку избирательные права принадлежали только совершеннолетним грамотным мужчинам, а численность избирательного корпуса не превышала 5% населения страны[326]. В этом отношении сближение Чили с полиархией в рассматриваемый период проявлялось прежде всего в укреплении соревновательных механизмов после электоральных преобразований конца XIX в., включая закон 1890 г., который укрепил гарантии электоральной конкуренции и ослабил прежние механизмы административного контроля над выборами[327].

Примечательно, что именно в период «Парламентской республики» в начале 1900-х гг. начали обостряться социальные конфликты. В обществе усиливалось недовольство правящим элитарным классом, тесно связанным с чилийской олигархией[328]. В то же время успешно развивались такие отрасли как горнодобывающая промышленность, производство, строительство и транспорт. Стремительный рост этих производственных сфер привёл к появлению профсоюзов, обществ взаимопомощи и других организаций с участием рабочего класса. В результате их деятельности, включающей в себя и забастовки, «социальный вопрос» стал предметом серьезных общественных дебатов[329]. Как отмечалось ранее, это обозначило вторую точку размежевания в партийном развитии в Чили, что привело к появлению первых партий левой идеологии – *“Partido Demócrata”* (Демократической партии) и *“Partido Obrero Socialista”* (Рабочей Социалистической партии), которая стала основным институциональным представителем чилийского рабочего класса и

---

[326] La república parlamentaria 1891-1925 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-3537.html (Дата обращения: 01.07.2025).

[327] Valenzuela J. S. La ley electoral de 1890 y la democratización del régimen político chileno // Estudios Públicos. – 1998. – No. 71. – P. 265-296. – URL: https://estudiospublicos.cl/index.php/cep/article/view/1019; Madrid R. L. The Birth of Democracy in South America. – P. 124.

[328] Período 1891-1925. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (Дата обращения: 22.08.2023).

[329] Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System. – P. 20.

впоследствии была переименована в *“Partido Comunista”* (Коммунистическую партию)[330].

Массовое распространение рабочих и коммунистических движений спровоцировало напряженность во взаимодействии социально-ориентированного президента А. Алессандри (1920-1925 гг.) и Национального Конгресса. Политический кризис начала 1920-х гг. привёл к принятию в 1925 г. новой Конституции, в соответствии с которой восстанавливалась президентская республика с прямыми выборами первого лица, а церковь полностью отделялась от государства[331]. Немаловажным следствием стало постепенное снижение влияния Либерального союза и Консервативной коалиции в политической жизни Чили[332].

Последующий период, продолжавшийся до установления диктатуры А. Пиночета в 1973 г., характеризовался возникновением множества новых политических партий самого разнообразного идеологического толка, которые различались главным образом по своим подходам к решению социально-экономических проблем. В немалой степени этой тенденции способствовали электоральные нововведения[333], установившие выборную систему пропорционального представительства с распределением депутатских мандатов по методу Д’Ондта[334].

---

330 Período 1891-1925. *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile.* Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (Дата обращения: 22.08.2023).

331 Богуш Е. Ю., Щелчков А. А. Политическая история Чили XX века.

332 Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System. – P. 30.

333 Período 1891-1925. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (Дата обращения: 22.08.2023).

334 Метод Д’Ондта представляет собой способ распределения мандатов в системе пропорционального представительства, при котором число голосов, полученных каждым партийным списком, последовательно делится на 1, 2, 3, 4 и далее. Мандаты получают списки с наибольшими полученными частными до полного распределения мест в округе. Такой механизм относится к методам наибольших средних и обычно несколько благоприятствует более крупным партиям. См.: Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945-1990. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 209 p.; Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. – Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2005. – 223 p.

Ключевыми партиями и коалициями в этот период были *“El Frente Popular”* (Народный фронт) (1936-1942 гг.), *“Alianza Democrática de Chile”* (Демократический альянс Чили) (1942-1946 гг.), *“Unidad Popular”* (Народное единство) (1969-1973 гг.) и *“Partido Demócrata Cristiano”* (Христианско-демократическая партия) (основана в 1957 г.), которая представляла собой объединение различных политических движение социал-демократического толка. Значимую роль играла Радикальная партия, три кандидата от которой становились президентами.

Несмотря на существенные изменения в политической жизни страны и переформатирование ключевых партий, неизменными оставались принципы функционирования коалиций. Поскольку в подавляющем большинстве случаев ни одна партия не могла выдвинуть сильного кандидата (этому во многом способствовала избирательная система пропорционального представительства), заключение партийных союзов носило цикличный характер. Не вполне стабильный характер коалиций проявлялся в борьбе отдельных партий за своих избирателей, что приводило к расколу в самих партиях.

Сложившиеся условия способствовали появлению независимых кандидатов, которые, не будучи связанными ни с одной «традиционной» партией или коалицией, привлекали на свою сторону электорат политических объединений, не сумевших выдвинуть своего кандидата (таким образом были избраны президенты К. Ибаньес дель Кампо (1952–1958) и Х. Алессандри (1958–1964)). Резюмировать этот длительный период развития чилийской демократии можно словами исследователя Х. П. Луны, который подчёркивает, что с 1920-х гг. политические партии превратились в «сильные организационные структуры, затрагивающие все уровни социальной и культурной жизни». При этом борьба между партиями строилась на основе как программных принципов, так и посредством активного привлечения административных и территориальных групп давления[335]. А. Валенсуэла метко

[335] Luna J. P. Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. – P. 79.

добавляет, что к 1960-м гг. «выборы и политика стали национальным “спортом”»[336]. С приходом к власти хунты А. Пиночета и введением режима военной диктатуры все традиционные партии в Чили были запрещены вплоть до восстановления демократического режима в 1990 г.

Формированию этого порядка предшествовало продолжительное ослабление выборно-представительной системы. Хозяйственная дестабилизация усиливала борьбу вокруг содержания и темпов преобразований правительства правящей коалиции «Народного единства» при президенте С. Альенде (1970-1973), а возможности согласования позиций между ведущими политическими силами последовательно сокращались. Наиболее резкое идеологическое размежевание проявлялось среди партийных элит и организованных групп интересов. Настроения значительной части населения оставались более неоднородными, а правительство С. Альенде сохраняло крупную и устойчивую электоральную базу. В международной обстановке холодной войны внутренний конфликт сопровождался зарубежным информационным воздействием, включая распространение антикоммунистических материалов через политические, военные и медийные каналы. Совокупность этих процессов сужала пространство для компромисса и способствовала росту влияния сторонников силового разрешения кризиса.[337]

Победа С. Альенде на президентских выборах 1970 г. стала событием, имевшим существенное значение как для внутриполитического развития страны, так и для международного контекста того времени. Представитель Социалистической партии, выдвинутый коалицией «Народное единство» (Unidad Popular), в состав которой

---

[336] Valenzuela A. Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy / L. Diamond, J. Hartlyn, J. Linz y S. Lipset (editores), Democracy in Developing Countries: Latin America. Segunda edición. Londres: Lynne Rienner, 1999. - P. 191- 247.

[337] Miranda Leibe L., Retamal Iturriaga R. Opinión pública en Chile durante la Unidad Popular: una revisión de «la tesis de la polarización» // Izquierdas. – 2019. – No. 47. – P. 97-116; Navia P., Osorio R. ‘Make the Economy Scream? Economic, Ideological and Social Determinants of Support for Salvador Allende in Chile, 1970-3 // Journal of Latin American Studies. – 2017. – Vol. 49. – No. 4. – P. 771-797; McEvoy K. J. Before the Rubble: Britain’s Secret Propaganda Offensive in Chile, 1960−1973 // Contemporary British History. – 2021. – Vol. 35. – No. 4. – P. 597-619.

входила Коммунистическая партия Чили, стал первым в мире политиком социалистической и марксистской ориентации, пришедшим к президентской власти посредством всенародного голосования[338]. В условиях холодной войны этот результат вызвал активное противодействие администрации США. Рассекреченные американские документы фиксируют действия ЦРУ, направленные осенью 1970 г. на предотвращение вступления Альенде в должность[339]. Внешнее вмешательство стало дополнительным фактором углубления кризиса, развивавшегося на фоне хозяйственной дестабилизации, идеологической поляризации и ослабления механизмов межпартийного согласования.

Военный переворот 11 сентября 1973 г. завершил разрушение прежнего конституционного порядка. Конгресс был распущен, самостоятельная общественно-политическая деятельность подверглась жёстким ограничениям, в результате чего управление страной перешло к военной хунте. Репрессивная политика охватила представителей левых организаций, профсоюзных и студенческих активистов, государственных служащих и другие группы, связанные с прежней системой политического представительства. Она включала массовые задержания, применение пыток, насильственные исчезновения, убийства, увольнения по политическим мотивам и вынужденную эмиграцию. С созданием Управления национальной разведки *(Dirección de Inteligencia Nacional, DINA)* территориальный контроль вооружённых сил был дополнен централизованным аппаратом политической разведки и преследования. Части оппозиционных объединений удалось сохранить

---

[338] Salvador Allende Gossens (1908-1973) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-799.html (дата обращения: 12.08.2026); El gobierno de la Unidad Popular (1970-1973) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/wiki/portadaut_elgobiernodelaunidadpopular_1970_1973_.php (дата обращения: 12.08.2026).

[339] United States Department of State. Report on CIA Chilean Task Force Activities, 15 September to 3 November 1970 // Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E–16: Documents on Chile, 1969-1973. – Doc. 39 – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve16/d39 (дата обращения: 12.08.2026).

руководящие кадры и подпольные сети благодаря автономии местных подразделений и ограниченности горизонтальных связей.[340]

Военное правление сопровождалось глубокой перестройкой социально-экономического порядка. Приватизация, расширение рыночных механизмов и сокращение прямого государственного участия в хозяйстве изменили распределение ресурсов между государственным аппаратом и частными экономическими группами. Усиление финансового сектора оказало существенное влияние на подготовку пенсионной реформы 1981 г., закрепившей переход к системе индивидуальных накопительных счетов. Созданная модель стала одним из наиболее устойчивых элементов институционального наследия диктатуры. Тем не менее, экономические результаты этого периода продолжают вызывать научные споры. Сопоставление чилийской экономики с расчётной альтернативной траекторией показывает отставание дохода на душу населения на протяжении значительной части авторитарного периода. Ускорение роста во второй половине 1980-х и 1990-е гг. также не позволяет однозначно связывать достигнутые результаты с политическим устройством военного режима. [341]

Во второй половине 1970-х гг. руководство страны стремилось придать установленному порядку устойчивую институциональную форму. Конституция 1980 г., утверждённая без действующего реестра избирателей и при серьёзных ограничениях публичной агитации, закрепила сильную президентскую власть, особое положение вооружённых сил и механизмы сдерживания полноценной партийной конкуренции. Её переходные положения предусматривали проведение в 1988 г.

---

[340] Seguel-Gutiérrez P. La organización de la represión y la inteligencia en la dictadura militar chilena. Del copamiento militar del territorio al surgimiento de la Dirección de Inteligencia Nacional: Región Metropolitana, 1973-1977 // Izquierdas. – 2020. – Vol. 49. – P. 767-796.; Amat C. State Repression and Opposition Survival in Pinochet’s Chile // Comparative Political Studies. – 2024. – Vol. 57. – No. – P. 506-545.

[341] Schiappacasse I., Sánchez-Ancochea D. Can Powerful Dictators Escape ‘The Market as Prison’? The Case of Pension Privatisation in Pinochet’s Chile // Journal of Latin American Studies. – 2024. – Vol. 56, no. 3. – P. 465-495; Escalante E. E. The Influence of Pinochet on the Chilean Miracle // Latin American Research Review. – 2022. – Vol. 57. – No. 4. – P. 831-847.

плебисцита по единой кандидатуре, выдвинутой командующими вооружённых сил и руководством карабинеров на президентский срок 1989-1997 гг. Будущее голосование первоначально являлось частью созданного хунтой механизма институционализации режима. Последующее изменение общественно-политической обстановки придало этой процедуре иное содержание.[342]

Экономический кризис 1981-1982 гг., рост безработицы и ухудшение материального положения широких слоёв населения ускорили ослабление авторитарной власти. С 1983 г. в стране начался цикл общенациональных протестов, в которых участвовали профсоюзы, студенты, жители городских окраин, правозащитные объединения и церковные организации. Массовая мобилизация способствовала восстановлению общественных связей, ослабленных запретами и репрессиями. Вооружённое сопротивление отдельных групп, международная критика и изменение политики США также влияли на расчёты руководства страны и стратегию оппозиционных сил. Внутри оппозиционного лагеря сохранялись разногласия между сторонниками массового давления и участниками, ориентированными на межпартийное согласование и использование предусмотренных Конституцией процедур. К 1987 г. второй подход получил более широкую поддержку и создал основу для совместного участия в предстоящем голосовании.[343]

Восстановление избирательных реестров и постепенное возвращение партий к легальной деятельности обеспечили организационные условия для проведения

---

[342] Augusto Pinochet Ugarte (1915−2006) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. − URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-31395.html (дата обращения: 20.07.2025); Plebiscito de 1988 // Archivo Nacional de Chile. – URL: https://www.archivonacional.gob.cl/plebiscito-de-1988 (дата обращения: 20.07.2025).

[343] Delgado-Torres F., Maugard-Bravo M. Movilización y organización popular en dictadura: las jornadas de protesta nacional en Arica (1980-1986) // Izquierdas. – 2018. – No. 39. – P. 34-56; Figueroa Clark V. The Forgotten History of the Chilean Transition: Armed Resistance Against Pinochet and US Policy towards Chile in the 1980s // Journal of Latin American Studies. – 2015. – Vol. 47. – No. 3. – P. 491-520; Ruiz Godoy P. Hacia una «transición modelo»: influencia y significación de la transición española en la oposición chilena a la dictadura (1980−1987) // Izquierdas. – 2015. – No. 24. – P. 127-149.

плебисцита. В феврале 1988 г. центристские и левые объединения создали *Concertación de Partidos por el No*, координировавшую кампанию против сохранения А. Пиночета у власти до 1997 г. К завершению регистрации в списки были включены более семи миллионов граждан, составлявших около 92 % лиц, обладавших правом голоса. Оппозиционные силы организовали сеть представителей на избирательных участках, параллельный подсчёт результатов и широкую кампанию по мобилизации избирателей. Предоставление обеим сторонам времени для телевизионной агитации расширило доступ населения к альтернативной информации. Кампания «Нет» соединяла осуждение репрессий с образом мирного восстановления политических свобод и способствовала росту поддержки оппозиционной позиции. В совокупности эти условия придали предусмотренной Конституцией процедуре характер реального электорального состязания.[344]

Плебисцит состоялся 5 октября 1988 г. За вариант «Нет» было подано около 56 % действительных голосов, за вариант «Да» – около 44 %. Параллельная система сбора данных с участков ограничила возможности для пересмотра результатов. После первоначальных задержек с публикацией официальных сведений руководство страны признало поражение правительственной кандидатуры. Итоги голосования исключили продление президентских полномочий А. Пиночета до 1997 г. и открыли путь к конституционным изменениям 1989 г., а затем к проведению президентских и парламентских выборов. Одобренные поправки смягчили часть авторитарных ограничений, хотя сохранили назначаемых сенаторов, биноминальную избирательную систему и другие механизмы влияния, созданные при военном

[344] Boas T. C. Voting for Democracy: Campaign Effects in Chile’s Democratic Transition // Latin American Politics and Society. – 2015. – Vol. 57. – No. 2. – P. 67-90; Candina Polomer A. Transición e instalación democrática en Chile contemporáneo // Anales de la Universidad de Chile. – 2018. – Serie 7. – No. 15. – P. 39-51; Concertación de Partidos por el No // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-92967.html (дата обращения: 20.07.2025).

режиме. На выборах 14 декабря 1989 г. победил кандидат объединённой оппозиции П. Эйлвин, вступивший в должность президента 11 марта 1990 г.[345]

Передача власти гражданскому правительству в марте 1990 г. сопровождалась сохранением ряда институтов и позиций, унаследованных от прежнего режима. А. Пиночет продолжал занимать пост главнокомандующего сухопутными войсками до 10 марта 1998 г., а уже на следующий день вошёл в состав Сената в качестве пожизненного сенатора, оставаясь в этом статусе до 4 июля 2002 г.[346] Подобная институциональная преемственность наглядно отражала сохранение влияния авторитарного наследия на раннем этапе поставторитарного развития Чили.

Авторитарный период и характер выхода из него оказали долговременное влияние на стратегии ведущих политических сил. Совместная кампания 1988 г. позволила центристским и левым партиям преобразовать временное сотрудничество вокруг варианта «Нет» в устойчивое коалиционное взаимодействие. На правом фланге объединялись организации, по-разному оценивавшие отдельные стороны военного правления, но сохранявшие преемственность с его социально-экономическим курсом. Отношение к авторитарному наследию стало одной из основных линий партийного размежевания. Таким образом, восстановление конкурентного порядка сопровождалось формированием устойчивой коалиционной структуры и сохранением ряда институтов, унаследованных от диктатуры.[347]

---

[345] Plebiscito del 5 de octubre de 1988 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96594.html (дата обращения: 20.07.2025); Reformas sometidas a plebiscito // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-93600.html (дата обращения: 20.07.2025); Período presidencial // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96771.html (дата обращения: 20.07.2025).

[346] Augusto Pinochet Ugarte. Reseñas biográficas parlamentarias [Электронный ресурс] // Historia Política. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/resenas_parlamentarias/wiki/Augusto_Pinochet_Ugarte (дата обращения: 12.08.2026).

[347] Concertación de Partidos por la Democracia (1988-2009) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-31414.html (дата обращения: 20.07.2025); Elecciones parlamentarias de 1989 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Historia Política. –

Современная партийная система Чили формировалась в результате социально-политической борьбы общества за демократические и экономические свободы в поздний период правления военной хунты. Последующая либерализация социально-политической системы страны привела к созданию двух коалиций – левоцентристской Коалиции партий за демократию *(“Concertación de Partidos por la Democracia”, Консертасьон)*, превратившейся в главную демократическую силу поставторитарного периода, и правоцентристского «Альянса» (*“La Alianza”)*, сторонники которого выступали за восстановление власти военных. Именно этот раскол по линии «демократия / авторитаризм» стал определяющим на современном этапе развития чилийского государства как на уровне национальной политики, так и среди широких общественных слоёв[348].

Устойчивость современной партийной системы Чили, зиждущуюся на двух больших коалициях, в целом можно объяснить двумя факторами: длительной историей существования партий и особенностями избирательной системы. Во-первых, как отмечалось выше, политические предпочтения чилийцев, которые они выражают в ходе выборов, остались практически неизменными с начала XX в. Существенную роль продолжают играть различные гражданские ассоциации и рабочие союзы, имеющие политическую принадлежность к той или иной партии. Кроме того, ряд исследователей отмечают устойчивые семейные традиции, формирующие индивидуальные идеологические предпочтения, а также отношение к

URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1%2F63210&periodo=1973-1990 (дата обращения: 20.07.2025); Partido Renovación Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Historia Política. – URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Partido_Renovaci%C3%B3n_Nacional (дата обращения: 20.07.2025).

[348] Ruiz Rodríguez L. M., Miranda Olivares N. La evolución programática de las coaliciones en Chile // Revista Latinoamericana de Política Comparada. – 2017. – Vol. 13.– P. 57-78.; Mainwaring S., Torcal M. (2003) The political recrafting of social bases of party competition: The case of Chile 1973-1995 // British Journal of Political Science. – 2003. – Vol. 33. – No. 1.– P. 55-84.; De la Cerda N. Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile // Journal of Politics in Latin America. – 2022. – Vol. 14. – No. 1. – P. 3-30.

наследию авторитарного периода. Всё это находит отражение в голосах, которые получает каждая из коалиций[349].

Другим значимым фактором стабильности коалиционной системы является сложившаяся после возвращения к демократическому режиму биномиальная система. Следует, однако, дополнить, что хотя с начала 2000-х гг. среди кандидатов в президенты наметилась тенденция отдавать предпочтение личному, а не опосредованному партийными структурами общению с избирателями[350], особенности электоральной системы не позволили им полностью дистанцироваться от принадлежности к партии – в таком случае сузились бы возможности избранного президента проводить свою политическую программу в Конгрессе.

Несмотря на то что обе коалиции по-прежнему служат своего рода опорой всей партийной системе Чили, эмпирические исследования демонстрируют существенное снижение уровня поддержки партий среди населения и резкое ослабление партийной идентификации граждан. Так, по данным чилийского Центра общественных исследований *(Centro de Estudios Públicos, CES)*, если в начале 1990-х гг. каждый пятый гражданин ассоциировал себя с какой-либо политической партией[351], то спустя практически 30 лет 80% чилийцев не связывали свои предпочтения ни с одной из существующих партийных организаций[352]. Схожий тренд прослеживается в отношении вовлечённости чилийцев в формальные политические процессы, проявляющийся в динамике участия граждан на выборах: до 2013 г. процент

[349] Angell A. Party Change in Chile in Comparative Perspective // Revista de Ciencia Política. – Vol. 23. – No. 2. – 2003. – P. 88-108.
[350] Luna J. P. Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. – P. 100.
[351] Estudio Social y de Opinión Pública № 16, diciembre 1990. Centro de Estudios Públicos. URL: https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-social-y-de-opinion-publica-n16-diciembre-1990/ (Дата обращения: 5.02.2024).
[352] Estudio Social y de Opinión Pública № 85, agosto 2021. Centro de Estudios Públicos. URL: https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-nacional-de-opinion-publica-n85-agosto-2021/ (Дата обращения: 5.02.2024).

проголосовавших избирателей на всеобщих выборах составлял около 90%, в то время как начиная с 2013 г. этот показатель снизился практически вдвое[353].

Примечательно, что процесс постепенного снижения общественного интереса к политическим партиям происходит на фоне активного экономического роста Чили в поставторитарный период и, одновременно, глубокой поляризации чилийского социума[354]. В то же время наблюдается существенное противоречие между критическим восприятием внутри общества подходов государственных институтов к преодолению социально-экономических кризисов, что выражается в дистанцировании политических партий от своих избирателей[355] и повышении протестного участия[356], и ростом гражданской поддержки демократических институтов[357].

В политологическом дискурсе последних десятилетий эта нестандартная ситуация наиболее точно (в т.ч. по мнению автора настоящей диссертации) объясняется преодолением противоречий между двумя коалициями по линии конфликта «демократия / авторитаризм» при активном содействии партийных и государственных элит. С точки зрения теории, описываемый феномен состоит в том, что партийные идентичности формируются в периоды острой общественной поляризации и сильных социальных потрясений, когда политические элиты «выталкивают эти конфликты в политическое поле»[358]. Таким образом, граждане

---

[353] Resultados Electorales Históricos. Servicio Electoral de Chile. URL: https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/ (Дата обращения: 5.02.2024).

[354] Singer M. Elite Polarization and the Electoral Impact of Left-Right Placements: Evidence from Latin America, 1995–2009 // Latin American Research Review. – 2016. – Vol. 51. – No. 2. – P. 174-194.

[355] De la Cerda N. Unstable identities: The decline of partisanship in contemporary Chile.

[356] Carlin R.E. Distrusting democrats and political participation in new democracies: Lessons from Chile // Political Research Quarterly. – 2011. – Vol. 64. – No. 3. – P.668-687.

[357] Apoyo a la Democracia. Latinobarometro. URL: https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp (Дата обращения: 5.02.2024).

[358] LeBas A. From Protest to Parties: Party-Building and Democratization in Africa. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. – 316 p.; Tironi E., Agüero F., Valenzuela E. Clivajes políticos en Chile: Perfil sociológico de los electores de Lagos y Lavín. // Revista Perspectivas. – 2001. – Vol. 5. – P. 73-87; Bargsted M.A., Somma N.M. Social cleavages and political dealignment in contemporary Chile, 1995–2009 // Party Politics. – 2016. – Vol. 22. – No. 1. – P. 105-124.

эмоционально вовлекаются в обозначенный политическими элитами социальный раскол и выбирают определённую сторону в лице политических партий. Когда же конфликт угасает на политическом уровне, градус вовлечённости в него общественных групп тоже угасает. В таких условиях граждане соотносят свои предпочтения с одним из полюсов раскола и представляющими его политическими силами. По мере снижения остроты конфликта ослабевает и связанная с ним общественная мобилизация. Если данный процесс сопровождается сокращением массового участия при сохранении устойчивой конкуренции между организованными политическими силами, возникают предпосылки для дрейфа от полиархии к конкурентной олигархии.

Наиболее наглядно эмпирическое действие теории на примере современного Чили описывает Н. Де ла Серда, а также ряд других авторов, изучающих партийную систему этого государства. Основная идея состоит в том, что центральной характеристикой политического ландшафта страны в поставторитарный период явился раскол в обществе между сторонниками периода военной диктатуры и сторонниками демократии, который выразился в устойчивом противостоянии коалиций *"La Alianza"* и *"Concertación"* соответственно[359]. В свою очередь, активная гражданская поддержка обеих коалиций формировалась на основе разного эмоционального отношения к периоду диктатуры на коллективном уровне[360].

По мере консолидации чилийской демократии политические элиты правых сил всё больше дистанцировались от поддержки периода военной диктатуры, следствием чего стало не только улучшение их результатов на выборах, но и постепенное ослабление на гражданском уровне конфликта между сторонниками демократии и сторонниками режима А. Пиночета. Усилия политического истеблишмента по достижению консенсуса в понимании демократии как наиболее органичного пути

[359] De la Cerda N. Unstable identities: The decline of partisanship in contemporary Chile. – P. 13.
[360] Bonilla C.A., Carlin R.E., Love G.J., et al. Social or political cleavages? A spatial analysis of the party system in post-authoritarian Chile. // Public Choice. – 2011. – Vol. 146. – No. 1-2. – P. 9-21.

развития Чили привели к стремительному угасанию партийной вовлечённости на массовом уровне. В частности, Н. Де ла Серда относит подобную эволюцию восприятия конфликта по линии «демократия – авторитаризм» к т.н. непрограммным *(nonprogrammatic)* факторам сближения партийных позиций; речь идет прежде всего о переоценке правыми партиями периода военной диктатуры. При этом программные *(programmatic)* различия обеих коалиций остались практически неизменными[361].

§ 3. Сущностные характеристики президентской системы и электорального процесса в Уругвае

Среди латиноамериканских государств Уругвай выделяется в качестве одной из наиболее стабильных и устойчивых полиархий[362], наряду с Чили и Коста-Рикой. Однако особенность и, в некотором смысле, уникальность уругвайской государственности заключается в характеристиках её президентской системы, которая на протяжении своей истории позволяла стране избегать длительных институциональных потрясений.

В соответствии с конституционным дизайном, Восточная Республика Уругвай представляет собой президентскую систему со значительным объёмом полномочий[363] главы государства в сфере законодательства и исполнительной власти (ст. 168 Конституции)[364]:

---

[361] De la Cerda N. Unstable identities: The decline of partisanship in contemporary Chile. – P. 18.

[362] С момента возвращения к демократии в 1985 году Уругвай не переживал военных переворотов, авторитарных откатов или отмены выборов. Страна регулярно проводит свободные и конкурентные выборы, а также демонстрирует высокий уровень институциональной устойчивости на протяжении почти 40 лет.

[363] Под широкими полномочиями в президентских системах понимается совокупность конституционно закреплённых инструментов, позволяющих главе государства оказывать существенное влияние как на исполнительную, так и на законодательную власть. Объём этих полномочий может варьироваться в зависимости от конкретной конституционно-правовой модели.

[364] Constitución de la República. – 2004. URL: https://www.oas.org/dil/esp/Constitucion_Uruguay.pdf (дата обращения: 14.12.2024).

- Представление возражений или замечаний к законопроектам, направленных Президенту Парламентом, и отсрочка их промульгации либо отказ в ней в установленном порядке;
- Предложение палатам законопроектов или изменений к ранее принятым законам;
- Созыв Парламента на чрезвычайные сессии;
- Инициирование законопроектов в области налогообложения и их ассигновании;
- Подготовка законопроекта бюджета на будущий год и представление отчёта о расходах по бюджету истёкшего года;
- Назначение и смещение министров.

Кроме того, президент Уругвая имеет право придать любому законопроекту категорию срочности. У Палаты представителей есть сорок пять дней для рассмотрения подобных документов, у Сената – тридцать, причём каждая из палат может внести изменения (ст.168 Конституции). Срочный законопроект автоматически обретает статус закона, если в течение 100-дневного периода он не был рассмотрен Генассамблеей. Однако в силу различных препятствий, в т.ч. блокировки со стороны однопартийцев, уругвайские президенты не склонны прибегать к подобной мере в отличие от своих чилийских коллег[365].

Президент не имеет права единолично издавать указы, а по Конституции, Генеральная Ассамблея может распустить правительство. Тем не менее, в соответствии со ст. 138 Основного закона, уругвайские президенты наделены полномочиями для полного или частичного ветирования одобренных парламентом законопроектов. Для преодоления президентского вето необходимо набрать

[365] Chasquetti D. – Agenda Setting and Lawmaking in Uruguay / Alemán E. and Tsebelis G. (eds) Legislative Institutions and Lawmaking in Latin America (P. 199-224). – Oxford Studies in Democratization, 2016. – 286 p.

3/5 голосов членов нижней и верхней палат по отдельности. В отдельных случаях президент уполномочен распускать Генеральную Ассамблею[366].

Президент также располагает рядом ресурсных инструментов, с помощью которых может формировать и удерживать поддержку в законодательной ветви власти. В их число входит право назначать руководителей государственных предприятий, автономных организаций и национальных комиссий. Эти посты нередко предоставляются представителям политических фракций, отличных от президентской, что способствует формированию парламентской лояльности со стороны данных групп[367].

Немаловажное значение в системе взаимодействия между исполнительной и законодательной ветвями власти занимает вице-президент Республики, который избирается одновременно с кандидатом на пост главы государства. Отличительной особенностью вице-президента Уругвая в системе власти страны является то, что он занимает пост председателя Генеральной ассамблеи и Сената, тем самым, являясь своеобразным представителем главы исполнительной власти в законодательном органе страны (ст. 94 Конституции) [368].

С точки зрения автора диссертации, анализ объёма и характера власти президента Уругвая требует помещения в более широкий теоретический контекст политологической дискуссии о соотношении законодательных и незаконодательных инструментов влияния, доступных главам исполнительной власти в президентских системах, начало которой было положено М. Шугартом и Дж. Кэри.

Современные исследователи[369] подчёркивают, что именно конфигурация этих двух типов полномочий во взаимодействии с партийной системой, дисциплиной во

---

[366] Constitución de la República. – 2004. URL: https://www.oas.org/dil/esp/Constitucion_Uruguay.pdf (дата обращения: 14.12.2024).
[367] Zucco Jr. C. Legislative Coalitions in Presidential Systems: The Case of Uruguay.
[368] Constitución de la República. – 2004. URL: https://www.oas.org/dil/esp/Constitucion_Uruguay.pdf (дата обращения: 14.12.2024).
[369] Hebling M. L., Contrera F. Presidential Power, Vetoes, and Public Policy: A Comparative Study between Brazil and the United States // Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales. – 2019. – Vol. 64.

фракциях и процедурными механизмами парламента определяет реальные возможности главы государства по проведению собственной повестки. В странах с высоким уровнем институционализации партий, как Уругвай и Чили, президенты вынуждены действовать в условиях повышенной парламентской автономии, что снижает значение формальных полномочий и повышает роль неформальных механизмов мобилизации поддержки, в т.ч. определение кадровой политики, назначение на государственные посты, переговорные форматы и создание межпартийных соглашений.

Стоит отметить, что для «предвыборной формулы»[370] в период избирательной кампании кандидат в президенты старается подобрать наиболее лояльного политического соратника на должность своего заместителя не в последнюю очередь из соображений эффективного проведения своего дальнейшего политического курса и обеспечения взаимодействия исполнительной власти с парламентом. Являясь председателем в Сенате и Генеральной Ассамблее, вице-президент участвует в согласовании приоритетных законопроектов, следит за прохождением законодательной программы правительства, ведёт переговоры с другими партийными лидерами и содействует прохождению правительственных инициатив[371].

Поскольку детальное рассмотрение формальных и неформальных характеристик президентской системы власти в Уругвае невозможно без понимания сформировавшейся партийной системы страны, важно обратить внимание на то, что в 1952-1967 гг. в Уругвае был проведён эксперимент с учреждением коллегиального органа исполнительной власти по швейцарской модели – Национальным Советом

– No. 237. – P. 269-292.; Botelho J. C. A. and Silva R. R. Presidential Powers in Latin America Beyond Constitutions. – P. 29-30; Grimaldi S. The Elephant in the Room in Presidential Politics: Informal Powers in Western Europe // Political Studies Review. – 2023. – Vol. 21. – No. 1. – P. 21-41.

[370] На испанском языке – “Fórmula electoral”. Таким термином неофициально называют связку кандидата в президенты и вице-президенты. Встречаются также формулировки “fórmula presidencial” («президентская формула») и “fórmula de candidatos” («формула кандидатов») – *прим. автора.*

[371] Chasquetti D. – Agenda Setting and Lawmaking in Uruguay. – P. 202.

Правительства (Consejo Nacional de Gobierno), который по своей структуре напоминал политическую систему консоциативной демократии, описанную А. Лейпхартом[372]. По завершении и до начала 1970-х годов партии Колорадо и Бланко совместно получали около 90% голосов избирателей, что способствовало их институциональному взаимодействию и вытеснению менее влиятельных политических акторов. После восстановления демократии в 1985 г. Колорадо и Бланко возобновили политическое сотрудничество, однако оно уже не носило столь устойчивого характера, как в прежний период[373]. Именно с этого времени в Уругвае окончательно утвердилась трёхпартийная система с полноценным включением «Широкого фронта» во внутриполитическую жизнь страны.

Характерной чертой уругвайских партий является их высокая внутренняя фрагментация, выражающаяся в существовании множества малых политических групп или секторов (фракций; в англоязычной литературе – *factions*), которые формируются на основе идеологических различий или вследствие поддержки определённого лидера. Фракции являются институционализированными политическими акторами, сложившимися в результате особенностей уругвайской избирательной системы[374], и, как правило, возглавляются сенаторами или кандидатами на пост президента[375]. Избиратели ассоциируют себя не только с партиями, но и с принадлежностью к определённому партийному сектору, более детально отражающему идеологические предпочтения граждан.

В Уругвае политические возможности президента в значительной степени определяются фракционной организацией крупнейших партий. Их устойчивые

---

[372] Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. – New Haven: Yale University Press, 1999. – 348 p.
[373] Ibid. P. 7.
[374] Panizza F., Ramos Larraburu C., Scherlis G. Unpacking Patronage: The Politics of Patronage Appointments in Argentina's and Uruguay's Central Public Administrations // Journal of Politics in Latin America. – 2018. – Vol. 10. – No. 3. – P. 59-98.
[375] Bergara M., Pereyra A., Tansini R., Garcé A., Chasquetti D., Buquet D., Moraes J. A. Political Institutions, Policymaking Processes, and Policy Outcomes: The Case of Uruguay // IDB Working Paper. – 2006. – No. 205. – P. 1-66.

секторы обладают собственной организационной структурой, электоральной опорой и представительством в Генеральной Ассамблее. В силу этого при формировании кабинета и согласовании законодательной повестки глава государства взаимодействует с руководителями союзных партий и отдельных секторов президентской партии.[376]

Зависимость главы государства от переговорных механизмов особенно заметна в электоральных циклах, когда президентская партия не располагает самостоятельным большинством. При наличии однопартийного большинства сохраняется потребность в согласовании между внутренними секторами. Конституционный запрет на непосредственное переизбрание также меняет структуру политических стимулов к завершению президентского срока, когда партийные группы начинают готовиться к следующей кампании.[377] Распределение министерских постов и руководящих должностей в автономных организациях служит одним из инструментов закрепления поддержки союзных сил. Отдельные оппозиционные группы могут участвовать в кадровых и законодательных соглашениях, сохраняя организационную самостоятельность и возможность дистанцироваться от президентского курса.[378] Такие договорённости имеют ограниченный и изменчивый характер и не формируют постоянного правительственного блока. В итоге объём президентского влияния

---

[376] Варшавский А. Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – № 4. – С. 676, 681-682; Morgenstern S. Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay // Party Politics. – 2001. – Vol. 7. – No. 2. – P. 235-256.

[377] Constitución de la República Oriental del Uruguay. Artículo 152 // IMPO. – URL: https://www.impo.com.uy/bases/constitucion/1967-1967/152 (дата обращения: 14.07.2024); Варшавский А. Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая. – С. 680-681; Altman D. The Politics of Coalition Formation and Survival in Multiparty Presidential Democracies: The Case of Uruguay, 1989–1999 // Party Politics. – 2000. – Vol. 6. – No. 3. – P. 263, 268-275.

[378] Constitución de la República Oriental del Uruguay. Artículo 187 // IMPO. – URL: https://www.impo.com.uy/bases/constitucion/1967-1967/187 (дата обращения: 29.07.2026); Altman D. The Politics of Coalition Formation and Survival in Multiparty Presidential Democracies: The Case of Uruguay, 1989-1999. – P. 267-275.

зависит от конституционных полномочий, состава Генеральной Ассамблеи и способности главы государства поддерживать межпартийные и межфракционные соглашения на протяжении электорального цикла.[379]

Несмотря на формально обширные полномочия, закреплённые за главой государства в Конституции, реальная политическая сила уругвайских президентов остаётся ограниченной[380]. Во-первых, в отличие от депутатов и сенаторов, обладающих правом на неограниченное переизбрание, президент избирается на пятилетний срок и может вновь баллотироваться только после перерыва в один срок, что ставит главу государства в менее устойчивое институциональное положение по сравнению с сенаторами и депутатами. Во-вторых, после восстановления демократии и усиления позиций «Широкого фронта», уругвайская партийная система приобрела многопартийный характер, что требует от президента регулярных переговоров с оппозиционными партиями и фракциями по вопросам формирования правительства. В-третьих, высокая степень автономии партийных фракций увеличивает количество акторов, с которым президент должен заключать сделки относительно проведения своей политической программы[381]. Кроме того, президентская партия и её фракция редко обладают парламентским большинством, что делает необходимым заключение межпартийных соглашений. Таблица 1 наглядно демонстрирует слабую поддержку партии президента и его фракции в законодательном органе. Исключение составляет только «Широкий фронт», впервые пришедший к власти после выборов 2004 г. и нарушивший привычную сменяемость традиционных партий Бланко и Колорадо. Низкий процент мест президентских фракций можно объяснить тем, что в «Широком фронте» представлен крупный спектр левых и левоцентристских движений – от

[379] Варшавский А. Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая. – С. 681-682; Altman D. The Politics of Coalition Formation and Survival in Multiparty Presidential Democracies: The Case of Uruguay, 1989-1999. – P. 259-275.
[380] Milanesi A., Desarrollo Institucional y Caracterización del Centro de Gobierno en Uruguay // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2017. – Vol. 26. – No. 2. – P. 103-125.
[381] Bergara M., Pereyra A., Tansini R., Garce A., Chasquetti D., Buquet D. and Moraes J.A. Political Institutions, Policymaking Processes, and Policy Outcomes: The Case of Uruguay. – P. 20-22.

коммунистов до социал-демократов, – которые в той или иной степени представлены в Генассамблее и фактически формируют между собой большую коалицию.

Таблица 1. Распределение мест в Генассамблее у победивших партий

		% мест у партии Президента		% мест у фракции Президента	
Срок	**Президент (партия)**	**Депутаты**	**Сенаторы**	**Депутаты**	**Сенаторы**
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	41%	45%	34%	32%
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	39%	42%	25%	19%
1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	32%	35%	25%	23%
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	33%	33%	15%	17%
2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	53%	53%	10%	3%
2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	51%	53%	25%	16%
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	51%	50%	4%	6%
2020-2025	Л. Лакалье Поу	30%	33%	20%	23%

Источник: данные Избирательного суда Уругвая[382], расчёты исследователей Х. Ланзаро и Л. Носетто с соавторами[383].

Сущностные характеристики президентской системы Уругвая во многом определяются электоральными правилами, регулирующими порядок избрания главы государства и состава Генеральной Ассамблеи. Эти нормы влияют на структуру партийной конкуренции, положение внутрипартийных секторов и объём парламентской поддержки президента. В силу этого институт выборов выступает исходной точкой для анализа взаимодействия исполнительной власти, парламента и партий, а также отражает общественные или элитные предпочтения и может служить фактором для институализации фракций внутри партий[384].

[382] Datos Abiertos / Corte Electoral de la República Oriental del Uruguay. URL: https://www.gub.uy/corte-electoral/datos-y-estadisticas/datos-abiertos?page=1 (дата обращения: 14.09.2024).

[383] Lanzaro J. Uruguay 2014: elecciones competitivas y partido de izquierda predominante // Revista SAAP. – 2015. – Vol. 9. – No. 1. – P. 11-41; Nocetto L., Piñeiro R., Rosenblatt F. Uruguay 2019: Fin del ciclo progresista y reestructura del sistema de partidos // Revista de Ciencia Política. – 2020. – Vol. 40. – No. 2. – P. 511-538.

[384] Morgenstern S. Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay. – P. 4.; Cason J. Electoral Reform, Institutional Change, and Party Adaptation in Uruguay // Latin American Politics and Society. – 2002. – Vol. 44. – No. 3. – P. 89-109.

Уругвай представляет собой наглядный пример того, как особенности избирательного дизайна способствуют возникновению автономных групп в рамках партий. Ещё в начале XX века внутри партий Колорадо и Бланко чётко фиксировалось разделение на самостоятельные фракции, что вызывало опасения перед возможным переходом к многопартийности[385]. Для предотвращения социально-политического раскола в 1910 г. был принят закон, вводивший институт «двойного одновременного голоса» (“double simultaneous vote”, DSV), который совместил в себе черты первичных и всеобщих выборов, позволяя избирателям голосовать отдельно за партийные фракции. Эта модель применялась в Уругвае до 1996 г. и послужила механизмом становления сильных внутрипартийных фракций.

Ключевой принцип избирательной системы двойного одновременного голоса заключается в том, что каждая партия выдвигает несколько списков кандидатов от разных фракций без проведения предварительных внутрипартийных выборов[386]. Избиратели отдают свой голос за один из множества партийных списков, включающий кандидата в президенты, списка сенаторов и списка депутатов, принадлежащих к одной и той же партии. Выборы проводятся в один тур, а победителем становится кандидат от той партии, которая суммарно набрала больше всего голосов – отданных как за отдельную фракцию, так и общих. Победителем становится самый сильный кандидат от партии, набравшей больше всего голосов. Места в Сенате и Палате представителей[387] распределяются пропорционально полученным голосам (например, фракция социалистов, получившая 20% от общего числа голосов, отданных за Широкий Фронт, будет иметь 20% мест в парламенте).

Особенности уругвайского электорального дизайна обусловливают противоположные модели поведения фракций: стремление к внутрипартийному

---

[385] Morgenstern S. Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay. – P. 5.

[386] На первых трёх выборах после восстановления демократии в Уругвае, «традиционные партии» выдвигали несколько кандидатов в президенты, а Широкий Фронт всегда представлял только одну кандидатуру – прим. автора.

[387] Двухпалатный парламент Уругвая – *Генеральная Ассамблея* – состоит из верхней палаты (*Сенат*) с 30 членами и нижней (*Палата представителей*) с 99 депутатами – *прим. автора.*

единству для победы на выборах и конкурентную борьбу между фракциями, снижающую уровень партийной интеграции. Электоральная система сформировала иерархичную структуру фракций – кандидаты в нижнюю палату должны подчиняться кандидатам в Сенат, а они, в свою очередь, подчиняются кандидатам в президенты. Таким образом, только кандидаты в президенты и Сенат от определённой фракции имеют контроль над избирательным списком, оставляя за партиями право лишь формально проверять списки. В то же время прирост голосов за кандидатов от разных фракций усиливает общую электоральную эффективность партии[388].

По мере консолидации политической поддержки Широкого Фронта традиционное двухпартийное доминирование оказалось под угрозой, что выражалось в ослаблении их электоральных результатов (Таблица 2). В ответ на этот вызов Колорадо и Бланко предложили провести конституционную реформу электорального законодательства, которая была одобрена в 1996 г. в результате референдума[389].

Ключевым нововведением стали внутрипартийные праймериз, в результате которых от каждой партии выдвигается только один кандидат на пост главы государства, а также введение второго тура между двумя лидерами гонки в случае отсутствия абсолютного большинства в первом туре [390].

Таблица 2. Результаты голосования на всеобщих выборах в Уругвае (1971-2019)

	1971	1984	1989	1994	1999	2004	2009	2014	2019
Колорадо	40,9%	41,2%	30,3%	32,5%	32,8%	10,6%	17,2%	12,9%	12,8%
Бланко	40,2%	35%	38,9%	31,4%	22,3%	35,1%	29,7%	30,9%	50,79%
Широкий Фронт	18,3%	21,3%	21,2%	30,8%	40,1%	51,7%	47,9%	47,8%	49,29%

[388] Morgenstern S. Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay. – P. 6.
[389] Correa Freitas R., Vázquez Pedrouzo M. C. La reforma constitucional de 1997: análisis constitucional y administrativo. – 1ª ed. – Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1997. – 197 p.; Semino M. Panorama del nuevo sistema electoral / Mata Prates C. (ed) Reflexiones sobre la reforma constitucional de 1996. – Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1998.150 P.
[390] Cason J. Electoral Reform, Institutional Change, and Party Adaptation in Uruguay. – P. 10.

Остальные	0,6%	2,5%	9,6%	5,3%	4,8%	2,5%	3,2%	5,9%	15,02%

Источник: данные Избирательного суда Уругвая[391]; база данных Факультета социальных наук Университета Республики[392] и социологического агентства "Factum"[393].

Изменения также коснулись пересмотра календаря выборов. Начиная с электорального цикла 1999-2000 гг. – первого после введения реформы – вместо системы единого «двойного одновременного голосования» был установлен четырёхэтапный цикл: первичные выборы в июне, всеобщие выборы президента и членов Генеральной Ассамблеи в конце октября, второй тур выборов (при необходимости) в ноябре и выборы глав департаментов в мае следующего года[394].

Рассредоточение электорального цикла изменило условия партийной конкуренции. Внутрипартийные выборы стали отдельным этапом определения единой президентской кандидатуры и выявления соотношения сил между партийными секторами. Период между первым и вторым турами предоставляет политическим силам дополнительное время для согласования электоральной поддержки и программных позиций.[395] Отделение департаментских выборов от национальных повысило самостоятельное значение местных кампаний и расширило возможности региональных акторов при выборе кандидатов и электоральных стратегий.[396] Таким образом, последовательное проведение этих процедур позволяет

[391] Elecciones Nacionales 2014 / Corte Electoral de la República Oriental del Uruguay. URL: https://www.corteelectoral.gub.uy/estadisticas/nacionales/elecciones_nacionales2014 (дата обращения: 14.09.2024).
[392] Resultados por fórmula presidencial (1971-2009) / Facultad de Ciencias Políticas de la Universidad de la República. URL: https://parlamentodata.com/2022/03/17/produccion-legislativa-2/ (дата обращения: 14.09.2024).
[393] Comparativo Elecciones Nacionales 1999-2019 / Factum. – 6 de noviembre de 2019. URL: https://portal.factum.uy/analisis/2019/ana191106b.php дата обращения: 14.09.2024).
[394] Cason J. Electoral Reform, Institutional Change, and Party Adaptation in Uruguay. – P. 11.
[395] Nocetto L., Piñeiro R., Rosenblatt F. Uruguay 2019: Fin del ciclo progresista y reestructura del sistema de partidos. – P. 529, 532–533.
[396] Acosta y Lara F. Coordinación electoral y doble voto simultáneo a nivel subnacional en Uruguay (1971−2020) // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2022. – Vol. 31. – No. 2. – P. 35-55.

партиям пересматривать расстановку сил после каждого этапа и формировать договорённости с учётом результатов предшествующего голосования.

Электоральная реформа сохранила все черты внутрипартийной коалиционности партий, которые были сформированы при системе «двойного одновременного голоса». Несмотря на то, что партии теперь могут выставлять только одного кандидата в президенты, что положительно влияет на партийное единство, каждая фракция представляет свои списки кандидатов в верхнюю и нижнюю палаты, тем самым оставляя неизменным межфракционную соревновательность[397]. Лидеры фракций продолжают формировать списки кандидатов в Сенат и Палату представителей, в результате чего главным стимулом в работе парламентариев является поддержание репутации фракции, которую они представляют, а не партии в целом[398]. Эти особенности позволяют говорить о ключевой роли фракций в Генассамблее[399], а также об отсутствии контроля и дисциплины на партийном уровне[400]. Взаимодействие фракций в законодательном органе прямо влияет на деятельность президента[401].

§ 4. Ключевые признаки института президентства и избирательной системы в Чили

Политическую систему Чили традиционно выделяют как одну из наиболее консолидированных президентских демократий в Латинской Америке. С. Мэйнуоринг и М. Шугарт отмечают, что чилийский президент обладает наибольшим объёмом

---

[397] Magar E. and Moraes J.A. Of Coalition and Speed: Passage and Duration of Statutes in Uruguay's Parliament, 1985-2000 // IBEI Working Papers. – 2008. – P. 1-33.

[398] Magar E. and Moraes J.A. Factions with Clout: Presidential Cabinet Coalition and Policy in the Uruguayan Parliament // Party Politics. – Vol. 18. – No. 3. – 2009. – P. 427-451.

[399] Moraes J.A. 'Why Factions: Candidate Selection and Legislative Politics in Uruguay' / Siavelis P. and Morgenstern S. (eds) Pathways to Power: Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America. – Philadelphia, PA: Penn State University Press, 2008. – 496 p.

[400] Morgenstern S. Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay. – P. 18.

[401] Buquet D., Chasquetti D. and Moraes J.A. Fragmentación política y gobierno en Uruguay: ¿un enfermo imagnario? – Montevideo: Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, 1998. – 130 p.

полномочий среди глав государств в регионе, учитывая особые законодательные прерогативы главы государства в области права вето и возможности осуществлять политику посредством указов[402]. Некоторые конституционные полномочия главы государства, в частности, исключительная законодательная инициатива бюджета, позволяют говорить о президенте как о ключевом акторе, определяющим всю полноту повестки в нормативно-правовой сфере и принятии политико-управленческих решений[403]. Эти компетенции чётко закреплены в чилийской Конституции 1980-го года (ст.32)[404]:

- Участие в подготовке законодательных актов;
- Издание президентских указов, имеющих силу закона;
- Созыв референдума по вопросам, обозначенным в Конституции;
- Введение режима чрезвычайного положения;
- Назначение и смещение министров и полномочных представителей президента в регионах, а также генерального контролёра (controlador general – глава Налогового управления);
- Назначение судей, в т.ч. из состава Верховного суда, после одобрения кандидатуры Сенатом.

Кроме того, глава государства вправе единолично вносить законопроекты по бюджету, налогообложению и административному делению страны (ст.65)[405]. Сосредоточение бюджетной функции в руках президента, реализуемое через назначенного им министра финансов и генерального контролёра, придаёт чилийской системе выраженную вертикаль принятия решений с точки зрения формирования

---

[402] Mainwaring S., Shugart M. Presidentialism and Democracy in Latin America: Rethinking the Terms of the Debate / Mainwaring S., Shugart M. (eds.) Presidentialism and Democracy in Latin America (P. 12-54). – Cambridge University Press, 1997. – 508 p.

[403] Несмотря на то, что в «пиночетовскую» Конституцию неоднократно вносились изменения, она до сих пор предоставляет беспрецедентно широкие полномочия главе государства – *прим. автора.*

[404] Constitución Política de la República // Cámara de Diputadas y Diputados. URL: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (дата обращения: 7.10.2024).

[405] Ibid.

бюджетной политики[406]. Если проект бюджета не получает поддержки обеих палат Конгресса, автоматически вступает в силу версия, предложенная президентом (ст.67)[407].

Одним из наиболее влиятельных инструментов исполнительной власти в части возможности контроля процесса принятия законов и определения законодательной повестки являются т.н. постановления о срочности (declaratorias de urgencia). В соответствии с Законом о Национальном конгрессе, президент может придать каждому рассматриваемому законопроекту один из трёх статусов срочности, в установленные сроки которых соответствующая палата парламента должна вынести своё решение – простая срочность (30 дней), важная срочность (15 дней) и немедленное обсуждение (6 дней). Если законопроекту присваивается один из статусов срочности, обсуждение других законопроектов приостанавливается (ст.26)[408]. До конституционной реформы 2005 г. дополнительным инструментом влияния главы государства на законодательную повестку выступало право созывать Национальный конгресс на внеочередную сессию. Парламентские инициативы в этот период могли рассматриваться при условии их включения президентом в соответствующую повестку, что расширяло возможности исполнительной власти воздействовать на последовательность законодательной работы[409].

Конституционная реформа 2005 г. упразднила разделение на обычную и внеочередную легислатуры, установив единый порядок парламентской работы

---

[406] Aninat C., Landregan J., Navia P., Vial J. Political Institutions, Policymaking Processes and Policy Outcomes in Chile // Inter-American Development Bank. – 2006. – P. 1-64.
[407] Constitución Política de la República.
[408] Ley Orgánica Constitucional del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. URL: https://bcn.cl/2fkep (дата обращения: 7.10.2024).
[409] Historia de la Ley. Reforma constitucional que suprime la legislatura extraordinaria del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – 2005. – P 30-32. – URL: https://www.bcn.cl/obtienearchivo?id=recursoslegales%2F10221.3%2F2219%2F2%2FSesion+02.pdf (дата обращения: 08.05.2026).

парламента[410]. Согласно действующей редакции ст. 32 Конституции глава государства вправе, указав мотивы, потребовать созыва заседания любой из палат Конгресса, которое должно состояться в кратчайший срок[411]. При этом существенным инструментом президентского влияния на законодательную повестку остаётся механизм срочности. В этой связи в политологическом сообществе отмечают, что его применение позволяет главе государства воздействовать на очередность рассмотрения инициатив и тем самым сохраняет за исполнительной властью значимые возможности в организации законодательного процесса[412].

Наряду с широкими законодательными полномочиями президента существенную роль в формировании законодательной повестки сохраняет Национальный конгресс. В соответствии со ст. 65 Конституции Чили парламентская инициатива может быть подписана не более чем десятью депутатами или пятью сенаторами[413]. Парламентские инициативы преимущественно имеют коллективное авторство. Исследования законодательного процесса страны показывают, что более широкое соавторство, в том числе с участием представителей конкурирующих политических сил, связано с более высокой вероятностью последующего

---

[410] Ley N.º 20.050. Reforma constitucional que introduce diversas modificaciones a la Constitución Política de la República // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – 26.08.2005. – URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=241331 (дата обращения: 08.05.2026).

[411] Constitución Política de la República. – Art. 32, num. 2.

[412] Siavelis P. M., The President and Congress in Postauthoritarian Chile: Institutional Constraints to Democratic Consolidation. – University Park: Penn State University Press, 2000. – 304 p.; Alemán E., Navia P. Institutions and the Legislative Success of "Strong" Presidents: An Analysis of Government Bills in Chile // The Journal of Legislative Studies. – 2009. – Vol. 15. – No. 4. – P. 401-419; Alemán E. and Navia P. Presidential power, legislative rules and lawmaking in Chile / Alemán E. and Tsebelis G. (eds) Legislative Institutions and Lawmaking in Latin America. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 92-121; Dockendorff A. Why Are Some Parliamentarians' Bills More Likely to Progress? Sponsorship as a Signal // The British Journal of Politics and International Relations. – 2021. – Vol. 23. – No. 1. – P. 139-157.; Huertas-Hernández S., Palanza V. Lawmaking and Presidential Attributes in the Chilean Constitution: What's the Urgency? // PS: Political Science & Politics. – 2024. – Vol. 57. – No. 2. – P. 253-258.

[413] Constitución Política de la República de Chile: Decreto Supremo N.º 100, de 17 de septiembre de 2005 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – Art. 65. – URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=242302 (дата обращения: 07.06.2024).

продвижения законопроекта[414]. Так, согласно статистике, менее 15% всех законопроектов представляли собой индивидуальные инициативы[415]

Динамика законодательного процесса также свидетельствует о постепенном сокращении доли президентских инициатив. По расчётам Н. Мимики и П. Навии, в 1990-2022 гг. по инициативе главы государства было принято 1594 из 2603 законов, или 61,2% от их общего числа. При этом соответствующий показатель снизился с 88,8% в 1990-1994 гг. до 36,3% в 2018-2022 гг.[416]. Исследователи связывают данную тенденцию с изменениями институционального дизайна, в том числе с конституционной реформой 2005 г. и преобразованием избирательной системы в 2015 г., которые способствовали усилению роли Конгресса в законодательном процессе (Таблица 3).

[414] Le Foulon Morán C. Cooperation and Polarization in a Presidential Congress: Policy Networks in the Chilean Lower House 2006–2017 // Politics. – 2020. – Vol. 40. – No. 2. – P. 227-244; Dockendorff A. Why Are Some Parliamentarians' Bills More Likely to Progress? Sponsorship as a Signal. – P. 8; Mimica N., Navia P. Where Did Hyper-Presidentialism Go? The Origin of Bills and Laws Passed in Chile, 1990-2022 // Journal of Politics in Latin America. – 2024. – Vol. 16. – No. 1. – P. 27-49; Faúndez Caicedo V., Figueroa Gutiérrez V., Navia P., Pérez Aburto C. The Success of Legislators' Bills in Strong Presidential Systems: Chile, 1990–2018 // The Journal of Legislative Studies. – 2024. – Vol. 30. – No. 1. – P. 25-43.

[415] Ampuero Villagrán H. Algunos antecedentes sobre la función legislativa de la Cámara de Diputados de Chile (1990–2010) // Revista Enfoques: Ciencia Política y Administración Pública. – 2013. – Vol. 11. – No. 19. – P. 37-52.

[416] Mimica N. & Navia P. Where did Hyper-Presidentialism Go? The Origin of Bills and Laws Passed in Chile, 1990–2022. – P. 36.

Таблица 3. Доля президентских инициатив среди внесённых законопроектов и принятых законов в Чили, 1990-2022 гг.

	1990-1994	1994-2000	2000-2006	2006-2010	2010-2014	2014-2018	2018-2022
Процент президентских законопроектов	48,3%	29,3%	28,5%	11,8%	15,3%	11,7%	9,5%
Процент принятых законов, инициированных президентом	88,8%	69,4%	64,5%	61%	62,7%	52,2%	36,3%

Источник: данные Библиотеки Конгресса и Сената Чили[417]; расчёты исследователей Н. Мимики и П. Навии[418].

Значение парламентского согласования определяется также отдельными конституционными ограничениями президентской власти. Действующая Конституция не предоставляет главе государства полномочия досрочно распускать Национальный конгресс[419]. Президент вправе возвратить принятый законопроект со своими замечаниями, однако обе палаты могут отклонить их и сохранить ранее одобренный текст большинством в две трети присутствующих членов каждой палаты – Палаты депутатов (нижняя палата) и Сената (верхняя палата) (ст. 73)[420]. В результате проведение законодательной программы президента сохраняет зависимость от парламентской поддержки на протяжении установленного электорального цикла. В условиях многопартийности и ограниченного представительства президентской партии особое значение приобретают коалиционные договорённости и согласование позиций с другими парламентскими группами.

---

[417] Registro Histórico Mociones Senadores / Observatorio Congreso. URL: https://observatoriocongreso.cl/mociones-senado-2/#. (дата обращения: 14.12.2024).

[418] Mimica N. & Navia P. Where did Hyper-Presidentialism Go? The Origin of Bills and Laws Passed in Chile, 1990–2022. – P. 6.

[419] Constitución Política de la República de Chile: Decreto Supremo N.º 100, de 17 de septiembre de 2005.

[420] Ibid.

Эта зависимость наиболее заметно проявляется в Чили, где фрагментированная партийная система сочетается с сильным институтом президентства. На потенциальные сложности подобной институциональной конфигурации указывают С. Мэйнуоринг и М. С. Шугарт, связывая функционирование президентской системы с особенностями партийной структуры и характером поддержки главы государства в законодательном органе.[421] Применительно к чилийской политической системе одним из следствий такого сочетания становится проблема «двойного меньшинства», при которой президент не имеет поддержки большинства ни среди своих избирателей, ни представляющей им партией в одной или обеих палатах парламента. Эту особенность можно наглядно увидеть при рассмотрении результатов набранных голосов и распределении мест партий чилийских президентов в Конгрессе по итогам парламентских выборов (Таблица 4).

Таблица 4. Распределение мест в Национальном Конгрессе у победивших партий

		% мест у коалиции Президента		% мест у партии Президента	
Срок	**Президент (коалиция / партия)**	**Депутаты**	**Сенаторы**	**Депутаты**	**Сенаторы**
1989-1993	П. Айлвин (Консертасьон / ХДП)	57,5%	46,8%	31,66%	27,65%
1993-1997	Э. Фрей (Консертасьон / ХДП)	58,33%	45,65%	30,83%	28,26%
1997-2001		57,5%	48,97%	31,66%	32,65%
2001-2005	Р. Лагос (Консертасьон / ПД)	51,66%	36,73%	16,66%	6,1%
2005-2009	М. Бачелет (Консертасьон / СП)	54,16%	52,63%	12,5%	21,05%
2009-2013	С. Пиньера (Коалиция за изменение / НО)	48,33%	42,10%	15%	21,05%

[421] Mainwaring S., Shugart M. Presidentialism and Democracy in Latin America: Rethinking the Terms of the Debate. – P. 17.

2013-2018	М. Бачелет (Новое большинство / СП)	55,83%	55,26%	12,5%	15,7%
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд! / Независимый)	46,45%	44,18%	-	-

Источник: данные Избирательной службы Чили[422].

Как видно из приведённых результатов, чилийский парламент состоит из сильных коалиций и слабых входящих в них по-отдельности партий. Наглядно выделяется пример баллотировавшегося на второй президентский срок в качестве независимого кандидата С. Пиньеры, который напрямую опирался на коалицию правоцентристских и правых партий «Чили, вперёд!», не имея при этом поддержку ни одной входящей в этот блок партии. Помимо приведённой выше проблемы «двойного меньшинства», объясняющей низкий уровень партийной поддержки главы государства в парламенте при многопартийных президентских системах, некоторые авторы обуславливают подобный статус-кво постепенным снижением партийной идентификации среди рядовых избирателей и укреплением партийной иерархии среди политических элит ведущих коалиций, которые служат необходимой платформой кандидатам на пост президента для вхождения в политическую орбиту страны[423]. В этих условиях существенное значение приобретают электоральные правила, определяющие стимулы к координации между политическими силами, совместному выдвижению кандидатов и формированию представительства в Национальном конгрессе.

Одним из ключевых институтов, определявших структуру партийной конкуренции после возвращения демократического строя в Чили, стала биноминальная электоральная система. Она была введена в 1989 г. ещё при правлении генерала А. Пиночета и совместила в себе черты мажоритарного и пропорционального представительства.

---

[422] Servicio Electoral de Chile – resultados históricos. URL: https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/ (дата обращения: 14.12.2024).

[423] Luna J. P., Altman D. Uprooted but Stable: Chilean Parties and the Concept of Party System Institutionalization // Latin American Politics and Society. – 2011. – Vol. 53. – No. 2. – P. 1-28; Siavelis P. M. Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection // Journal of Politics in Latin America. – 2016. – Vol. 8. – No. 3. – P. 61-93.

Биноминальная избирательная система в Чили строилась на пропорциональном представительстве и разделяла страну на 60 двухмандатных округов, в каждый из которых партия или коалиция формировали список из двух кандидатов. Для подсчёта голосов применялся метод Д'Ондта. В рамках этой системы формально установленного порога для получения одного мандата не существовало. Однако при конкуренции двух основных списков для получения одного места было достаточно набрать немногим более трети голосов – около 33,4%. Для того чтобы оба места были отданы кандидатам из одного и того же списка, этот список должен был получить как минимум в два раза больше голосов, чем следующий за ним. Если это условие не выполнялось, два места разделялись между списком, набравшим больше всего голосов, и следующим за ним вне зависимости от разрыва между их результатами. Другими словами, если два сильнейших списка набирали 66% и 34% голосов соответственно, каждый из них получал по одному месту, то есть 50% от количества мандатов, распределяемых в данном округе [424]. Как показывают исследования, этот механизм наиболее благоприятствовал кандидатам из правоцентристского «Демократического альянса»[425]. Однако ещё более примечательным последствием биноминальной избирательной системой стало существенное ограничение возможностей независимых кандидатов или членов партий, не принадлежащих к двум крупнейшим коалиционным блокам – «Консентрасьон» и «Альянсу»: с 1989 до 2013 гг. более 97% всех избранных депутатов или сенаторов были членами одной из этих коалиций[426].

---

[424] Siavelis P. M. Chile: las relaciones entre el poder ejecutivo y el poder legislativo después de Pinochet. – P. 15.; Варшавский А. Ю. Переменчивая устойчивость: всеобщие выборы в Чили как институциональное отражение демократических традиций // Сравнительная политика. – 2025. – Т. 16. – №1. – С. 89-11.

[425] Ibid. – P. 22; Alemán E., Cabezas J.M. Calvo E. Coalition Incentives and Party Bias in Chile. – P. 2.

[426] Gamboa R., Morales M. Chile's 2015 Electoral Reform: Changing the Rules of the Game // Latin American Politics and Society. – Vol. 58. – № 4. – 2016. – P.126-144; Богуш. Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века.

Политические последствия биноминальной избирательной системы практически сразу стали предметом продолжительной дискуссии. Среди основных аргументов противников данной системы фигурировало намеренное создание институциональной конструкции, призванной защитить Конституцию 1980 г. от последующего пересмотра новым парламентским большинством[427]. Сторонники биноминальной системы указывали на её склонность к формированию широких коалиций и, тем самым, повышению степени управляемости[428]. В целом, несмотря на признаваемые заслуги биноминальной системы в укреплении чилийской демократии в пост-авторитарный период, в массовом сознании избирателей она никогда не воспринималась как неотъемлемый элемент сложившейся политической системы страны[429], хотя и способствовала длительному воспроизводству двухкоалиционной структуры электоральной конкуренции[430].

В 2015 г. после многолетних споров и обсуждений как в общественных, так и в политических кругах, чилийский Конгресс одобрил предложенный правительством М. Бачелет проект избирательной реформы. Основной акцент закона № 20.840 был сделан на повышении пропорциональности распределения мест в парламенте путём сокращения избирательных округов с 60 до 28 при увеличении числа мест в каждом из них (в Палате депутатов количество варьируется от 3 до 8 и пересматривается каждые десять лет, в Сенате – от 2 до 5 и не предполагает изменений). Одновременно, количество депутатов увеличилось со 120 до 155, а сенаторов – с 38 до 50[431].

---

[427] Pastor D. Origins of the Chilean Binominal Election System // Revista de Ciencia Política. – 2004. – Vol. 24. – No. 1. – P. 38-57.

[428] Alemán E., Cabezas J.M. Calvo E. Coalition Incentives and Party Bias in Chile // Electoral Studies. – 2021. – Vol. 72. – P. 1-8.

[429] Nohlen D. La reforma del sistema binominal desde una perspectiva comparativa // Revista de Ciencia Política. Universidad Católica de Santiago de Chile. – 2006. – Vol. 26. – No 1. – P.191-202.

[430] Siavelis P. M. Sistema electoral, desintegración de coaliciones y democracia en Chile: ¿El fin de la Concertación? // Revista de Ciencia Política. – 2004. – Vol. 24. – No. 1. – P. 58-80.

[431] Gamboa R., Morales M. Chile's 2015 Electoral Reform: Changing the Rules of the Game. – P. 1.

Другое важное нововведение избирательной реформы – увеличение количества выдвигаемых кандидатов в списках от каждого округа на одного человека (M+1, где M – магнитуда округа)[432]. Этот шаг в особенности получил поддержку среди малых партий, которые были уверены, что повышение числа представляемых в списках кандидатов положительно отразится на избирательных шансах их представителей и независимых выдвиженцев[433]. Для распределения мест между списками сохранился метод Д'Ондта. Новая система впервые применялась на парламентских выборах 2017 г.[434]

Подобное ожидание в сторону большей представленности независимых кандидатов в связи с этой характеристикой реформы после её принятия высказывали в политологическом сообществе[435]. Тем не менее, в проведённом исследовании 2021 г. на основании полиномиальной регрессии Э.Алеман и коллеги показали, что принадлежность партий к широким коалициям продолжала оказывать весомое значение на выборах и конечное распределение мест в обоих палатах парламента. Основной вывод работы можно подытожить следующим образом: реформа избирательной системы «не устранила стимулы к формированию коалиций». Несмотря на значительное увеличение представленности малых партий, они, тем не менее, не могут конкурировать за голоса избирателей в одиночку[436]. Исследование Х. Хофре и Х. М. Кабесаса, охватывающее выборы 2009, 2013, 2017 и 2021 гг., также выявляет устойчивое увеличение фрагментации партийной системы после реформы[437].

---

[432]

[433] Ibid. – P. 5.

[434] Ley N.ª 20.840. Sustituye el sistema electoral binominal por uno de carácter proporcional inclusivo y fortalece la representatividad del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Ley Chile. — Publicada el 5 de mayo de 2015. — URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1077039 (дата обращения: 10.08.2024).

[435] Carey J. M. Las virtudes del sistema binominal // Revista de ciencia política. – 2006. – Vol. 26. – No. 1 .– P. 226-235.

[436] Alemán E., Cabezas J.M. Calvo E. Coalition Incentives and Party Bias in Chile. – P. 7.

[437] Jofré H., Cabezas J. M. Los efectos de la reforma electoral de 2015 sobre el sistema de partidos chileno // Dados. – 2025. – Vol. 68. – No. 3. – P 1-34.

Это обобщение в действительности подтвердилось на всеобщих выборах в Чили 2021 года. Из 155 избранных депутатов Палаты представителей лишь один – независимый кандидат, остальные являются членами партий, входящих в восемь различных коалиций[438]. Аналогичная ситуация с результатами выборов в Сенат – 48 мест распределены между представителями четырёх коалиций, и только два места занимают независимые политики[439].

Таким образом, электоральный дизайн современного Чили продолжает оставаться коалиционно-ориентированным. Увеличение магнитуды партийных списков новых сформированных округов не смогло подорвать позиции традиционно крупнейших коалиций лево- и правоцентристских партий («Одобряю достоинство» и «Чили, вперёд!», соответственно), представители которых продолжают делить между собой большинство мест в обеих палатах Национального Конгресса. Несмотря на снижение порога входа в депутатские и сенатские мандаты для малых партий, усиливая фрагментацию, они не могут претендовать на серьёзное представительство в законодательном органе[440]. В этой связи, даже с учётом запроса чилийской общественности на обновление партийного представительства в законодательной и исполнительной ветвях власти, наиболее действенным решением с т.з. обеспечения победы на выборах для кандидатов в Нацконгресс или главы государства (даже от небольших партий) является вхождение в одну из традиционных широких коалиций.

---

[438] Elección de Diputados 2021 // Servicio Electoral de Chile. URL: https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiZDc3ZDQzMDQtZGQzYS00MTE5LTliNTQtMjIwZWRjOWMyYzMwIiwidCI6ImVhZjg3OWJkLWQzZWMtNDY1MC1iMTI5LTEzZGZkZjQ4NTlmZSJ9 (Дата обращения: 22.08.2023).

[439] Elección de Senadores 2021 // Servicio Electoral de Chile. URL: https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiMTE1MmEwNmItZmY3Mi00MDIzLWJmNWItYjhjMjM0ZjNhMThhIiwidCI6ImVhZjg3OWJkLWQzZWMtNDY1MC1iMTI5LTEzZGZkZjQ4NTlmZSJ9 (Дата обращения: 22.08.2023).

[440] Alemán E., Cabezas J.M., Calvo E. Coalition Incentives and Party Bias in Chile. – P. 8.

Выводы Главы 2

Резюмируя, устойчивость межпартийных коалиций в Уругвае и Чили является результатом длительной эволюции политических размежеваний, практик взаимодействия элит и партийных систем, получивших последующее закрепление в институциональных механизмах президентского правления и избирательных правил. Анализ демонстрирует действие механизма **тропы зависимости**, при котором решения, принятые в периоды институционального выбора, закрепляли определённые модели партийной конкуренции и электорального дизайна, определяя в дальнейшем траектории последующего развития. Ключевыми **критическими развилками выступают** конституционные реформы, переходы к конкурентному политическому порядку и изменения избирательных систем, которые способствовали укреплению коалиционной логики политического взаимодействия между партиями.

В Уругвае процесс партийной институционализации берет начало в XIX в., когда центр-периферийный и гражданско-военный расколы оформили дуализм партий Колорадо и Бланко и заложили традицию разделённого управления. Конституция 1918 г. и последующее введение коллегиального исполнительного органа, а затем системы двойного одновременного голоса стали критическими точками, оформившими институциональные стимулы к переговорам и фракционной инклюзии. Фракционная конкуренция получила устойчивые институциональные рамки, позволявшие сочетать внутрипартийное соперничество с согласованием позиций между политическими группами. В поставторитарный период эти исторические механизмы позволили интегрировать левый Широкий фронт без разрушения партийного равновесия. Тем самым в Уругвае сформировалась устойчивая траектория институционального развития, основанная на соглашениях между политическими элитами, нормах переговорной культуры и сбалансированном распределении властных полномочий.

Чили развивалась по иной, но сопоставимой логике. Первоначальные конфликты «церковь-государство» и социально-классовые противоречия XX столетия породили систему устойчивых партийных идентичностей. Плебисцит 1988 г., всеобщие выборы 1989 г. и передача власти гражданскому правительству в 1990 г. образовали критический этап политического транзита, в рамках которого широкие межпартийные объединения приобрели центральное значение для электоральной конкуренции и формирования правительства. Поставторитарная система двух коалиций в лице «Консертасьон» и «Альянса» была институционализирована в рамках биноминальной избирательной системы, ограничивавшей фрагментацию и стимулировавшей межпартийное сотрудничество. Реформа 2015 г., заменившая биноминальную модель пропорциональной, повысила пропорциональность представительства, расширила возможности малых партий и усилила фрагментацию, сохранив значимость электоральной координации между политическими силами. В сочетании с широкими законодательными полномочиями президента и необходимостью формирования парламентской поддержки эта институциональная конфигурация поддерживает высокую значимость межпартийного согласования в политическом процессе Чили.

Сопоставление поставторитарных переходов выявляет ещё одну общую черту политического развития двух стран. В Уругвае восстановление гражданского правления проходило через плебисцит 1980 г., возобновление партийной активности, Пакт Морского клуба и всеобщие выборы 1984 г.; в Чили ключевое значение имели плебисцит 1988 г. и последовавшие за ним всеобщие выборы. В обоих случаях переход к выборно-представительному порядку происходил при сочетании переговорных и электоральных механизмов и сопровождался возвращением партий к роли основных каналов политического представительства и согласования интересов. Этот опыт способствовал закреплению переговорных практик, впоследствии имевших существенное значение для развития коалиционного взаимодействия. Сопоставление поставторитарных переходов выявляет ещё одну общую черту

политического развития двух стран. В Уругвае восстановление гражданского правления проходило через плебисцит 1980 г., возобновление партийной активности, Пакт Морского клуба и всеобщие выборы 1984 г.; в Чили ключевое значение имели плебисцит 1988 г. и последовавшие за ним всеобщие выборы. В обоих случаях переход к выборно-представительному порядку происходил при сочетании переговорных и электоральных механизмов и сопровождался возвращением партий к роли основных каналов политического представительства и согласования интересов. Этот опыт способствовал закреплению переговорных практик, впоследствии имевших существенное значение для развития коалиционного взаимодействия.

Историческая память воздействовала на коалиционную конкуренцию в двух странах по-разному. В Чили отношение к наследию военного режима длительное время оставалось одним из факторов партийного размежевания и формирования широких политических блоков. В Уругвае поставторитарный опыт сильнее проявился в закреплении значения межпартийных переговоров, электоральной легитимации и сохранения партийных каналов представительства. В обоих случаях память о периодах ограничения политической конкуренции входила в число условий, формировавших границы допустимого поведения ключевых акторов.

В целях выявления конфигураций факторов, обеспечивающих поддержание партийных коалиций как одного из ключевых элементов жизнеспособности президентских форм представительного правления в Уругвае и Чили, будет проведён качественный сравнительный анализ. В следующей главе объясняется специфика данного метода, проводится операционализация выбранных социокультурных и институциональных факторов и объясняются полученные результаты.

Глава 3. Качественный сравнительный анализ структурных и институциональных факторов устойчивости партийных коалиций

В данной главе проводится операционализация основных факторов устойчивости партийных коалиций для исследуемых государств, а также даётся интерпретация полученных конфигураций.

§ 1. Операционализация переменных

Выбранные для проведения диссертации факторы основаны на гипотезе настоящего исследования:

Устойчивость партийных коалиций в Уругвае и Чили определяется историческими, социально-экономическими и институциональными условиями социально-политической среды, при которых глава государства и парламентские партии заинтересованы в выработке договорённостей, поддерживающих устойчивое функционирование механизмов представительного правления.

В качестве **зависимой переменной (Y)** выступает стабильность президентской коалиции в конкретный мандат главы государства.

Хронологические рамки КСА охватывают период с момента восстановления электорально-подотчётных форм публичной власти в исследуемых странах (Уругвай – в 1985 г., Чили – в 1990 г.) до 2024 г. в Уругвае (конец президентского срока Л. Лакалье Поу) и до 2022 г. в Чили (конец второго президентского мандата С. Пиньеры). Конфигурационный сравнительный анализ проводится на основе факторов каждого электорального цикла.

В рамках **структурного подхода** были выделены следующие показатели:

1. *Индекс институционального доверия* ***(CONF)***: [0] – если показатель меньше 35%, [1] – если показатель больше или равен 35%. Данный индекс включает в себя средний показатель индексов доверия парламенту, правительству и политическим партиям на основании базы данных Latinobarómetro,

уругвайского социологического агентства FACTUM и чилийского центра общественных исследований “CEP”. Для определения границы индекса взято среднее значение индекса для США в качестве идеального типа устойчивой президентской демократии на основании результатов исследовательского центра Pew[441], которое было поднято, исходя из традиционно более высокой степени доверия политическим институтам в Уругвае и Чили.

2. *Индекс степени расслоения общества **(EQUAL)**: [0] – если значение ≥ 45%, [1] – если меньше.* Показатель выводится на основании коэффициента расслоения общества (Gini), который представляет собой один из наиболее значимых показателей уровня жизни в государстве. Коэффициент Джини через переменную EQUAL отражает структурные источники политической нестабильности: при высоком уровне экономической дифференциации усиливаются конфликтные запросы на перераспределение, что повышает вероятность внутрипартийных расколов и выхода партнёров из коалиций. Пороговое значение выделялось от среднего показателя коэффициента Gini по латиноамериканскому региону.

В основе **институционального подхода** были выбраны следующие факторы:

1. *Поддержка партии президента в парламенте (%) **(PSUP)***: [0] – если партия президента занимает более половины мест в парламенте, [1] – если поддержка президентский партии составляет от 33,3% до 50%. Выбор данного порогового значения основывается на приведённых выше теоретических выводах Х. А. Чейбуба и коллег о благоприятном влиянии высокой партийной раздробленности на коалиционирование.
2. *Назначение на министерские посты политиков вне президентской партийной коалиции **(PERCENT):*** [0] – если доля распределения министерских

[441] Public Trust in Government: 1958-2024 / Pew Research Center, 2024. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/06/24/public-trust-in-government-1958-2024/ (дата обращения: 14.12.2024).

портфелей для представителей оппозиционных партий или независимых политиков меньше 10%, [1] – если доля распределения министерских портфелей для представителей оппозиционных партий или независимых политиков ≥ 10%.

Порог в 10% выбран для отделения единичных исключений от случаев, когда включение министров вне правящей коалиции отражает целенаправленную стратегию расширения кабинета. При среднем размере кабинета в 13 и 23 министерства (для Уругвая и Чили, соответственно) это соответствует назначению не менее двух министров из оппозиционных партий и позволяет интерпретировать распределение портфелей как институционально значимое проявление коалиционного партнёрства, а не как индивидуальные или технические назначения. Показатель рассчитывается по следующей формуле: *(количество министров, не принадлежащих партиям правящей коалиции / количество всех министерских постов) x 100.*

3. *Фиксированный срок полномочий – попытка импичмента или смещения **(OUST)**:* [0] – если попытка провести процедуру импичмента или смещения в результате запросов гражданского общества (протесты) имела место быть, [1] – если вопрос о досрочном прекращении президентских полномочий не ставился на протяжении всего срока его нахождения у власти. Фактор обусловлен пониманием того, что в президентских системах импичмент является единственным конституционным способом отстранения главы государства от власти. Другие способы форсированного преодоления фиксированных сроков – например, перевороты – не рассматриваются по причине их отсутствия в Уругвае и Чили после восстановления конкурентных электоральных систем в обеих странах.
4. *Доминирование президентской законодательной повестки **(MAJOR)**:* [0] – ≥ две третьих принятых законопроектов инициированы партией президента; [1] – более 33,3% одобренных законопроектов внесены оппозиционными

фракциями. Согласно рассмотренным в теоретической части концепциям, президентские системы критикуются за склонность практически ко всей полноте власти со стороны президента, исходя из принципа «победитель получает всё». Наличие коалиционного правительства, в свою очередь, сдерживает мажоритарные тенденции партии главы исполнительной власти в силу коалиционного принятия решений. Пороговое значение выбрано на основании приведённых аргументов Х. А. Чейбубом и соавторами с «поправкой» порогового значения исходя из сильного мажоритаризма президентских коалиций в Уругвае и Чили.

5. *Коалиционно ориентированный стиль президентского лидерства* ***(LEADER):*** [0] – президент склонен принимать решения единолично, вразрез с позицией своей партии и коалиции; [1] – решения президента в подавляющем большинстве отражают линию его партии и сформированной коалиции.

   Для оценки степени коалиционной ориентированности президентского лидерства были использованы два аспекта, отражающие организационно-координационное и риторико-символическое проявления данного фактора. Во-первых, анализировался ***организационно-координационный аспект*** президентского стиля управления – насколько процесс принятия решений и кадровая политика главы государства опирались на партийные и коалиционные институты. Для проверки значений этого компонента использовались данные Базы данных политических институтов Межамериканского банка развития (Database of Political Institutions, DPI)[442]. Если решения в президентской коалиции по назначениям ключевых акторов принимаются на основе через межпартийные соглашения, аспекту присваивается значение [1].

[442] The Database of Political Institutions (DPI) / Inter-American Development Bank. URL: https://data.iadb.org/dataset/the-database-of-political-institutions-dpi-2020 (дата обращения: 14.12.2024).

Во-вторых, учитывался ***риторико-символический аспект*** лидерства главы государства, отражающий то, каким образом президент представлял коалицию и власть в публичном дискурсе. Здесь применялся контент-анализ инаугурационных и ежегодных обращений к нации, опубликованных на официальных правительственных порталах и в ведущих изданиях Уругвая и Чили

(El País, La República, La Tercera, El Mercurio). Преобладание коллективной риторики и апелляций к совместной ответственности рассматривалось как индикатор коалиционно ориентированного стиля президентского лидерства [1]. Общее значение фактора определялось на основе совместной оценки двух выбранных компонентов.

§ 2. Анализ структурных и институциональных факторов Уругвая

Рассматривая выбранные социокультурные факторы для кейса Уругвая, показатели выглядят следующим образом:

1. *Индекс институционального доверия* ***(CONF)***. [0] – если показатель меньше 35%, [1] – если показатель больше или равен 35%:

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**Индекс институционального доверия**	**Значение фактора**
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	33.1	0
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	33.37	0
1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	38.92	1
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	32.8	0
2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	52.24	1

2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	40.37	1
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	33.94	0
2020-2025	Л. Лакалье Поу (Бланко)	37.71	1

2. *Индекс уровня расслоения общества* ***(EQUAL)***. [0] – если значение ≥ 45%, [1] – если меньше.

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**Индекс уровня расслоения общества**	**Значение фактора**
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	40,5	1
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	42,2	1
1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	43,2	1
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	45,3	0
2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	46,34	0
2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	40,56	1
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	39,76	1
2020-2025	Л. Лакалье Поу (Бланко)	40,5	1

Рассматривая выбранные институциональные факторы для кейса Уругвая, показатели выглядят следующим образом:

1. *Поддержка партии президента в парламенте (%)* ***(PSUP)***. [0] – если партия президента занимает более половины мест в парламенте, [1] – если поддержка президентский партии составляет от 33,3% до 50%:

Срок	Президент / партийная коалиция	% мест у фракции Президента	Значение фактора
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	66	0
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	44	1
1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	48	1
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	32	1
2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	13	1
2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	41	1
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	10	1
2020-2025	Л. Лакалье Поу (Бланко)	53	0

2. *Назначение на министерские посты политиков вне правящей партийной коалиции* ***(PERCENT).*** [0] – если доля распределения министерских портфелей для представителей оппозиционных партий или независимых политиков меньше 10%, [1] – если доля распределения министерских портфелей для представителей оппозиционных партий или независимых политиков ≥ 10%:

Срок	Президент / партийная коалиция	Количество ведомств	Министры вне коалиции	Доля от всех министров	Значение фактора
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	13	2	15,4	1
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	13	0	0	0
1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	13	0	0	0
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	13	1	7,7	0
2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	13	1	7,7	0
2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	13	0	0	0
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	13	0	0	0
2020-2025	Л. Лакалье Поу (Бланко)	14	2	14,3	1

3. *Фиксированный срок полномочий – попытка импичмента или смещения* ***(OUST).*** За рассматриваемый период вопрос о досрочном прекращении президентских полномочий какой-либо из действующих администраций не ставился:

Срок	Президент / партийная коалиция	Попытка импичмента	Значение фактора
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	Нет	1
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	Нет	1

1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	Нет	1
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	Нет	1
2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	Нет	1
2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	Нет	1
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	Нет	1
2020-2025	Л. Лакалье Поу (Бланко)	Нет	1

4. *Доминирование президентской законодательной повестки* ***(MAJOR)*****.** Значение показателя было высчитано на основании приведённой выше статистики кафедры политической науки Факультета социальных наук Университета Республики относительно процентного соотношения инициированных партией президента законопроектов ко всем принятым законам:

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**% принятых законопроектов, инициированных партией президента**	**Значение фактора**
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	52,78%	1
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	73,53%	0
1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	43,39%	1
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	53,1%	0

2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	70,72%	0
2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	68,9%	0
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	72,67%	0
2020-2025	Л. Лакалье Поу (Бланко)	66,47%	1

5. *Коалиционно ориентированный стиль президентского лидерства* ***(LEADER).*** [0] – президент склонен принимать решения единолично, вразрез с позицией своей партии и коалиции; [1] – решения президента в подавляющем большинстве отражают линию его партии и сформированной коалиции:

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**Значение фактора**
1985-1990	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	1
1990-1995	Л. А. Лакалье (Бланко)	0
1995-2000	Х. М. Сангинетти (Колорадо)	1
2000-2005	Х. Батлье (Колорадо)	0
2005-2010	Т. Васкес (Широкий Фронт)	1

2010-2015	Х. Мухика (Широкий Фронт)	1
2015-2020	Т. Васкес (Широкий Фронт)	1
2020-2025	Л. Лакалье Поу (Бланко)	0

§ 3. Анализ структурных и институциональных факторов Чили

Что касается анализа рассматриваемых социокультурных факторов, полученные результаты приведены ниже:

1. *Индекс институционального доверия* ***(CONF)***. [0] – если показатель меньше 35%, [1] – если показатель больше или равен 35%:

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**Индекс институционального доверия**	**Значение фактора**
1990-1994	П. Айлвин (Консертасьон)	56.58	1
1994-1997	Э. Фрей (Консертасьон)	42.61	1
1994-2000	Э. Фрей (Консертасьон)	33.44	0
2000-2006	Р. Лагос (Консертасьон)	32.05	0
2006-2010	М. Бачелет (Консертасьон)	36.05	1
2010-2014	С. Пиньера (Коалиция за изменение)	25.8	0
2014-2018	М. Бачелет (Новое большинство)	21.52	0
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	13.3	0

2. *Индекс уровня расслоения общества* ***(EQUAL)***. [0] – если значение ≥ 45%, [1] – если меньше:

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**Индекс уровня расслоения общества**	**Значение фактора**
1990-1994	П. Айлвин (Консертасьон)	56,13	0
1994-1997	Э. Фрей (Консертасьон)	56,4	0
1994-2000	Э. Фрей (Консертасьон)	56,13	0
2000-2006	Р. Лагос (Консертасьон)	54,25	0
2006-2010	М. Бачелет (Консертасьон)	47,55	0
2010-2014	С. Пиньера (Коалиция за изменение)	46,9	0
2014-2018	М. Бачелет (Новое большинство)	44.40	1
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	44.90	1

Что касается анализа рассматриваемых институциональных факторов, полученные результаты приведены ниже:

1. *Поддержка партии президента в парламенте (%)* ***(PSUP).*** [0] – если партия президента занимает более половины мест в парламенте, [1] – если поддержка президентский партии составляет от 33,3% до 50%:

Срок	Президент / партийная коалиция	% мест у партии президента	Значение фактора
1989-1993	П. Айлвин (Консертасьон)	58,17	0
1993-1997	Э. Фрей (Консертасьон)	47,34	1
1997-2001	Э. Фрей (Консертасьон)	79,1	0
2001-2005	Р. Лагос (Консертасьон)	25,39	1
2005-2009	М. Бачелет (Консертасьон)	22,12	1
2009-2013	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	38	1
2013-2018	М. Бачелет (Консертасьон)	27,28	1
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	0	0

2. *Назначение на министерские посты политиков вне правящей партийной коалиции* ***(PERCENT).*** [0] – если доля распределения министерских портфелей для представителей оппозиционных партий или независимых политиков меньше 10%, [1] – если доля распределения министерских портфелей для представителей оппозиционных партий или независимых политиков ≥ 10%:

Срок	Президент / партийная коалиция	Количество ведомств	Министры вне коалиции	Доля от всех министров	Значение фактора
1990-1994	П. Айлвин (Консертасьон)	18	1	5,6	0
1994-1997	Э. Фрей (Консертасьон)	18	3	16,7	1
1994-2000	Э. Фрей (Консертасьон)	18	1	5,6	0
2000-2006	Р. Лагос (Консертасьон)	18	3	16,7	1
2006-2010	М. Бачелет (Консертасьон)	18	4	22,2	1
2010-2014	С. Пиньера (Коалиция за изменение)	19	14	73,7	1
2014-2018	М. Бачелет (Новое большинство)	23	5	21,7	1
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	23	11	47,8	1

3. *Фиксированный срок полномочий – попытка импичмента или смещения* ***(OUST).*** За рассматриваемый период вопрос о досрочном прекращении президентских полномочий какой-либо из действующих администраций не ставился:

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**Попытка смещения**	**Значение фактора**
1989-1993	П. Айлвин (Консертасьон)	Нет	1
1993-2001	Э. Фрей (Консертасьон)	Нет	1
2001-2005	Р. Лагос (Консертасьон)	Нет	1
2005-2009	М. Бачелет (Консертасьон)	Нет	1
2009-2013	С. Пиньера (Коалиция за изменение)	Нет	1
2013-2018	М. Бачелет (Новое большинство)	Нет	1
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	Да	0

4. *Доминирование президентской законодательной повестки* ***(MAJOR).*** Значение фактора было высчитано на основании упоминавшихся выше собранных чилийскими исследователями Н. Мимики и П. Навии данными за 1990-2018 гг. относительно пропорционального соотношения одобренных

законопроектов, инициированных как парламентом, так и президентом. Эмпирические результаты показывают, что несмотря на широкие полномочия Национального конгресса Чили в области законодательной повестки, 66,4% принятых законов были предложены главами государства:

Срок	**Президент / партийная коалиция**	**% принятых законопроектов, инициированных партией президента**	**Значение фактора**
1990-1994	П. Айлвин (Консертасьон)	88,8	0
1994-1997	Э. Фрей (Консертасьон)	69,4	0
1994-2000	Э. Фрей (Консертасьон)	69,4	0
2000-2006	Р. Лагос (Консертасьон)	64,5	1
2006-2010	М. Бачелет (Консертасьон)	61	1
2010-2014	С. Пиньера (Коалиция за изменение)	62,7	1
2014-2018	М. Бачелет (Новое большинство)	52,2	1
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	36,3	1

5. *Коалиционно ориентированный стиль президентского лидерства* ***(LEADER).*** [0] – президент склонен принимать решения единолично, вразрез с позицией своей партии и коалиции; [1] – решения президента в подавляющем большинстве отражают линию его партии и сформированной коалиции:

Срок	Президент / партийная коалиция	Значение фактора
1990-1994	П. Айлвин (Консертасьон)	1
1994-2000	Э. Фрей (Консертасьон)	1
2000-2006	Р. Лагос (Консертасьон)	1
2006-2010	М. Бачелет (Консертасьон)	1
2010-2014	С. Пиньера (Коалиция за изменение)	0
2014-2018	М. Бачелет (Новое большинство)	1
2018-2022	С. Пиньера (Чили, вперёд!)	0

§ 4. Результаты качественного сравнительного анализа

На основе проведённой операционализации выбранных социокультурных и институциональных факторов получилось шестнадцать индивидуальных конфигураций. В этой связи для получения более репрезентативной выборки допустимых конфигураций выбранных показателей, которые влияют на устойчивость партийных коалиций в рассматриваемых странах была проведена калибровка границ индексов в соответствии с иерархической кластеризацией, где в качестве меры

удалённости используется евклидово расстояние. Факторы и их обновлённые границы представлены ниже:

- *Индекс институционального доверия* ***(CONF)*** *– 29*
- *Индекс уровня расслоения общества* ***(EQUAL)*** *– 50*
- *Доминирование президентской законодательной повестки* ***(MAJOR) –*** *57*
- *Назначение на министерские посты политиков вне правящей партийной коалиции* ***(PERCENT)*** *– 35*
- *Поддержка партии президента в парламенте* ***(PSUP)*** *– 50*

Итоговые результаты КСА в соответствии с калибровкой значений указанных выше факторов приведены в таблице истинности (Рисунок 1):

	President	**oust**	**LEADER**	**major2**	**percent2**	**Psup2**	**Equal2**	**Conf2**	**Outcome**
1	Aylwin	1	1	1	0	1	1	1	**0**
2	Frei1	1	1	1	0	0	1	1	**1**
3	Frei2	1	1	1	0	1	1	1	**0**
4	Lagos	1	1	1	0	0	1	1	**1**
5	Bachelet1	1	1	1	0	0	0	1	**1**
6	Piñera1	1	0	1	1	0	0	0	**1**
7	Bachelet2	1	1	0	0	0	0	0	**1**
8	Piñera2	0	0	0	1	0	0	0	**0**
9	Sanguinetti1	1	1	0	0	1	0	1	**1**
10	Lacalle	1	0	1	0	0	0	1	**0**
11	Sanguinetti2	1	1	0	0	0	0	1	**1**
12	Batlle	1	0	0	0	0	0	1	**0**
13	Vázquez1	1	1	1	0	0	0	1	**1**
14	Mujica	1	1	1	0	0	0	1	**1**
15	Vázquez2	1	1	1	0	0	0	1	**1**
16	Lacalle Pou	1	0	1	0	1	0	1	**1**

Таблица истинности результатов КСА

На основе минимизации полученной таблицы истинности изучаемых факторов были выведены 5 конфигураций, которые приводят к устойчивости партийных коалиций в Уругвае и Чили (Outcome 1):

	Конфигурация	inclS	PRI	covS	covU	cases
1	~major2*~percent2*~Psup2*~Equal2*LEADER*oust	1.000	1.000	0.182	0.091	7; 11
2	~major2*~percent2*~Equal2*Conf2*LEADER*oust	1.000	1.000	0.182	0.091	9; 11
3	major2*~percent2*~Psup2*Conf2*LEADER*oust	1.000	1.000	0.545	0.545	5, 13, 14, 15; 2, 4
4	major2*~percent2*Psup2*~Equal2*Conf2*~LEADER*oust	1.000	1.000	0.091	0.091	16
5	major2*percent2*~Psup2*~Equal2*~Conf2*~LEADER*oust	1.000	1.000	0.091	0.091	6
	M1	1.000	1.000	1.000		

Минимизация таблицы истинности для Outcome 1

Полученные комбинации можно записать так:

1. **Наблюдения для *Бачелет 2; Сангинетти 2* (модель 1):**
   ~MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~PSUP2 * ~EQUAL2 * LEADER * OUST → OUTCOME1
2. **Наблюдения для *Сангинетти 2; Сангинетти 1* (модель 2):**
   ~MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~EQUAL2 * Conf2 * LEADER * OUST → OUTCOME1
3. **Наблюдения для *Бачелет 1; Васкес 1; Мухика; Васкес 2; Фрей 1; Лагос* (модель 3):**
   MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~PSUP2 * Conf2 * LEADER * OUST → OUTCOME1
4. **Наблюдение для *Лакалье Поу* (модель 4):**
   MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~PSUP2 * EQUAL2 * Conf2 * ~LEADER * OUST → OUTCOME1
5. **Наблюдение для *Пиньера 1* (модель 5):**
   MAJOR2 * PERCENT2 * ~PSUP2 * ~EQUAL2 * ~Conf2 * ~LEADER * OUST → OUTCOME1

Анализ таблицы минимизации истинности показывает, что все выявленные конфигурации обладают максимальной консистентностью и в каждом случае ведут именно к стабильности партийных коалиций (Incls = 1.000), не демонстрируя противоречий в направленности связи с результатом (PRI = 1.000). Вместе с тем

показатели общего и уникального покрытия (covS и covU) указывают на различия в эмпирической значимости полученных решений. В частности, конфигурация 3 (наблюдения для *Бачелет 1, Васкес 1, Мухика, Васкес 2, Фрей 1, Лагос)* охватывает более половины случаев, в которых сочетание отобранных факторов сопровождается устойчивостью коалиций (0.545).

В результате минимизации таблицы истинности выделены три конфигурации, обеспечивающие устойчивость партийных коалиций в Уругвае и Чили (Outcome 0):

	Конфигурация	**inclS**	**PRI**	**covS**	**covU**	**cases**
1	oust*~LEADER*~percent2*~Psup2*~Equal2*Conf2	1.000	1.000	0.400	0.400	12; 10
2	oust*LEADER*major2*~percent2* Psup2*Equal2*Conf2	1.000	1.000	0.400	0.400	1; 3
3	~oust*~LEADER*~major2*percent2*~Psup2*~Equal2*~Conf2	1.000	1.000	0.200	0.200	8
	M1	1.000	1.000	1.000		

Минимизация таблицы истинности для Outcome 0

Полученные комбинации выглядят следующим образом:

1. ***Наблюдения для Батлье; Лакалье:***

   Oust * ~LEADER * ~percent2 * ~Psup2 * ~Equal2 * Conf2 → OUTCOME 0

2. ***Наблюдения для Айлвин; Фрей 2:***

   Oust * LEADER * major2 * ~percent2 * Psup2 * Equal2 * Conf2 → OUTCOME 0

3. ***Наблюдения для Пиньера 2:***

   ~Oust * ~LEADER * ~major2 * percent2 * ~Psup2 * ~Equal2 * ~Conf2 → OUTCOME 0

Минимизация таблицы истинности показывает, что все выделенные конфигурации демонстрируют полную согласованность по достаточности и не содержат противоречивых наблюдений, что отражено в показателях Incls = 1.000 и PRI = 1.000. В то же время значения общего и уникального покрытия указывают, что 40%

изучаемых случаев, а именно сроки Батлье, Лакалье, Айлвин и Фрей 2, не завершаются устойчивостью партийных коалиций при использованной калибровке.

Для более наглядного понимания результатов конфигураций, которые приводят к устойчивости партийных коалиций в Уругвае и Чили (OUTCOME 1), автор видит целесообразным отразить проанализированные наблюдения на двумерной диаграмме. По оси X зафиксирован уровень соответствия каждого случая выделенной конфигурации, а по оси Y указан эмпирический исход (OUTCOME 0 или 1).

Квадрантная интерпретация диаграммы даёт чёткое эмпирическое разделение случаев:

- (x = 1, y = 1) соответствует *типичным* случаям, которые наиболее важны для подтверждения модели (правый верхний угол);
- (x = 1, y = 0) соответствует *девиантным* случаям, нарушающим ожидаемую логику модели и требующим отдельного разбора;
- (x = 0, y = 1) соответствует другим казусам, где имеются позитивные исходы, но причинная конфигурация иная;
- (x = 0, y = 0) соответствует случаям, которые не участвуют в объяснении, то есть ни причины, ни следствия, предусмотренные моделью, в них не проявляются.

Были выбраны три из пяти описанных выше комбинаций с наибольшим количеством наблюдений.

Диаграмма 1 отражает модель 3 – **наблюдения для *Бачелет 1; Васкес 1; Мухика; Васкес 2; Фрей 1; Лагос:*** MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~PSUP2 * Conf2 * LEADER * OUST → OUTCOME1

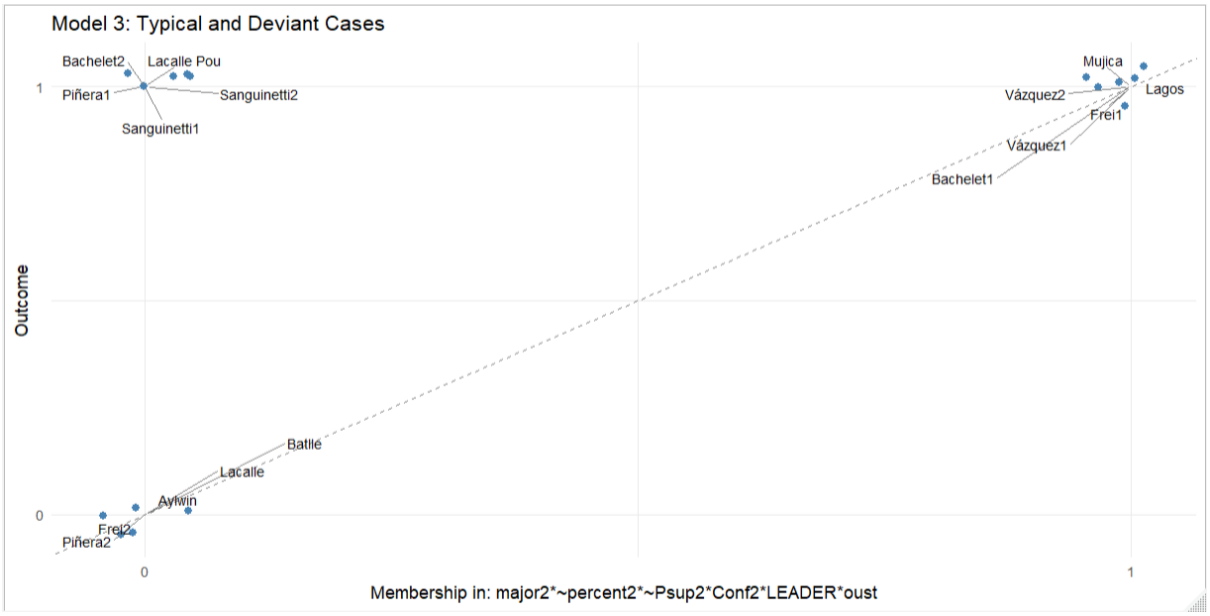

Диаграмма 1 – OUTCOME 1 для модели 3

Диаграмма 2 отражает модель 2 – **наблюдения для *Сангинетти 2; Сангинетти 1:*** ~MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~EQUAL2 * Conf2 * LEADER * OUST → OUTCOME1

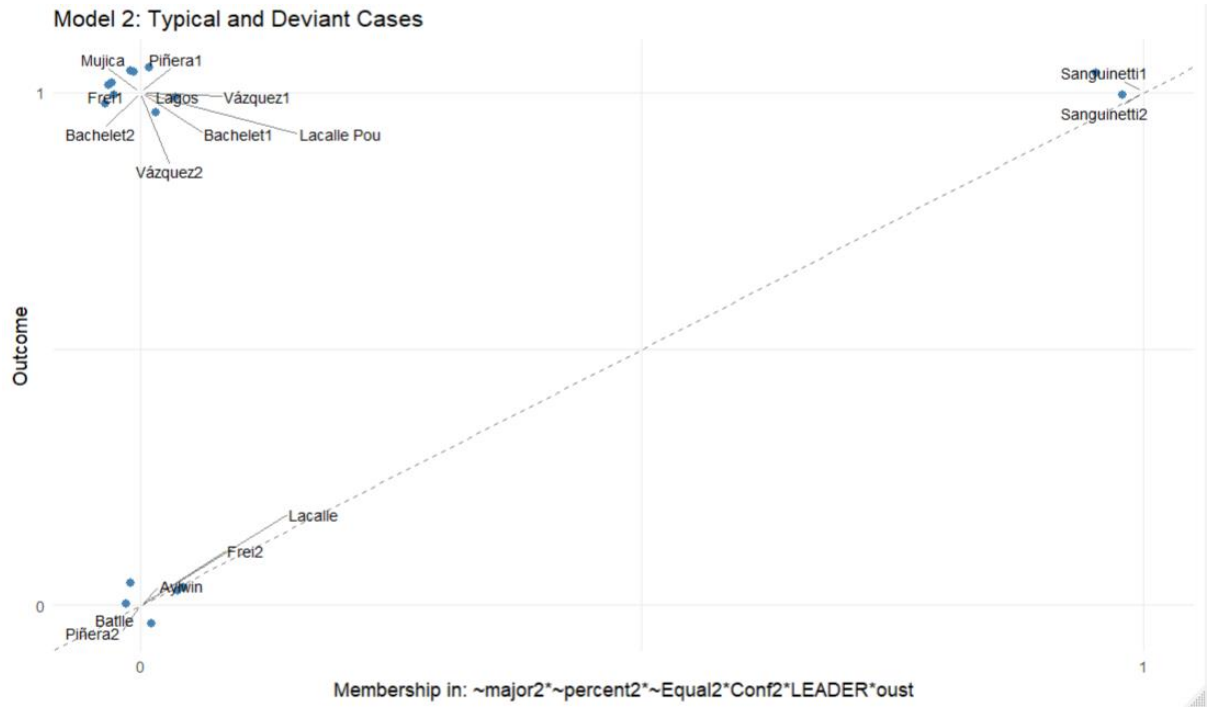

Диаграмма 2 – OUTCOME 1 для модели 2

Диаграмма 3 отражает модель 1 – **наблюдения для *Бачелет 2; Сангинетти 2*:** ~MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~PSUP2 * ~EQUAL2 * LEADER * OUST → OUTCOME1

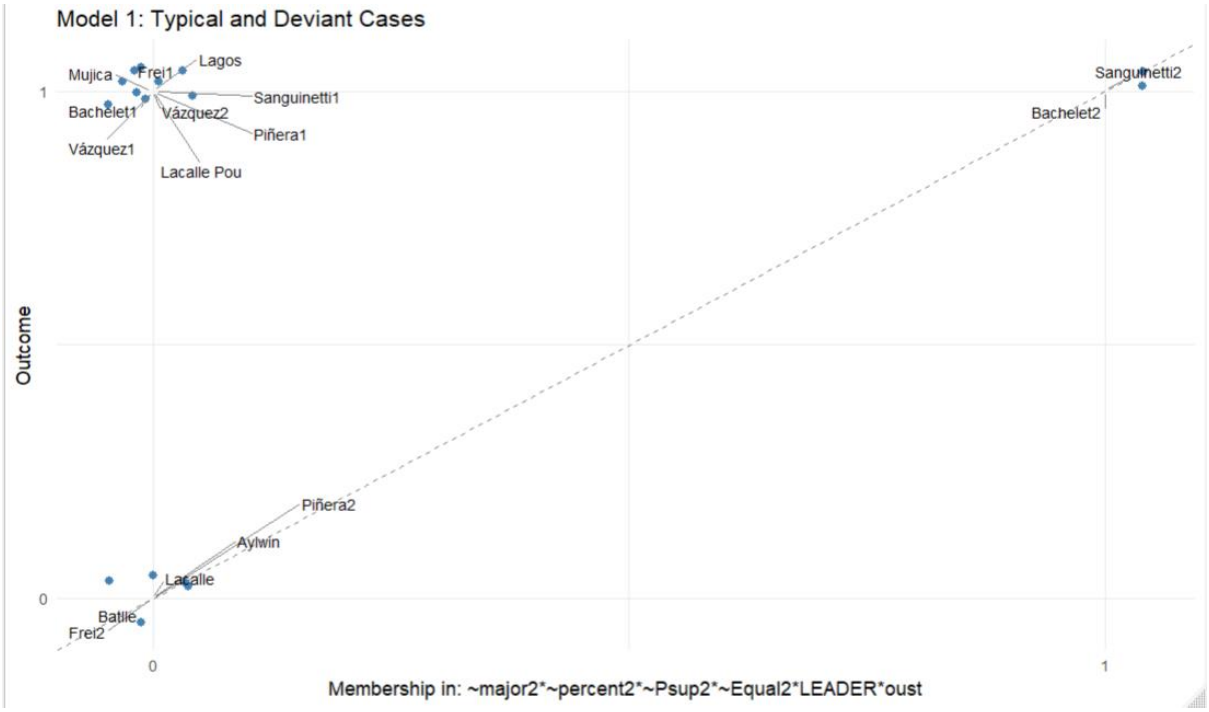

Диаграмма 3 – OUTCOME 1 для модели 1

В целом три представленные выше диаграммы подтверждают валидность полученных конфигураций для наблюдений, в которых комбинация изучаемых факторов приводит к устойчивости партийных коалиций в Уругвае и Чили.

В целях уточнения устойчивых причинных путей и проверки стабильности результатов была проведена дополнительная минимизация таблицы истинности, в ходе которой выделены субконфигурации, объясняющие коалиционную стабильность в рассматриваемых странах. Таблица минимизации с полученными субконфигурациями выглядит следующим образом:

M1: major2*percent2*oust + ~Psup2*LEADER*oust + major2*Psup2*~Equal2*Conf2*oust + ~percent2*~Equal2*Conf2*LEADER*oust <-> Outcome

	Конфигурация	**inclS**	**PRI**	**covS**	**covU**	**cases**
1	major2*percent2*oust	1.000	1.000	0.091	0.091	6
2	~Psup2*LEADER*oust	1.000	1.000	0.727	0.273	7; 11; 5, 13, 14, 15; 2, 4
3	major2*Psup2*~Equal2*Conf2*oust	1.000	1.000	0.091	0.091	16
4	~percent2*~Equal2*Conf2*LEADER*oust	1.000	1.000	0.545	0.091	11; 9; 5, 13, 14, 15
	M1	1.000	1.000	1.000		

M1: ~Psup2*LEADER*oust + major2*percent2*~Conf2*oust + major2*Psup2*~Equal2*Conf2*oust + ~percent2*~Equal2*Conf2*LEADER*oust <-> Outcome

	Конфигурация	**inclS**	**PRI**	**covS**	**covU**	**cases**
1	~Psup2*LEADER*oust	1.000	1.000	0.727	0.273	7; 11; 5, 13, 14, 15; 2, 4
2	major2*percent2*~Conf2*oust	1.000	1.000	0.091	0.091	6
3	major2*Psup2*~Equal2*Conf2*oust	1.000	1.000	0.091	0.091	16
4	~percent2*~Equal2*Conf2*LEADER*oust	1.000	1.000	0.545	0.091	11; 9; 5, 13, 14, 15
	M1	1.000	1.000	1.000		

Минимизация таблицы истинности с субконфигурациями для Outcome 1

Полученные комбинации выглядят следующим образом:

1. ***Наблюдения для Пиньера 1:***

   major2 * percent2 * oust → OUTCOME 1

2. ***Наблюдения для Бачелет 2; Сангинетти 2; Бачелет 1; Васкес 1; Мухика; Васкес 2; Фрей 1; Лагос:***

   ~Psup2 * LEADER * oust → OUTCOME 1

3. ***Наблюдения для Лакалье Поу:***

   major2 * Psup2 * ~Equal2 * Conf2 * oust → OUTCOME 1

4. ***Наблюдения для Сангинетти 2; Сангинетти 1; Бачелет 1; Васкес 1; Мухика; Васкес 2:***

~percent2 * ~Equal2 * Conf2 * LEADER * oust → OUTCOME 1

Более компактные субконфигурации, которые регулярно выступают в роли достаточных путей к Outcome 1 и показывают, какие элементы являются ключевыми, а какие выполняют компенсирующую функцию, представлены в таблице ниже:

Модель	**Формула**
M1	~Psup2*LEADER + Psup2*~Equal2 + (major2*percent2) <-> Outcome
M2	~Psup2*LEADER + Psup2*~Equal2 + (major2*~Conf2) <-> Outcome
M3	~Psup2*LEADER + Psup2*~Equal2 + (percent2*oust) <-> Outcome
M4	~Psup2*LEADER + Psup2*~Equal2 + (~Conf2*oust) <-> Outcome

	Конфигурация	**inclS**	**PRI**	**covS**	**covU**	**(M1)**	**(M2)**	**(M3)**	**(M4)**	**cases**
1	~Psup2*LEADER	1.000	1.000	0.727	0.636	0.727	0.727	0.727	0.636	7; 11; 5, 13, 14, 15; 2, 4
2	Psup2*~Equal2	1.000	1.000	0.182	0.182	0.182	0.182	0.182	0.182	9; 16
3	major2*percent2	1.000	1.000	0.091	0.000	0.091				6
4	major2*~Conf2	1.000	1.000	0.091	0.000		0.091			6
5	percent2*oust	1.000	1.000	0.091	0.000			0.091		6
6	~Conf2*oust	1.000	1.000	0.182	0.000				0.091	7; 6

M1	1.000	1.000	1.000
M2	1.000	1.000	1.000
M3	1.000	1.000	1.000
M4	1.000	1.000	1.000

Минимизация таблицы истинности с более компактными субконфигурациями для Outcome 1

Полученные комбинации записываются следующим образом:

1. ***Наблюдения для Бачелет 2; Сангинетти 2; Бачелет 1; Васкес 1; Мухика; Васкес 2; Фрей 1; Лагос:***

   ~Psup2 * LEADER → OUTCOME 1

2. ***Наблюдения для Сангинетти 1; Лакалье Поу:***

   Psup2 * ~Equal2 → OUTCOME 1

В целом результаты булевой минимизации таблицы истинности в рамках проведения качественного сравнительного анализа показали, что устойчивость партийных коалиций достигается несколькими воспроизводимыми путями при общем фоне отсутствия угрозы досрочного смещения глав государств в Уругвае и Чили. Единственным условием, присутствующим во всех пяти конфигурациях Outcome 1, является отсутствие попытки досрочного смещения главы государства (OUST). Остальные условия, связанные с характером президентского лидерства, институциональным доверием, парламентской поддержкой президентской партии, составом кабинета, уровнем социального расслоения и доминированием президентской законодательной повестки, приобретают значение в различных сочетаниях, что соответствует принципу эквифинальности качественного сравнительного анализа. Отдельно следует отметить конфигурацию, соответствующую первому президентскому сроку С. Пиньеры (2010-2014), которая образует специфический для одного наблюдения путь к Outcome 1 и дополняет более воспроизводимые конфигурации, выявленные для остальных случаев. В заключение стоит подчеркнуть, что КСА показывает не необходимые условия устойчивости партийных коалиций, а достаточные конфигурации для поддержания их стабильности в исследуемых наблюдениях.

§ 5. Интерпретация выявленных конфигураций устойчивости партийных коалиций

Для комплексного понимания того, как в действительности влияют выбранные факторы на устойчивость партийных коалиций, видится целесообразным провести качественное описание рассмотренных казусов. В качестве примера выбраны три описываемые выше модели с результатом Outcome 1.

Так, **модель 3**, включающая наблюдения для *Бачелет 1; Васкес 1; Мухика; Васкес 2; Фрей 1; Лагос* (MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~PSUP2 * Conf2 * LEADER *

OUST → OUTCOME1) фиксирует ситуацию, в которой высокая законодательная инициатива исполнительной власти (MAJOR2) в сочетании с отсутствием практики включения в состав коалиции министров оппозиционных партий (~PERCENT2), низкой формальной парламентской поддержкой главы президента (~PSUP2), высоким уровне институционального доверия (CONF), коалиционно ориентированного стиля президентского лидерства (LEADER) и отсутствием попыток импичмента или смещения (OUST) приводит к устойчивости партийных коалиций (OUTCOME1).

В более конкретном приближении каждое из наблюдений **модели 3** можно описать следующим образом:

1. Васкес 1 (2005-2010)

Первый срок уругвайского президента Т. Васкеса (Социалистическая партия) проводился в рамках левоцентристской коалиции «Широкий Фронт» и сопровождался выраженной инициативой исполнительной власти в социальной политике, прежде всего в области здравоохранения и контроля над табаком. Руководство администрации приняло ряд конкретных мер, в том числе президентский декрет по всеобщему запрету курения в закрытых общественных пространствах, введённый в действие с 1 марта 2006 г., а позднее закреплённый законом № 18.256 о контроле над табаком, что стало важным элементом профильной программы правительства и устойчивым индикатором законодательной активности исполнительной ветви. Кабинет формировался главным образом из кадров коалиционного ядра. В условиях ограниченной или фрагментированной формальной парламентской поддержки ряда отдельных инициатив высокий индекс институционального доверия позволил администрации переводить ряд конфликтных эпизодов в процедуру переговоров и технократического согласования, что уменьшало риски эскалации и способствовало прохождению реформ. Сочетание активной законотворческой повестки, ограниченной практики включения оппозиционных министров, коалиционно ориентированный стиль лидерства главы государства и прецедентов смещения Т. Васкеса создало воспроизводимую конфигурацию

факторов, объясняющую эмпирически зафиксированную устойчивость коалиционных связей в рассматриваемый период.

2. Мухика (2010-2015)

Мандат уругвайского президента Х. Мухики проводился также под эгидой коалиции «Широкий Фронт». Сам он представлял внутренний политический блок «Движение народного участия», что определило преемственный характер кадровых и программных решений администрации. В этот период исполнительная власть демонстрировала интенсивную законотворческую активность, наиболее заметным проявлением которой стало принятие и подписание в декабре 2013 г. закона № 19.172 о регулировании рынка каннабиса, а также реализация других крупных реформ в социальной сфере. Кадровая политика опиралась главным образом на внутрипартийные ресурсы коалиции и не предусматривала системного включения оппозиционных министров, что сужало пространство для межфракционных соглашений. В условиях, когда кадровая политика не включала широкого привлечения оппозиции, институциональное доверие и акцент на технократических процедурах способствовали переводу конфликтных повесток в переговорную плоскость. В данном контексте опора президента на внутрипартийные и внутрикоалиционные механизмы согласования при отсутствии процедурных угроз его мандату способствовала переводу конфликтных вопросов в переговорную плоскость и поддержанию устойчивости коалиции в период проведения спорных реформ.

3. Васкес 2 (2015-2020)

Во второй каденции Т. Васкес также ориентировался на поддержку входящих в «Широкий Фронт» партий и движений во внутриполитических инициативах в области общественного здравоохранения и социальной политики. Речь идёт, прежде всего, о Национальном плане по системе ухода и заботы (Plan Nacional de Cuidados) в рамках Закона № 19.353 и сопутствующих мерах в 2016-2020 гг., что укрепило социальную политику и институциональные механизмы адресной поддержки уязвимых групп. В

сфере общественного здравоохранения наблюдалось устойчивое внимание к проблеме онкологии и к национальному планированию контроля над раком. В экономической и инвестиционной области администрация внедрила пакет мер по стимулированию инвестиционных проектов и социального строительства, включая налоговые стимулы для крупных проектов и преференции в рамках режима поощрения инвестиций. Эти инициативы сопровождались преобладающим привлечением кадров из числа партнёров по коалиции и отсутствием системной практики назначения министров из оппозиции, что делало прохождение повестки зависимым от внутрипартийного согласования. В целом результатом стабильности коалиции «Широкий Фронт» во второй президентский срок Т. Васкеса проистекал из совокупности тех же факторов, которые сложились в период его первого мандата.

4. Фрей 1 (1994-2000)

Выдвинутый от Христианско-демократической партии в составе коалиции Concertación, чилийский президент Э. Фрей в период своего президентского срока проводил целенаправленную исполнительную политику, ориентированную на экономическую модернизацию и развитие инфраструктуры. Администрация системно расширяла практику концессий в транспортной сфере, в том числе по дорогам, портам и аэропортам, инициировала реформы в области управления государственным сектором и образования и последовательно формировала внешнеэкономическую стратегию через снижение тарифных барьеров и меры по стимулированию экспорта. Институциональная стабильность законодательной и исполнительной ветвей власти в сочетании с опорой президента на коалиционные механизмы согласования создавала условия для перевода возникавших противоречий в управляемый переговорный формат, что способствовало сохранению коалиционной сплочённости.

5. Лагос (2000-2006)

Избранный от Партии за демократию, входящую в коалицию Concertación, Р. Лагос реализовал комплекс программ, которые существенно формировали

предметную повестку исполнительной власти. Ключевые инициативы включали, главным образом, внедрение гарантированной системы медицинских услуг AUGE[443], в рамках которой чилийским гражданам предоставлялся доступ к высококачественным медицинским услугам при обеспечении гарантий финансовой защиты пациентов от чрезмерных личных расходов. В числе прочих внутриполитических вех – подписание серии соглашений о свободной торговле, в том числе с крупными экономическими партнёрами (США, Китай, Корея), и модернизация концессионного режима для дорог и портовой инфраструктуры с целью ускорения притока частных инвестиций. Параллельно проводились меры по укреплению регулятивных и антикоррупционных механизмов и шаги в области преодоления наследия нарушений прав человека через официальные комиссии и компенсаторные программы. Эти предметные проекты исходили преимущественно от исполнительной власти и требовали интенсивной внутрипартийной координации внутри коалиции Concertación ввиду отсутствия системной практики регулярного включения оппозиционных министров. Основным залогом успешного сохранения законодательной и правительственной коалиции в период президентства Р. Лагоса можно считать успешную технократическую реализацию предвыборных программ при высоком общественном доверии к государственным институтам и отсутствии политических кризисов.

6. Бачелет 1 (2006-2010)

В период своего первого президентства М. Бачелет, представлявшая Социалистическую партию Чили в составе Concertación, сосредоточила исполнительную повестку на расширении системы социальной защиты и институционализации мер раннего детства. Центральным элементом политики стала программа Chile Crece Contigo («Чили растёт с тобой»), предусматривавшая набор конкретных социальных услуг для детей и их семей, регулярные проверки состояния

[443] Acceso Universal con Garantías Explícitas» (Универсальный доступ с расширенными гарантиями в сфере здравоохранения) – *прим. автора*.

здоровья и развития детей, а также скоординированную работу нескольких ведомств по поддержанию высокого уровня здоровья детей. Параллельно вводились расширенные выплаты нуждающимся семьям и меры по продвижению гендерного равенства. Каждая из этих мер обладала чёткой процедурной последовательностью и измеримыми индикаторами выполнения, что облегчало их имплементацию и мониторинг реализации. В совокупности предметно оформленная социальная повестка, поддерживаемая правящей коалицией, и понятные институциональные механизмы её выполнения снижали риск публичного недовольства в отношении правительства М. Бачелет способствовали воспроизводимой стабильности коалиционного взаимодействия.

Модель 2 (Наблюдения для *Сангинетти 2; Сангинетти 1:* ~MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~EQUAL2 * Conf2 * LEADER * OUST → OUTCOME 1) показывает, что низкая выраженность мажоритаризма (~MAJOR2) отсутствие механизма делегирования портфелей политических акторов вне коалиционного блока (~percent2), высокий уровень социального неравенства (~EQUAL) при одновременном наличии коалиционно ориентированного стиля президентского лидерства (LEADER), высоком доверии гражданского общества к институтам (Conf2) и стабильный срок полномочий главы государства (OUST) также служат основанием устойчивость коалиций (OUTCOME 1).

В более детальном виде качественные результаты **модели 2** можно описать так:

1. Сангинетти 1 (1985-1900)

В период первого президентства Х. М. Сангинетти, избранного после восстановления демократии в Уругвае от фракции “Batllismo Unido”, входящую в партию Колорадо, центральной задачей исполнительной власти была институциональная стабилизация политической системы после авторитарного периода в стране. Администрация Сангинетти была сосредоточена на восстановлении нормального функционирования выборных институтов, возвращении гражданско-партийной конкуренции в конституционное русло, нормализации отношений между

ветвями власти и обеспечении управляемого перехода к демократическому порядку. Одновременно кабинет проводил курс на умеренную макроэкономическую стабилизацию, сочетавшую реактивацию производства, постепенное восстановление доходов и снижение социальной конфликтности, а также продвигал режимы стимулирования инвестиционной активности через законодательство о зонах свободной торговли и развитии лесного хозяйства. При этом правительственная линия строилась на логике удержания центра принятия решений внутри традиционных партийных структур и переговорных каналов между ключевыми акторами системы. В результате администрация Сангинетти смогла представить себя не только как переходное правительство, завершившее демонтаж авторитарного наследия, но и как исполнительную власть, способную обеспечить управляемость, институциональную преемственность и предметно оформленную программу восстановления государства».

2. Сангинетти 2 (1995-2000)

Во второе президентство Х. М. Сангинетти, избранный от фракции “Foro Batllista” в составе партии Колорадо, опирался на предметно оформленную реформаторскую повестку, которая во многом обеспечивала устойчивость правящего блока. Её ключевыми направлениями стали пенсионная реформа 1995 г., заложившая смешанную систему социального обеспечения, образовательная реформа 1995-2000 гг., включавшая расширение дошкольного образования, развитие школ полного дня, преобразование базового среднего образования в рамках «Плана 1996»[444] и создание региональных центров подготовки преподавателей “CERP”[445], а также конституционная реформа 1996 г., изменившая институциональные параметры президентской и партийной конкуренции. Параллельно правительство Колорадо

[444] План 1996 – программа реформы базового среднего образования Уругвая, направленная на обновление учебных планов и организационной модели обучения в государственных лицеях. – *прим. автора.*

[445] CERP (Centros Regionales de Profesores**)** – региональные центры подготовки преподавателей, созданные в ходе образовательной реформы для расширения и децентрализации педагогического образования за пределами Монтевидео. – *прим. автора.*

осуществляло модернизацию экономико-административного блока, укрепляя механизмы торгового управления, защиты потребителей и продвижения экспорта и инвестиций. В совокупности это позволяло администрации Сангинетти сочетать коалиционную согласованность с реализацией содержательных институциональных преобразований, что снижало риск внутренних расколов и способствовало сохранению устойчивости правящего блока.

Наконец, из модели 1 (Наблюдения для *Бачелет 2; Сангинетти 2*: ~MAJOR2 * ~PERCENT2 * ~PSUP2 * ~EQUAL2 * LEADER * OUST → OUTCOME1) видно, что совокупность таких факторов, как слабая роль мажоритаризма (~MAJOR2), низкая доля наличия министерских портфелей представителей оппозиции (~PERCENT2), низкая парламентская поддержка президенткой партии (~PSUP2) в сочетании с относительным социальным равенством (EQUAL2), коалиционно ориентированным стилем лидерства главы государства (LEADER), а также отсутствием процедурных угроз его мандату (OUST) благоприятствует устойчивость коалиций (OUTCOME 1).

Наглядно оба наблюдения из **модели 1** можно описать в следующем ключе:

1. Бачелет 1 (2014-2018)

М. Бачелет, представлявшая Социалистическую партию Чили и в составе левоцентристской коалиции «Новое большинство» *(Nueva Mayoría)*, во втором президентском мандате сосредоточила исполнительную повестку на проведении крупномасштабных структурных реформ. Её программа изначально строилась вокруг трёх крупных направлений – образовательной, налоговой и конституционной реформ, – что придавало деятельности правительства последовательность в осуществлении заявленных институциональных и социальных реформ. Центральное место заняла налоговая реформа 2014 г., направленная на увеличение фискальных ресурсов для финансирования социальной повестки. В то же время администрация продвигала образовательный блок реформ, включавший закон об инклюзивном школьном образовании, устранявший прибыль, отбор учащихся и совместное финансирование в субсидируемом секторе, реформу профессиональной подготовки и повышения

квалификации преподавателей, а также создание новой системы государственного образования. Второй президентский срок М. Бачелет также ознаменовался проведением реформы в 2015 г. избирательной системы, которая заменила действующую с 1989 г. биноминальную модель более пропорциональным порядком представительства. В социально-правовой сфере добилось принятия закона о гражданском союзе и закона о декриминализации прерывания беременности по трём основаниям. Каждое из этих решений имело форму содержательных законодательных пакетов, что позволяло выстраивать коалиционную дисциплину вокруг заранее заявленных обязательств правительства. В результате устойчивость правящего блока обеспечивалась в значительной степени способностью Бачелет удерживать разнородную коалицию в рамках общей реформаторской повестки и переводить внутренние противоречия в управляемый формат переговоров.

2. Сангинетти 2 (1995-2000)

Второй президентский мандат Х. М. Сангинетти, также входящий в **модель 1** и подробно рассмотренный выше, во многом сопоставим со вторым сроком М. Бачелет. В обоих случаях проводились крупные избирательные реформы, затрагивавшие институциональные правила формирования исполнительной и законодательной власти, при одновременном внимании к социальной повестке. Как и в случае М. Бачелет, устойчивость правящего блока при Х. М. Сангинетти во многом определялась тем, что ограниченная опора президентской силы компенсировалась институционализированным коалиционно ориентированным лидерством главы государства, чётко оформленной реформаторской программой и отсутствием процедурных угроз его мандату.

Проведённый качественный сравнительный анализ выявил несколько конфигураций структурных и институциональных условий, соответствующих устойчивости партийных коалиций в Уругвае и Чили. Полученные результаты показывают, что один и тот же результат может достигаться при различном сочетании исследуемых факторов. Наряду с основными повторяющимися конфигурациями были

выявлены также модели, характерные лишь для некоторых президентских сроков. Последующая булевая минимизация таблицы истинности подтвердила, что значение отдельных условий меняется в зависимости от их сочетания и политического контекста конкретного президентского срока. Таким образом, результаты КСА наглядно демонстрируют, что устойчивость партийных коалиций в исследуемых странах сопряжена с различными сочетаниями операционализированных факторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании проведён комплексный анализ факторов, способствующих долгосрочной стабильности партийных коалиций в консолидированных президентских системах Уругвая и Чили с момента восстановления конкурентных выборных систем в этих странах. Автор предпринял попытку проанализировать слабо исследованную в современной политической науке взаимосвязь исторически прочных партийных коалиций с общей устойчивостью президентских республик, а также изучить процесс формирования партийных коалиций в таких политиях с точки зрения институтов, истории и социально-экономических переменных.

Ответ на поставленный исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом. Устойчивость партийных коалиций в консолидированных президентских системах Уругвая и Чили определяется сочетанием структурных и институциональных факторов. Структурный подход охватывает исторические и культурные предпосылки партийного развития, а также операционализировался через совокупный индекс институционального доверия и степень социально-экономического расслоения. Институциональное измерение включает характеристики взаимодействия президента, парламента и партий, выраженные через парламентскую поддержку президентской партии, состав кабинета, устойчивость президентского мандата, характер законодательного взаимодействия и стиль президентского лидерства.

Проведённый теоретический анализ показал, что коалиционирование в многопартийных президентских системах имеет собственную институциональную логику. Раздельное избрание президента и парламента, фиксированный срок президентских полномочий и отсутствие механизмов парламентской ответственности кабинета создают условия, при которых электоральная, кабинетная и законодательная поддержка главы государства могут различаться по составу и степени устойчивости.

При ограниченной парламентской опоре президентской партии реализация правительственной программы зависит от регулярного согласования позиций главы государства с его партией и другими парламентскими силами. Президент при этом выступает непосредственным участником коалиционного взаимодействия, используя кадровые полномочия, законодательную инициативу и возможности формирования политической повестки.

На основе качественного сравнительного анализа подтвердился конфигурационный характер устойчивости партийных коалиций. При первоначальной операционализации выявлено шестнадцать индивидуальных конфигураций. После калибровки показателей и булевой минимизации таблицы истинности были выделены пять достаточных конфигураций, связанных с устойчивостью коалиций (Outcome 1), и три конфигурации с противоположным результатом (Outcome 0). Положительные конфигурации показывают различное сочетание парламентской поддержки президентской партии, характера формирования кабинета, институционального доверия, социально-экономического расслоения, законодательного взаимодействия, президентского лидерства и устойчивости президентского мандата. Несмотря на устойчивую повторяемость отдельных условий в ряде конфигураций, ни одно из них не выступает в качестве необходимого самостоятельного фактора для объяснения полученного исследуемого результата.

Среди выявленных закономерностей особое значение имеет сочетание ограниченной парламентской поддержки президентской партии с институционализированным коалиционно ориентированным лидерством главы государства. Дополнительная минимизация показывает воспроизводимость данного сочетания условий в значительной части устойчивых президентских циклов. Отсутствие процедурной угрозы досрочного прекращения президентского мандата является характеристикой устойчивых конфигураций и формирует благоприятные условия для длительного коалиционного взаимодействия. Институциональное доверие, характер формирования кабинета, степень мажоритарности

законодательного процесса и социально-экономические характеристики общества выполняют различную роль в отдельных сочетаниях и способны усиливать либо компенсировать действие других условий.

В совокупности проведённый анализ позволяет установить взаимосвязь между исторически сложившимися практиками партийного взаимодействия, характеристиками социально-политической среды и институциональными механизмами президентского правления. Длительная институционализация партийной конкуренции в Уругвае и Чили создала основу для воспроизводства переговорных практик. Уровень институционального доверия и социально-экономические характеристики общества формируют общественную среду коалиционного взаимодействия. Президентские и электоральные институты определяют стимулы, в рамках которых глава государства и парламентские партии принимают решения о создании, поддержании и пересмотре коалиционных договорённостей.

Таким образом, выдвинутая гипотеза получила подтверждение применительно к рассмотренным случаям. Устойчивость партийных коалиций в Уругвае и Чили связана с сочетанием исторических, политико-культурных и социально-экономических характеристик социально-политической среды и институциональных условий, при которых глава государства и парламентские партии сохраняют заинтересованность в выработке и поддержании договорённостей. Партийные коалиции в исследуемых президентских системах выступают устойчивым механизмом президентско-парламентского согласования, позволяющим сочетать самостоятельность политических партий с необходимостью формирования парламентской поддержки правительственного курса. Их долговременное воспроизводство связано с исторической институционализацией партийной конкуренции, ограничениями президентской власти, практиками межпартийного согласования и различными сочетаниями условий общественной среды.

Вместе с тем пределы применимости полученных выводов определяются исследовательским дизайном работы. Уругвай и Чили относятся к числу наиболее институционализированных представительных систем Латинской Америки, для которых характерны длительная история партийной конкуренции, устойчивость политических институтов и развитые механизмы межпартийного согласования. В этой связи выявленные конфигурации характеризуют прежде всего устойчивые многопартийные президентские системы с институционализированной партийной конкуренцией. Возможность их воспроизводства в президентских системах с менее институционализированными партиями, высокой персонализацией власти или нестабильными механизмами политического представительства требует дополнительной сравнительной проверки.

Полученные результаты создают основу для дальнейшего сравнительного изучения коалиционного взаимодействия в многопартийных президентских системах. Расширение числа исследуемых случаев позволит проверить применимость выявленных конфигураций за рамками уругвайского и чилийского кейсов и детализировать условия, при которых аналогичные механизмы коалиционирования воспроизводятся в других президентских республиках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые документы

1. Constitución de 1830 / Biblioteca Virtual de Miguel Cervantes. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/constitucion-del-10-de-septiembre-1830/html/0bcaedb5-73b9-42d9-880d-ed5df99af635_2.html (дата обращения: 14.12.2024).
2. Constitución de la República. – 2004. URL: https://www.oas.org/dil/esp/Constitucion_Uruguay.pdf (дата обращения: 14.12.2024).
3. Constitución de la República Oriental del Uruguay. Artículo 152 // IMPO. – URL: https://www.impo.com.uy/bases/constitucion/1967-1967/152 (дата обращения: 14.07.2024).
4. Constitución de la República Oriental del Uruguay. Artículo 187 // IMPO. – URL: https://www.impo.com.uy/bases/constitucion/1967-1967/187 (дата обращения: 29.07.2026).
5. Constitución Política de la República // Cámara de Diputadas y Diputados. URL: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (дата обращения: 7.10.2024).
6. Ley Orgánica Constitucional del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. URL: https://bcn.cl/2fkep (дата обращения: 7.10.2024).
7. Historia de la Ley. Reforma constitucional que suprime la legislatura extraordinaria del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – 2005. – C. 30-32. – URL: https://www.bcn.cl/obtienearchivo?id=recursoslegales%2F10221.3%2F2219%2F2%2FSesion+02.pdf (дата обращения: 08.05.2026).
8. Ley N.º 20.050. Reforma constitucional que introduce diversas modificaciones a la Constitución Política de la República // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. –

26.08.2005. – URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=241331 (дата обращения: 08.05.2026).

9. Constitución Política de la República de Chile: Decreto Supremo N.º 100, de 17 de septiembre de 2005 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=242302 (дата обращения: 07.06.2024).
10. Ley N.º 20.840. Sustituye el sistema electoral binominal por uno de carácter proporcional inclusivo y fortalece la representatividad del Congreso Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Ley Chile. – Publicada el 5 de mayo de 2015. – URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1077039 (дата обращения: 10.08.2024).

Официальные материалы органов власти, парламентские и избирательные данные

11. Elecciones Nacionales 2014 / Corte Electoral de la República Oriental del Uruguay. – URL: https://www.corteelectoral.gub.uy/estadisticas/nacionales/elecciones_nacionales2014 (дата обращения: 14.09.2024).
12. Datos Abiertos / Corte Electoral de la República Oriental del Uruguay. – URL: https://www.gub.uy/corte-electoral/datos-y-estadisticas/datos-abiertos?page=1 (дата обращения: 14.09.2024).
13. Resultados por fórmula presidencial (1971-2009) / Facultad de Ciencias Políticas de la Universidad de la República. URL: http://cienciassociales.edu.uy/bancosdedatos/elecciones-presidenciales-2/ (дата обращения: 14.09.2024).
14. Elección de Diputados 2021 // Servicio Electoral de Chile. – URL: https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiZDc3ZDQzMDQtZGQzYS00MTE5LTliN

TQtMjIwZWRjOWMyYzMwIiwidCI6ImVhZjg3OWJkLWQzZWMtNDY1MC1iMTI5LTEzZGZkZjQ4NTlmZSJ9 (дата обращения: 22.08.2023).

15. Elección de Senadores 2021 // Servicio Electoral de Chile. URL: https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiMTE1MmEwNmItZmY3Mi00MDIzLWJmNWItYjhjMjM0ZjNhMThhIiwidCI6ImVhZjg3OWJkLWQzZWMtNDY1MC1iMTI5LTEzZGZkZjQ4NTlmZSJ9 (Дата обращения: 22.08.2023).
16. Resultados Electorales Históricos. Servicio Electoral de Chile. URL: https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/ (Дата обращения: 5.02.2024).
17. Registro Histórico Mociones Senadores / Observatorio Congreso. URL: https://observatoriocongreso.cl/mociones-senado-2/# (дата обращения: 14.12.2024).
18. Elecciones parlamentarias de 1989 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Historia Política. – URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/detalle_eleccion?handle=10221.1%2F63210&periodo=1973-1990 (дата обращения: 20.07.2025).
19. Understanding the d'Hondt method. Allocation of parliamentary seats and leadership positions / European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637966/EPRS_BRI(2019)637966_EN.pdf (дата обращения: 7.08.2024).

Официальные историко-архивные и справочные материалы

20. Alianza Liberal. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Alianza_Liberal (Дата обращения: 22.08.2023).
21. Augusto Pinochet Ugarte (1915-2006) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. — URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-31395.html (дата обращения: 20.07.2025).

22. Augusto Pinochet Ugarte. Reseñas biográficas parlamentarias // Historia Política. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. – URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/resenas_parlamentarias/wiki/Augusto_Pinochet_Ugarte (дата обращения: 12.08.2026).
23. Concertación de Partidos por el No // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-92967.html (дата обращения: 20.07.2025).
24. Concertación de Partidos por la Democracia (1988-2009) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-31414.html (дата обращения: 20.07.2025).
25. El gobierno de la Unidad Popular (1970-1973) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/wiki/portadaut_elgobiernodelaunidadpopular_1970_1973_.php (дата обращения: 12.08.2026).
26. Institución Nacional de Derechos Humanos y Defensoría del Pueblo. Línea de tiempo sobre el pasado reciente. – Montevideo, 2018. – URL: https://www.gub.uy/institucion-nacional-derechos-humanos-uruguay/sites/institucion-nacional-derechos-humanos-uruguay/files/documentos/publicaciones/Linea-de-tiempo-muestra-ex-SID-27-de-junio-de-2018-baja.pdf (дата обращения: 17.07.2024).
27. Partido Radical. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Partido_Radical (Дата обращения: 22.08.2023).
28. Partido Renovación Nacional // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. Historia Política. – URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Partido_Renovaci%C3%B3n_Nacional (дата обращения: 20.07.2025).

29. Partidos, movimientos y coaliciones 1833-1891 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/periodo?per=1833-1891 (Дата обращения: 22.08.2023).
30. Período 1891-1925. Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. URL: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (Дата обращения: 22.08.2023).
31. Período presidencial // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96771.html (дата обращения: 20.07.2025).
32. Plebiscito de 1988 // Archivo Nacional de Chile. – URL: https://www.archivonacional.gob.cl/plebiscito-de-1988 (дата обращения: 20.07.2025).
33. Plebiscito del 5 de octubre de 1988 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-96594.html (дата обращения: 20.07.2025).
34. Reformas sometidas a plebiscito // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-93600.html (дата обращения: 20.07.2025).
35. República Liberal. Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-543886.html (Дата обращения: 22.08.2023).
36. La república parlamentaria 1891-1925 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-3537.html (дата обращения: 01.07.2025).
37. Salvador Allende Gossens (1908-1973) // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. – URL: https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-799.html (дата обращения: 12.08.2026).

38. United States Department of State. Report on CIA Chilean Task Force Activities, 15 September to 3 November 1970 // Foreign Relations of the United States, 1969-1976. Vol. E–16: Documents on Chile, 1969-1973. – Doc. 39. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve16/d39 (дата обращения: 12.08.2026).

Материалы социологических опросов и общественного мнения

39. Apoyo a la Democracia. Latinobarometro. URL: https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp (Дата обращения: 5.02.2024).
40. Estudio Social y de Opinión Pública № 16, diciembre 1990. Centro de Estudios Públicos. URL: https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-social-y-de-opinion-publica-n16-diciembre-1990/ (Дата обращения: 5.02.2024).
41. Estudio Social y de Opinión Pública № 85, agosto 2021. Centro de Estudios Públicos. URL: https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-nacional-de-opinion-publica-n85-agosto-2021/ (Дата обращения: 5.02.2024).
42. Informe Latinobarometro 2023. URL: https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp (дата обращения: 14.10.2024).
43. Informe Latinobarometro 2017. URL: www.latinobarometro.org/LATDocs/F00006433-InfLatinobarometro2017.pdf (дата обращения: 16.11.2020).
44. Public Trust in Government: 1958-2024 / Pew Research Center, 2024. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/06/24/public-trust-in-government-1958-2024/ (дата обращения: 14.12.2024).

Международные и сравнительные базы данных и индексы

45. The Database of Political Institutions (DPI) / Inter-American Development Bank. URL: https://data.iadb.org/dataset/the-database-of-political-institutions-dpi-2020 (дата обращения: 14.12.2024).

46. Polity IV Individual Country Regime Trends. URL: http://www.systemicpeace.org/polity/polity4x.htm (дата обращения: 16.11.2020).
47. Vanhanen T. Measures of Democracy 1800-2012 (Dataset) // Finnish Social Science Data Archive. – 2019. – P. 1-29. URL: https://services.fsd.tuni.fi/catalogue/FSD1289/PIP/bgF1289_1_mul.pdf. (дата обращения: 14.10.2024).
48. Varieties of Democracy Analysis. URL: https://www.v-dem.net/en/analysis/ (дата обращения: 20.11.2020).
49. World Values Survey wave 6 (2010-2014). URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp (дата обращения: 15.02.2018).

Социально-экономические статистические материалы и доклады

50. Social Panorama of Latin America 2021 / Economic Commission for Latin America and the Caribbean. Digital Depositary. URL: https://repositorio.cepal.org/entities/publication/278a0b8b-98a7-4c2f-8242-fda81ca7b193 (дата обращения: 14.12.2024).
51. United Nations Development Programme. Human Development Report 2025: A Matter of Choice: People and Possibilities in the Age of AI. – New York: UNDP, 2025. – Table 1. Human Development Index and its components. – URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2025_HDR/HDR25_Statistical_Annex_HDI_Table.pdf (дата обращения: 12.08.2026).
52. The World Bank in Latin America and the Carribean. URL: https://www.worldbank.org/en/region/lac (дата обращения: 16.11.2020).

Экспертные интервью и публикации периодических/информационных ресурсов, используемые как эмпирические источники

53. 19 de setiembre. Batalla de carpintería // Infopaís. – URL: https://infopais.com.uy/contenido/7411/19-de-setiembre-batalla-de-carpinteria (дата обращения: 14.12.2024).
54. International IDEA. Latin America's "Achilles' Heel": An Interview with Expert Dr Dinorah Azpuru, on the Rule of Law, Democracy and Democratic Education in the Region. – 2024. – URL: https://www.idea.int/blog/latin-americas-achilles-heel-interview-expert-dr-dinorah-azpuru-rule-law-democracy-and (дата обращения: 12.08.2026).
55. Lagrotta M. Las últimas patriadas: 1904 y el inicio del Uruguay moderno. Apuntes de clase // Opinar. – 2024. URL: https://opinar.com.uy/la-ultimas-patriadas-1904-y-el-inicio-del-uruguay-moderno-apuntes-de-clase.html (дата обращения: 14.12.2024).
56. Torena D. La Constitución de 1830 y su juramento / La Mañana. – 2025. URL: https://www.lamañana.uy/cultura/la-constitucion-de-1830-y-su-juramento/ (дата обращения: 14.12.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, учебные и коллективные издания на русском языке

57. Алексеева Т.А. Современные политические теории Запада (курс лекций). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 479 с.
58. Богуш. Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. Москва: Высшая школа, 2009. – 224 с.
59. Голосов Г. В. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / под ред. Б.И. Макаренко. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.
60. Дьякова Л. В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. – М.: ИЛА РАН, 2013. – 325 с.

61. Дюверже М. Политические партии. – Академический проект, 2018. – 544 с.
62. Ивановский З. В. Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены / ИЛА РАН. – 2010. – 86 с.
63. Ивановский З. В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры / З. В. Ивановский. – Москва: ИЛА РАН, 2014. – 126 с.
64. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З. В. Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2015. – 274 с.
65. Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности / отв. ред. З. В. Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2022. – 586 с.
66. Мартынов Б. Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX – начало XXI в.) / Б. Ф. Мартынов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 320 с.
67. Метаморфозы разделенных обществ: монография / И. В. Кудряшова, О. Г. Харитонова, С. М. Хенкин [и др.]; под ред. И. В. Кудряшовой, О. Г. Харитоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.
68. Окунева Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.-2006 г.) / Л. С. Окунева; МГИМО (У) МИД России - М.: МГИМО-Университет, 2008. - 823 с.
69. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / отв. ред. В. В. Алексеев. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
70. Соловьев О. М. Политические институты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. –145 с.
71. Социальные идеалы и политика в меняющемся мире: сб. ст. / Т. Т. Тимофеев, А. Прост, С. Муссо, Б. И. Коваль; под ред. Т. Т. Тимофеева [и др.]. – М.: Наука, 1992. – 246 с.

72. Хенкин С. М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии, 20–30-е гг. XX в. / отв. ред. Б. И. Коваль. – М.: Наука, 1985. – 173 с.
73. Хенкин С. М. Политические системы стран Латинской Америки: учеб. пособие / С.М.Хенкин, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. сравнительной политологии, Иберoамериканский центр МГИМО. – М.: МГИМО-Университет МИД России, 2014. – 46 с.
74. Хейфец В. Л., Лексютина Я. В., Добронравин Н. А. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / В. Л. Хейфец, Я. В. Лексютина, Н. А. Добронравин [и др.]. – Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2019. – 494 с.
75. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В. Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2017.

Статьи и главы в научных периодических изданиях и сборниках на русском языке

76. Андреев А. С. Уругвай — США: эволюция двусторонних отношений при правительствах Широкого фронта // Латинская Америка. – 2019. – Выпуск № 9. – С. 76-89.
77. Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Пропорциональная избирательная система и опасности президенциализма: российский случай // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 5. – С. 8-24.
78. Борисов Н. А. Президентская многопартийная система и стабильность демократии: российский вариант // Социология власти. – № 4. – 2008. – С. 209-218.
79. Борисов Н. А. Институциональный выбор в позднесоветских политических системах: формирование моделей президентства // Политическая наука. – № 3. – 2017. С. 80-104.

80. Борисов Н. А. Досрочное прекращение полномочий президента на постсоветском пространстве: конституционные правила и политическая реальность // Политическая наука. – 2019. - № 4. – 2019. – С. 68-104.
81. Бородаев В. А. Роль политического лидерства в Кубинской революции // Латинская Америка. – 2008. – № 10. – С. 6-23.
82. Бородаев В. А. Латиноамериканская интеграция // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2015. – № 1. – С. 3-17.
83. Бородаев В. А. Эпизоды формирования кубинской нации // Этносоциум и межнациональная культура. – 2024. – № 9 (195). – С. 83-104.
84. Варшавский А. Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – № 4. - С. 673-686.
85. Варшавский А. Ю. Переменчивая устойчивость: всеобщие выборы в Чили как институциональное отражение демократических традиций // Сравнительная политика. – 2025. – Т. 16. – №1. – С. 89-11.
86. Варшавский А. Ю. Теоретические рамки исследований устойчивости конкурентных президентских политических систем: состояние дискуссии // Управление и политика. – 2026. – Т. 5. – №2. – С. 23-40.
87. Ваславский Я. И., Габуев С. В. Неоинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – Т. 6. – № 51. – С. 60-75.
88. Голиней В. А. Влияние внутренних и внешних факторов на государственность в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2023. – Выпуск № 9 С. 58-70.
89. Дабагян Э. С. Уругвай: уроки демократии // Латинская Америка. – 2020. – № 8. – С. 20–28.
90. Давыдов В. М. Латиноаменриканистика нашего времени: ее истоки, результаты и ориентиры на перспективу // Латинская Америка. – 2019. – № 7. – С. 8-28.

91. Дьякова Л.В. «Новые левые» в Чили перед лицом экзистенциальных проблем // Латинская Америка. – 2023. – № 4. – С. 6-21.
92. Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 290-305.
93. Зизева Э. В. Влияние анархо-синдикалистских идей на Движение за национальное освобождение — Тупамарос в Уругвае (1962—1973) // Латинская Америка. – 2020. – № 7. – С. 68-78.
94. Ивановский З. В. Политические сдвиги в Латинской Америке: новые реалии, вызовы и возможности // Свободная мысль. – 2023. – № 1 (1697). – С. 129-144.
95. Ивановский З. В. Электоральные процессы в Латинской Америке в 2024 году. Противоречивые итоги // Свободная мысль. – 2025. – № 2 (1710). – С. 103-126.
96. Калашников Н. В., Морозов Д. В., Николаева Л. Б. Никарагуа: выборы в условиях кризиса // Латинская Америка. – 2021. – № 8. – С. 22-37.
97. Коргунюк Ю. Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. – 2019. – № 6. – С. 95-112.
98. Костюк Р. В. The new left in contemporary Latin America // Latinskaia Amerika. – 2022. – Issue 8. – P. 6-21.
99. Кудеярова Н. Ю. Эпоха массовых миграций в латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. – 2017. – Выпуск 2. – С. 76-91.
100. Макаренко Б. И., Локшин И. М. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития. – Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 85-109.
101. Манухин А. А. Колумбийские герильи и левые режимы Латинской Америки: очерки формирования «квазисоюза» // Латинская Америка. – 2020. – Выпуск № 7. – С. 49-67.

102. Мартынов Б. Ф. Латинская Америка: новое время, новые перспективы // Латинская Америка. – 2017. – № 4. – С. 23-33.

103. Мартынов Б. Ф. Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу / Б. Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2020. – № 2. – С. 19-29.

104. Мартынов Б. Ф. Специфика социально-политической динамики в государствах Латинской Америки: пестрая картина на фоне приближающегося юбилея // Проблемы национальной стратегии. – 2023. – № 2 (77). – С. 42-49.

105. Окунева Л. С. Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота») // Ибероамериканские тетради. – 2016. – № 4. – С. 33-39.

106. Окунева Л. С. К вопросу о новейших трендах политических процессов в Латинской Америке: перспективы и вызовы // Ибероамериканские тетради. – 2018. – № 2. – С.11-13.

107. Окунева Л. С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 г.? // Латинская Америка. – 2020. – №1. – С. 8-21.

108. Патцельт В. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 50-70.

109. Побережников И. В. Использование модернизационной парадигмы при изучении региональной истории России (XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 37-41.

110. Пятаков А.Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2023. – №15. – Выпуск 2. – С. 65-93.

111. Слинько А. А. Десакрализация политики: "тихая революция" в Уругвае // Латинская Америка. – 2017. – № 6. – С. 99-102.

112. Смаль С. В. Социальная политика в программах политических партий Чили: опыт контент-анализа // Латинская Америка. – 2023. – № 1. – С. 39-55.

113. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентации: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. Политические исследования. – 2009. – №. 1. – С. 118-129.

114. Хенкин С. М. «Три консенсуса» на пути к демократии // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 188-191.

115. Хенкин С. М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 129-135.

116. Хенкин С. М. Феномен Подемос // Ибероамериканские тетради. – 2016. – № 1 (11). – С. 15–20.

117. Шемякин Я. Г. К вопросу о культурной детерминации различных сфер жизни социума. Духовно-ценностное измерение // Латинская Америка. – 2022. – Выпуск № 11 С. 6-25.

118. Яковлев П. П. Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // Латинская Америка. –2016. – Выпуск 5 С. 12-29.

119. Помигуев И. А. Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 199-210.

120. Роккан С. Центр-периферийная полярность / Роккан С. – Текст: непосредственный // Политическая наука. – 2006. – No 4. – С. 73-101.

121. Уоллерстайн М. Избирательные системы, партии и политическая стабильность // Полис. Политические исследования. – 1992. – №. 5-6. – С. 156-162.

122. Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – № 19. – С. 199-213.

123. Харитонова О. Г., Мальченко А. А. Идеологическая дистанция и ловушки шантажного потенциала: структурные факторы создания правительственных коалиций в Латинской Америке // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 103-124.

Монографии и книжные издания на иностранных языках

124. Axelrod R. Conflict of Interest: A Theory of Divergent Goals with Applications to Politics, 1970. – 216 p.

125. Bartels, L. M. Democracy Erodes from the Top: Leaders, Citizens, and the Challenge of Populism in Europe. – Princeton University Press, 2023. – 280 p.

126. Buchanan P. State, Labor, Capital: Democratizing Class Relations in the Southern Cone". Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. – 395 p.

127. Buquet D., Chasquetti D. and Moraes J.A. Fragmentación política y gobierno en Uruguay: ¿un enfermo imagnario? – Montevideo: Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, 1998. – 130 p.

128. Camp R. A. Citizen Views of Democracy in Latin America. – University of Pittsburgh Press, 2001. – 304 p.

129. Cheibub J. A. Presidentialism, Parliamentarism, and Democracy. – Cambridge University Press, 2007. – 222 p.

130. Collier R. B., Collier D. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2002. – 898 p.

131. Correa Freitas R., Vázquez Pedrouzo M. C. La reforma constitucional de 1997: análisis constitucional y administrativo. – 1ª ed. – Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1997. – 197 p.

132. Dahl R. A. On Democracy. Yale University Press. 1998. – 217 p.

133. Dahl A. R., Lindblom C.E. Politics, Economics, and Welfare. – New York: Harper and Brothers, 1953. – 557 p.

134. Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. – New Haven; London: Yale University Press, 1971. – 257 p.

135. De Swaan A. Coalition theories and cabinet formations: A study of formal theories of coalition formation applied to nine European parliaments after 1918. – Jossey-Bass, 1973. – 347 p.

136. Diamond L. The Spirit of Democracy. – Times Books, 2008. – 464 P.

137. Elster J., Gargarella R., Naresh V., Rasch B. E. Constitution-Making and Transitions to Democracy / Elster J., Gargarella R., Naresh V., Rasch B. E. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 251 p.

138. Gros Espiell H. & Arteaga J. J. Esquema de la evolución constitucional del Uruguay. – Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1991. – P. 145.

139. Guo S. & Stradiotto G. A. Democratic Transitions. Modes and Outcomes / Guo S. & Stradiotto G. A. – London and New York: Routledge, 2014. – 150 p.

140. Haggard S. & McCubbins M. D. Presidents, Parliaments, and Policy. – Cambridge University Press, 2001. – 378 p.

141. Huntington S. Political order in changing societies. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 488 p.

142. Hofstede G., Hofstede G. J. & Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind, Third Edition. – McGraw Hill, 2010. – 576 p.

143. Jones M. P. Electoral Laws and the Survival of Presidential Democracies. – Notre Dame: Notre Dame University Press, 1995. – 260 p.

144. LeBas A. From Protest to Parties: Party-Building and Democratization in Africa. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. – 316 p.

145. Levitsky S. and Ziblatt D. How Democracies Die. – First ed. New York: Penguin Random House, 2018. – 320 p.

146. Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945-1990. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 209 p.

147. Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. – New Haven: Yale University Press, 1999. – P. 368.

148. Lowenthal A. F. & Bitar S. Democratic Transitions: Conversations with World Leaders / Lowenthal A. F. & Bitar S. – Johns Hopkins University Press, 2015. – 488 p.

149. Madrid R. L. The Birth of Democracy in South America. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2025. – 370 p.

150. Mainwaring S. Party Systems in Latin America. Institutionalization, Decay, and Collapse. - Cambridge University Press, 2018. – 522 p.

151. Mainwaring S. and Scully T.R. Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 600 p.

152. Mahoney J. The Legacies of Liberalism: Path Dependence and Political Regimes in Central America. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. – 416 P.

153. Møller J. & Skaaning S. The Rule of Law: Definitions, Measures, Patterns and Causes. – Palgrave Macmillan, 2014. – 210 p.

154. Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. – Boston: Beacon press, 1966. – 559 p.

155. Negretto G. L. Making Constitutions: Presidents, Parties, and Institutional Choice in Latin America. – Cambridge University Press, 2013. – 296 p.

156. Norris P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. – Cambridge University Press, 2011. – 350 p.

157. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

158. Peeler J. Building Democracy in Latin America. – Boulder: Lynne Rienner, 2008. – 275 p.

159. Pérez Bentancur V., Piñeiro Rodríguez R., and Rosenblatt F. How Party Activism Survives: Uruguay's Frente Amplio. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 194 p.

160. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. – 208 p.

161. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub, J. A., and Limongi F. Democracy and Development. – New York: Cambridge University Press. – 2000. – 340 p.

162. Ragin, C. C. The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. – Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1987. – 212 p.

163. Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. – Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2005. – 223 p.

164. Rich R. C., Brians C. L., Manheim J. B., Willnat L. Empirical Political Analysis: Quantitative and Qualitative Research Methods. – 9th ed. – New York: Routledge, 2018. – 398 p.

165. Roberts K. M. Changing Course in Latin America: Party Systems in the Neoliberal Era. – New York, NY: Cambridge University Press, 2014. – 356 P.

166. Rosenblatt F. Party Vibrancy & Democracy in Latin America. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 304 p.

167. Samuels D. J., Shugart M. S. Presidents, Parties, and Prime Ministers: How the Separation of Powers Affects Party Organization and Behavior. – Cambridge University Press, 2010. – 310 p.

168. Schneider, Carsten Q., & Wagemann, Claudius (2012). Set-Theoretic Methods for the Social Sciences: A Guide to Qualitative Comparative Analysis. – Cambridge University Press, 2012. – 370 p.

169. Scully T. R. Rethinking the Center: Party Politics in Nineteenth and Twentieth Century Chile. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. – 292 p.

170. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. – New York: Cambridge University Press, 1992. – 332 p.

171. Siavelis P. M., The President and Congress in Postauthoritarian Chile: Institutional Constraints to Democratic Consolidation. – University Park: Penn State University Press, 2000. – 304 p.

172. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979. – 407 p.

173. Stinchcombe A. Constructing Social Theories. – New York: Harcourt, Brace and World, 1968. – 303 p.

174. Strøm K., Müller W. C., Bergman T. Cabinets and Coalition Bargaining: The Democractic Life Cycle in Western Europe. – Oxford University Press, 2008. – 464 p.

175. Tilly C. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992. – Cambridge, MA: Blackwell, 1994. – 271 p.

Статьи, главы, рабочие документы и материалы научных мероприятий на иностранных языках

176. Abofarha E. A. & Nasreldein R. I. Explaining Presidential Instability in Latin America: Evidence from Brazil, Argentina and Ecuador // Review of Economics and Political Science. – 2022. – Vol. 7. – No. 1. – P. 56-70.

177. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Income and Democracy // American Economic Review. – 2008. – Vol. 98. – No. 3. – P. 808-842.

178. Acemoglu D., Gallego F., Robinson J.A. Institutions, human capital, and development // American Economic Review. – 2014. – No. 6. – P. 875-912.

179. Acosta y Lara F. Coordinación electoral y doble voto simultáneo a nivel subnacional en Uruguay (1971–2020) // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2022. – Vol. 31. – No. 2. – P. 35-55.

180. Albala A. Coalition Presidentialism in Bicameral Congresses: How does the Control of a Bicameral Majority Affect Coalition Survival? // Brazilian Political Science Review. – 2017. – Vol. 11. – No. 2. – P. 1-27.

181. Albala A. When Do Coalitions Form Under Presidentialism, and Why Does it Matter? A Configurational Analysis from Latin America // Politics. – 2020. – Vol. 41. – No. 3. – P. 351-370.

182. Albala A., Borges A. & Couto L. Pre-electoral coalitions and cabinet stability in presidential systems // British Journal of Politics & International Relations. – 2021. – Vol. 25. – No. 1. – P. 64-82.

183. Albala A. & Couto L. Question of Timing: Pre-Electoral Coalitions in Multiparty Presidential Regimes // Brazilian Political Science Review. – 2023. – Vol. 17. – No. 1. – P. 1-28.

184. Alcántara M. S., García Montero M. y Sánchez López F. Funciones, procedimientos y escenarios: un análisis del Poder Legislativo en América Latina. - Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2005. – 307 p.

185. Alemán E., Cabezas J.M. Calvo E. Coalition Incentives and Party Bias in Chile // Electoral Studies. – 2021. – Vol. 72. – P.1-8.

186. Alemán E. & Kellam M. The Nationalization of Presidential Elections in the Americas // Electoral Studies. – 2017. – Vol. 47. – P. 125-135.

187. Alemán E. and Navia P. Institutions and the Legislative Success of ‘Strong’ Presidents: An Analysis of Government Bills in Chile // The Journal of Legislative Studies. – 2009. – Vol. 15. – No. 4. – P. 401-419.

188. Alemán E. and Navia P. Presidential power, legislative rules and lawmaking in Chile / Alemán E. and Tsebelis G. (eds) Legislative Institutions and Lawmaking in Latin America. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 92-121.

189. Alemán E. & Tsebelis G. Partidos Políticos y Coaliciones de Gobierno en las Américas // Política Revista de Ciencia Política. – 2012. – Vol. 50. – No 2. – P. 5-32.

190. Alm, J., Torgler, B. Culture Differences and Tax Morale in the United States and in Europe // Journal of Economic Psychology. – 2006. – Vol. 27. – Issue 2. – P. 224-246.

191. Almond G. A. & Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / Almond G. A. & Verba S. Princeton University Press, 1963. – 574 p.

192. Altman D. The Politics of Coalition Formation and Survival in Multiparty Presidential Democracies: The Case of Uruguay, 1989–1999 // Party Politics. – 2000. – Vol. 6. – No. 3. – P. 259-283.

193. Altman D., Buquet D. and Luna J. P. Constitutional Reforms and Political Turnover in Uruguay: Winning a battle, Losing the War // Documentos de Trabajo, Montevideo, Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República. – 2011. – No 2. – P. 1-40.

194. Álvarez Hernández F. La república parlamentaria de Chile: perspectivas historiográficas // Universum. – 2012. – Vol. 27. – No. 1. – P. 191–205.

195. Amat C. State Repression and Opposition Survival in Pinochet's Chile // Comparative Political Studies. – 2024. – Vol. 57. – No. 3. – P. 506-545.

196. Ampuero Villagrán H. Algunos antecedentes sobre la función legislativa de la Cámara de Diputados de Chile (1990-2010) // Revista Enfoques: Ciencia Política y Administración Pública. – 2013. – Vol. 11. – No. 19. – P. 37-52.

197. Angell A. Party Change in Chile in Comparative Perspective // Revista de Ciencia Política. – 2003. – Vol. 23. – No 2. – P. 88-108.

198. Aninat C., Landregan J., Navia P., Vial J. Political Institutions, Policymaking Processes and Policy Outcomes in Chile // Inter-American Development Bank. – 2006. – P.1-64.

199. Ansell B. & Samuels D. Why Inequality Not Undermine Democracy / University of Oxford. – 2018. – P. 1-46.

200. Ansolabehere S. D. & Rogowski J. C. Unilateral Action and Presidential Accountability // Presidential Studies Quarterly. – 2020. – Vol. 50. – No. 1. – P. 129-145.

201. Araújo V., Freitas A., Vieira M. The Presidential Logic of Government Formation in Latin American Democracies // Revista de Ciencia Política. – 2018. – Vol. 38. – No. 1.– P. 25.50.

202. Arestis P. & Sawyer M. Path Dependency and Demand-supply Interactions in Macroeconomic Analysis / Arestis P. & Sawyer M. Path Dependency and Macroeconomics. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2009. – 261 p.

203. Bargsted M.A., Somma N.M. Social cleavages and political dealignment in contemporary Chile, 1995–2009 // Party Politics. – 2016. – Vol. 22. – No. 1. – P. 105-124.

204. Bejar S. & Moraes J. A. The International Monetary Fund, Party System Institutionalization, and Protest in Latin America // Latin American Politics and Society. – 2016. – Vol. 58. – No. 2. – P. 26-48.

205. Bernhard M. Chronic Instability and the Limits of Path Dependence // Perspectives on Politics. – 2015. – Vol. 13. – No. 4. – P. 976-991.

206. Benoît R., Marx A. et Álamos-Concha P. 25 années de QCA (qualitative comparative analysis): quel chemin parcouru ? // Revue Internationale de Politique Comparée. – 2014. – Vol. 21. – No. 2. – P. 61-79.

207. Berg-Schlosser D., De Meur G. Conditions of Authoritarianism, Fascism, and Democracy in Interwar Europe. Systematic Matching and Contrasting of Cases for “Small N” Analysis. // Comparative Political Studies. – 1996. – Vol. 29. – No. 4. – P. 423-468.

208. Bergara M., Pereyra A., Tansini R., Garce A., Chasquetti D., Buquet D. and Moraes J.A. Political Institutions, Policymaking Processes, and Policy Outcomes: The Case of Uruguay // IDB Working Paper. – 2006. – No. 205. – P. 1-66.

209. Bergeron-Boutin O. et al. – Communicating with Voters to Build Trust int U.S. Election System // MIT White Papers. – 2023. – P. 1-28.

210. Bermeo N. On Democratic Backsliding // Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27. – No. 1. – P. 5-19.

211. Bersch K., Lopez F. & Taylor M. M. Patronage and Presidential Coalition Formation // Political Research Quarterly. – 2023. – Vol. 76. – No. 2. – P. 508-523.

212. Beyer J. The Same or Not the Same. On the Variety of Mechanisms of Path Dependence // International Journal of Social Sciences. – 2010. – Vol. 5. – No. 1. – P. 1–11.

213. Bienstman S., Hense S. & Gangl M. Explaining the 'democratic malaise' in unequal societies: Inequality, external efficacy and political trust // European Journal of Political Research. – Vol. 63. – No. 1. – P. 172-191.

214. Boas T. C. Voting for Democracy: Campaign Effects in Chile's Democratic Transition // Latin American Politics and Society. – 2015. – Vol. 57. – No. 2. – P. 67-90.

215. Boese V. A., Wilson M. C. A Short History of Contestation and Participation. – Gothenburg: Varieties of Democracy Institute, University of Gothenburg, 2022. – 30 p.

216. Boix C. & Stokes S. Endogenous Democratization // World Politics. – 2003. – Vol. 55. – No. 4. – P. 517-549.

217. Bonilla C.A., Carlin R.E., Love G.J., et al. Social or political cleavages? A spatial analysis of the party system in post-authoritarian Chile. // Public Choice. – 2011. – Vol. 146. – No. 1-2. – P. 9-21.

218. Bonvecchi A., Scartascini C. The Presidency and the Executive Branch in Latin America: What We Know and What We Need to Know. – Washington, DC: Inter-

American Development Bank, 2011. – (IDB Working Paper Series; No. IDB-WP-283). – 72 p.

219. Borges A, Turgeon M, Presidential Coattails in Coalitional Presidentialism // Party Politics. – 2019. – Vol. 25. – No. 2. – P. 191-202.

220. Borges A., Turgeon M. & Albala A. Electoral Incentives to Coalition Formation in Multiparty Presidential Systems // Party Politics. – 2020. – Vol. 27. – No. 6. – P. 1279-1289.

221. Borges A. & Floriano Ribeiro P. Presidents, Prime Ministers and Legislative Behaviour: The Conditional Effect of Presidential Legislative Powers on Party Unity // Government and Opposition. – 2023. – Vol. 58. – P. 227-248.

222. Botelho J. C. A. and Silva R. R. Presidential Powers in Latin America Beyond Constitutions // Iberoamericana – Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. – 2021. – Vol. 50. – No. 1. – P. 28-39.

223. Boulding C. E. & Nelson-Nuñez J. Civil Society and Support for the Political System in Times of Crisis // Latin American Research Review. – 2014. – Vol. 49. – No. 1. – P. 128-154.

224. Bouton L., Gallego J. Llorente-Saguer A. & Morton R. Run-off Elections in the Laboratory // The Economic Journal. – 2022. – Vol. 132. – Issue 641. – P. 106-146.

225. Brownlee J. and Miao, K. Why Democracies Survive // Journal of Democracy. – 2022. – Vol. 33 – No. 4. – P. 133-149.

226. Bucur C. Presidents and Cabinet Payoffs in Coalition Governments // Political Studies Review. – 2020. – Vol. 18. – No. 1. – P. 30-52.

227. Bunker K. Why do parties cooperate in presidentialism? Electoral and government coalition formation in Latin America // Revista de Estudios Políticos. – 2019. – Vol. 186. – P. 171-199.

228. Buquet D. Transformación del Sistema del Partido Uruguayo: Reglas Electorales, Adaptación y Equilibrio / Freidenberg F. Los Sistemas de Partidos en América Latina 1978-2015. Tomo II: Países Andinos y Cono Sur (P. 235-270). –

Instituto Nacional Electoral. Instituto de Investigaciones Jurídicas, UNAM, 2016. – P. 576.

229. Buquet, D., & Piñeiro, R. Support for Democracy in Uruguay: The Role of Political Culture // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2016. – Vol. 25. – No. 1. – P. 99-123.

230. Buquet D. & Moraes J. A. Construyendo un Equilibrio Democrático: La Reforma Constitucional de Uruguay en 1917 // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2018. – Vol. 27. – No 1. – P. 19-38.

231. Busquets J. M., Delbono A. La dictadura cívico-militar en Uruguay (1973-1985): aproximación a su periodización y caracterización a la luz de algunas teorizaciones sobre el autoritarismo // Revista de la Facultad de Derecho. – 2016. – No. 41. – P. 61-102.

232. Caetano G. Genealogías de la política uruguaya moderna: el liberalismo como "concepto fundamental" y su primacía sobre el republicanismo en el siglo XIX // Claves. Revista de Historia. – 2016. – No. 2. – P. 111-116

233. Caetano G. De la "Suiza de América" al "Uruguay como problema". La génesis del pensamiento de Alberto Methol Ferré // Iberoamericana – Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. – 2018. – Vol. 47. – No 1. – P. 63-73.

234. Candina Polomer A. Transición e instalación democrática en Chile contemporáneo // Anales de la Universidad de Chile. – 2018. – Serie 7. – No. 15. – P. 39-51

235. Capoccia G. Critical Junctures and Institutional Change // Advances in Comparative-Historical Analysis / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 147-179.

236. Capoccia G. Critical Junctures // The Oxford Handbook of Historical Institutionalism / ed. by O. Fioretos, T. G. Falleti, A. Sheingate. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 89-106.

237. Capoccia G. When Do Institutions “Bite”? Historical Institutionalism and the Politics of Institutional Change // Comparative Political Studies. – 2016. – Vol. 49. – No. 8. – P. 1-33.

238. Capoccia G. & Kelemen R. D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics. – 2007. – Vol. 59. – No. 3. – P. 341–369.

239. Carey J. M. Las virtudes del sistema binominal // Revista de ciencia política. – 2006. – Vol. 26. – No.1. – P. 226-235.

240. Carlin R.E. Distrusting democrats and political participation in new democracies: Lessons from Chile // Political Research Quarterly. – 2011. – Vol. 64. – No. 3. – P.668-687.

241. Cason J. Electoral Reform, Institutional Change, and Party Adaptation in Uruguay // Latin American Politics and Society. – 2002. – Vol. 44. – No. 3. – P. 89-109.

242. Castelló-Climent A. On the Distribution of Education and Democracy // Journal of Development Economics. – 2008. – Vol. 87. – Issue 2. – P. 179-190.

243. Catterberg G. & Moreno A. The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies // International Journal of Public Opinion Research. – 2005. – Vol. 18. – No. 1. – P. 31-48.

244. Čábelková, I., Strielkowski, W. 2013. Is the Level of Taxation a Product of Culture? A Cultural Economics Approach // Society and Economy. – 2013. – Vol. 35. – Issue 4. – P. 513-529.

245. Chaisty P., Cheesman N. & Power T. Rethinking the “Presidentialism Debate”: Conceptualizing Coalitional Politics in Cross-Regional Perspective // Democratization. – 2012. – Vol. 21. – No. 1. – P. 72-94.

246. Chaisty P. & Chernykh S. How Do Minority Presidents Manage Multiparty Coalitions? Identifying and Analyzing the Payoffs to Coalition Parties in Presidential Systems // Political Research Quarterly. – 2017. – Vol. 70. – No. 4. – P. 762-777.

247. Chaisty P. and Power T. J. Flying solo: explaining single-party cabinets under minority presidentialism // European Journal of Political Research. – 2019. – Vol. 58. – No. 1. – P. 163-183.

248. Chasquetti D. – Agenda Setting and Lawmaking in Uruguay / Alemán E. and Tsebelis G. (eds) Legislative Institutions and Lawmaking in Latin America (P. 199-224). – Oxford Studies in Democratization, 2016. – 286 p.

249. Chasquetti D. Tres experimentos constitucionales. El complejo proceso de diseño del Poder Ejecutivo en el Uruguay // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2018. – Vol. 27. – No. 1. – P. 41-64.

250. Chasquetti D. & Buquet D. La Democracia en Uruguay: una partidocracia de consenso // Política. – 2004. – No. 42. – P. 221-247.

251. Cheibub J. A. Are the Incentives for Coalition Formation Different in Parliamentary and Presidential Democracies? / Cheibub J.A. Presidentialism, Parliamentarism and Democracy. – Cambridge University Press, 2007. – P. 222.

252. Cheibub J. A., Elkins Z. and Ginsbourg T. Beyond Presidentialism and Parliamentarism // British Journal of Political Science. – 2014. – Vol. 44. – No. 3. – P. 515-544.

253. Cheibub J. A., Przeworski A. & Saiegh S. M. Government Coalitions and Legislative Success Under Presidentialism and Parliamentarism // British Journal of Political Science. – 2004. – Vol. 34. – No. 4. – P. 565-587.

254. Cleary M. R. and Öztürk A. When Does Backsliding Lead to Breakdown? Uncertainty and Opposition Strategies in Democracies at Risk // Perspectives on Politics. – 2020. – Vol. 20. – No. 1. – P. 1-20.

255. Collier D. & Munck G. L. Introduction: Tradition and Innovation in Critical Juncture Research / Collier D. & Munck G. L. Critical Junctures and Historical Legacies. Insights and Methods for Comparative Social Science (Eds.), Lanham: Rowman & Littlefield, 2022. – P. 1-29.

256. Claassen C. Does Public Support Help Democracy Survive? // American Journal of Political Science. – 2020. – Vol. 64. – No. 1. – P. 118-134.

257. Collier D. & Munck G. L. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Critical Junctures // Qualitive & Multi-Method Research. – 2017. – Vol. 15. – No. 1. – P. 2-9.

258. Coppedge, M. et al. Conceptualizing and measuring democracy: A new approach. // Perspectives on Politics. – 2011. – Vol. 9. – No. 2. – P. 247-267.

259. Corrales J. Democratic Backsliding through Electoral Irregularities: The Case of Venezuela // European Review of Latin American and Caribbean Studies. – 2020. – No. 109. – P. 41-65.

260. Couto L. Government Formation in Presidentialism: disentangling the combined effects of pre-electoral coalitions and legislative polarization // Latin American Politics and Society. – 2025. – Vol. 67. – No. 2. – P. 36-55.

261. Dahl A. R. What Political Institutions Does Large-Scale Democracy Require? // Political Science Quarterly. – 2005. – Vol. 120. – No. 2. – P. 187-197.

262. Dalum S. & Knutsen C. H. Democracy by Demand? Reinvestigating the Effect of Self-Expression Values on Political Regime Type // British Journal of Political Science. – 2016. – Vol. 27. – No. 2. – P. 437-461.

263. Dangelico, R. M., Fraccascia, L., Nastasi, A. 2020. National Culture's Influence on Environmental Performance of Countries: A Study of Direct and Indirect Effects // Sustainable Development. – 2020. – Vol. 28. – Issue 6. – P. 1773-1786.

264. De la Cerda N. Unstable identities: The decline of partisanship in contemporary Chile // Journal of Politics in Latin America. – 2022. – Vol. 14. – No. 1. – P. 3-30.

265. De Micheli D., Sanchez-Gomez J. T. & Roberts K. M. Tenuous Pacts and Multiparty Coalitions: The Politics of Presidential Impeachment in Latin America // Journal of Latin American Studies. – 2022. – Vol. 54. – No. 2. – P. 283-311.

266. Delgado-Torres F., Maugard-Bravo M. Movilización y organización popular en dictadura: las jornadas de protesta nacional en Arica (1980-1986) // Izquierdas. – 2018. – No 39. – P. 34-56.

267. Demasi C. Los Partidos Más Antiguos del Mundo: el Uso Político del Pasado Uruguayo // Encuentros Uruguayos. – 2008. – Vol. 1. – P. 67-79.

268. Demasi C. Dos procesos innovadores. Las reformas constitucionales de 1917 en México y en Uruguay // Relaciones Internacionales. – 2004. – Vol. 13. – No. 27. – P. 91-116.

269. DiMaggio P., Powell W. Introduction // The New Institutionalism in Organizational Analysis / Ed. by W. Powell, P. J. DiMaggio. Chicago: Chicago University Press, 1991. – P. 1-38.

270. Dockendorff A. Why are some parliamentarians' bills more likely to progress? Sponsorship as a signal // The British Journal of Politics and International Relations. – 2020. – Vol. 23. – No. 1. – P. 139-157.

271. Donahue T. J. Can Presidential Systems Be Just? // The Johns Hopkins University Working Paper. – 2007. – P. 1-32.

272. Ellger F., Klüver H. Adopting restriction: how coalition governments respond to radical right parties // West European Politics. – 2024. – P. 1-33.

273. The Influence of Pinochet on the Chilean Miracle // Latin American Research Review. – 2022. – Vol. 57. – No. 4. – P. 831-847.

274. Estévez-Abe M. Japan's Shift Toward a Westminster System: A Structural Analysis of the 2005 Lower House Election and Its Aftermaths // Asian Survey. – 2006. – Vol. 46. – No. 4. – P. 632-651.

275. Epstein, L. A Comparative Study of Canadian Parties // American Political Science Review. – 1964. – Vol. 58. – P. 45-59.

276. Faúndez Caicedo V., Figeuroa Gutiérrez V., Navia P. & Pérez Aburto C. The success of legislators' bills in strong presidential systems: Chile, 1990–2018 // The Journal of Legislative Studies. – 2022. – Vol. 30. – No. 1. – P. 25-43.

277. Figueiredo A. & Limongi F. Presidential Power, Legislative Organization, and Party Behavior in Brazil // Comparative Politics. – 2000. – Vol. 32. – No. 2. – P. 151-170.

278. Figueiredo A. C., Canello J. & Vieira M. Governos Minoritários no Presidencialismo Latino-Americano: Determinantes Institucionais e Políticos // Dados: Revista de Ciências Sociais. – 2012. – Vol. 55. – No. 4. – P. 839-875.

279. Figueroa Clark V. The Forgotten History of the Chilean Transition: Armed Resistance Against Pinochet and US Policy towards Chile in the 1980s // Journal of Latin American Studies. – 2015. – Vol. 47. – No. 3. – P. 491-520.

280. Fortin-Rittberger J. Measuring Presidential Powers: Some Pitfalls of Aggregate Measurement // International Political Science Review. – 2013. – Vol. 34. – No. 1. – P. 91-112.

281. Frega A. La Vida Política / G. Caetano, & A. Frega, América Latina en la História Contemporanea - Uruguay: Revolución, Independencia y construcción del Estado - Tomo I 1808/1880 (P. 31-85). – Montevideo: Fundación Mapfre, 2016. – 294 p.

282. Freidenberg F. Democracy in Latin America: Between Backsliding and Resilience // Athena – Critical Inquiries in Law, Philosophy and Globalization. – 2024. – Vol. 4. – No. 1. – P. 68-109.

283. Freudenreich J. The Formation of Cabinet Coalitions in Presidential Systems // Latin American Politics and Society. – 2016. – Vol. 58. – No. 4. – P. 80-102.

284. Gamboa R., Morales M. Chile's 2015 Electoral Reform: Changing the Rules of the Game // Latin American Politics and Society. – 2016. – Vol. 58. – No. 4. – P. 126-144.

285. Garategaray M. "La democracia restauradora". Historia y política en la transición democrática de Uruguay (1980–1989) // Historia y Memoria. – 2022. – No. 24. – P. 21-54.

286. Garcé García y Santos A. Regímenes políticos de conocimiento: tecnocracia y democracia en Chile y Uruguay // Revista Digital de Ciencias Sociales. – 2017. – Vol. IV. – No. 7. – P. 17-48.

287. Geertz C. Thick description: toward an interpretive theory of culture. In The interpretation of cultures: selected essays. – New York: Basic. – P. 3-30.

288. Gerring J. R., Thacker S. C. & Alfaro R. Democracy and Human Development // The Journal of Politics. – 2012. – Vol. 74. – No. 1. – P. 1-17.

289. Ginsburg T., Huq A., & Landau D. The Uses and Abuses of Presidential Impeachment // Public Law and Legal Theory. – Working Paper Series. – 2020. – No. 731. – P. 1-59.

290. González. E. Continuity and Change in the Uruguayan Party System / Mainwaring S. & Scully T. R. (eds.) Building Democratic Institutions (P. 138 -163). – Standford: Standford University Press, 1995. – 578 p.

291. Gorodnichenko Y. & Roland G. Culture, Institutions and Democratization // National Bureau of Economic Research. – NBER Working Paper 21117. – 2015. – P. 1-39.

292. Grinin L. How Globalization Shifts the Global Economic and Political Balance // Journal of Chinese Philosophy. – 2021. – Vol. 48. – No. 2. – P. 222-234.

293. Haggard S. & Kaufman R. R. Inequality and Regime Change: Democratic Transitions and the Stability of Democratic Rule // American Political Science Review. – 2012. – Vol. 106. – No. 3. – P. 1-22.

294. Hall P. A. & Taylor R. C. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Science. – 1996. – Vol. 44. – P. 936-957.

295. Hebling M. L. & Contrera F. Presidential Power, Vetoes, and Public Policy: A Comparative Study between Brazil and the United States // Revista de Ciencia Política. – 2019. – Vol. 64. – No. 237. – P. 269-292.

296. Helmke G. & Levitsky S. (eds) Informal Institutions and Democracy Lessons from Latin America. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 362.

297. Hicken A. The Role of Political Parties in Making Democracy Work // V-Dem Institute. 2020. Briefing Paper #3. URL: https://v-dem.net/media/publications/brief3.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

298. Holý V. & Evan T. The Role of a Nation's Culture in the Country's Governance: Stochastic Frontier Analysis // Central European Journal of Operations Research. – 2021. – Vol. 30. – P. 508-520.

299. Huber, W. D. Culture and Corruption: Using Hofstede's Cultural Dimensions to Explain Perceptions of Corruption. Working Paper // SSRN Electronic Journal. – 2001.

300. Huertas-Hernández S., Palanza V. Lawmaking and Presidential Attributes in the Chilean Constitution: What's the Urgency? // PS: Political Science & Politics. – 2024. – Vol. 57. – No. 2. – P. 253-258.

301. Huntington S. P. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. – 1991. – Vol. 2 – No. 2. – 34 p.

302. Inglehart R. & Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. – Cambridge University Press, 2005. – 344 p.

303. Jofré H., Cabezas J. M. Los efectos de la reforma electoral de 2015 sobre el sistema de partidos chileno // Dados. – 2025. – Vol. 68. – No. 3. – P. 1-34.

304. Kellam M. Parties for hire: How particularistic parties influence presidents' governing strategies // Party Politics. – 2015. – Vol. 21. – No. 4. – P. 515-526.

305. Kellam M. Why Pre-electoral Coalitions in Presidential Systems? // British Journal of Political Science. – 2017. – Vol. 47. – No. 2.– P. 391-411.

306. Kapsa I. Political Trust vs. Turnout in Modern Democracies // Polish Political Science Yearbook. – 2020. – Vol. 49. – No. 3. – P. 151-160.

307. Karl T.L. Dilemmas of Democratization in Latin America // Comparative Politics. – 1990. – Vol. 23. – No. 1. – P. 1-21.

308. Kluch, S. P., Vaux, A. Culture and Terrorism: The Role of Cultural Factors in Worldwide Terrorism (1970–2013) // Terrorism and Political Violence. – 2017. – Vol. 29. – Issue 2. – P. 323-341.

309. Wagener, A., Ifo, C. E. S., Aper, W. O. P., Inance, C. A. P. U. F. // Culture and Tax Structures. Working Paper. – 2012; Čábelková, I., Strielkowski, W. 2013. Is the Level of Taxation a Product of Culture? A Cultural Economics Approach // Society and Economy. – 2013. – Vol. 35. – Issue 4. – P. 513-529.

310. Kołczyńska M. J. Democratic values, education, and political trust // International Journal of Comparative Sociology. – 2020. – Vol. 61. – No. 1. – P. 3-26.

311. Korotaev, A. et al A Trap At The Escape From The Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia // Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution. – 2011. – Vol. 2. – No. 2. – P. 276-303.

312. Kumar, S., Giridhar, V., Sadarangani, P. 2019. A Cross-National Study of Environmental Performance and Culture: Implications of the Findings and Strategies // Global Business Review. – 2019. – Vol. 20. – Issue 4. – P. 1051-1068.

313. Lanzaro J. Conitnuidad y cambios en una vieja democracia de partidos. Uruguay 1910-2010 // Cuadernos del CLAEH. – 2012. – No. 100. – Serie 2. – P. 37-77.

314. Lanzaro J. Uruguay 2014: elecciones competitivas y partido de izquierda predominante // Revista SAAP. – 2015. – Vol. 9. – No. 1. – P. 11-41.

315. Le Foulon Morán C. Cooperation and polarization in a Presidential Congress: Policy networks in the Chilean Lower House 2006–2017 // Politics. – 2020. – Vol. 40. – No. 2.– P. 227-244.

316. Levi M. A Model, a Method, and a Map: Rational Choice in Comparative and Historical Analysis // Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure / ed. by M. I. Lichbach, A. S. Zuckerman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 19-41.

317. Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1. – No. 1. – P. 51-61.

318. Linz J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make a Difference? / Linz J. and Valenzuela A. (eds.) The Failure of Presidential Democracy: The Case of Latin America. – Baltimore, Md.: Johns Hopkins, 1994. – P. 3-87.

319. Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review. – 1959. – Vol. 53. – No 1. – P. 69-105.

320. Lipset S.M. Reflections on Capitalism, Socialism and Democracy // Journal of Democracy. – 1993. – Vol.2. – No 2. – P. 43-55.

321. Luna J. P. Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. – P. 75-124. / Fontaine A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. (Eds.), Reforma de los Partidos Políticos en Chile. Santiago: PNUD, CEP y CIEPLAN, 2008. – 447 p.

322. Luna J.P., Altman D. Uprooted but Stable: Chilean Parties and the Concept of Party System Institutionalization // Latin American Politics and Society. – 2011. – Vol. 53. – No 2.– P. 1-28.

323. Luna J. P. & Vergara A. Delegative Democracy Revisited: Latin America's Problems of Success // Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27. – No. 3. – P. 158-165.

324. Luo J. State of the World: Democracy's Impact on Social and Economic Development // V-Dem Institute Working Papers. – 2020. – P. 1-21.

325. Magar E. and Moraes J.A. Factions with Clout: Presidential Cabinet Coalition and Policy in the Uruguayan Parliament // Party Politics. – 2009. – Vol. 18. – No. 3. – P. 427-451.

326. Magar E. and Moraes J.A. Of Coalition and Speed: Passage and Duration of Statutes in Uruguay's Parliament, 1985-2000 // IBEI Working Papers. – 2008. – P. 1-33.

327. Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination // Comparative Political Studies. – 1993. – Vol. 26. – No. 2. – P. 198-228.

328. Mainwaring S. & Drutman L. The Case for Multiparty Presidentialism in the US – Why the House Should Adopt Proportional Representation // Protect Democracy and New America. – 2023. – P. 1-30.

329. Mainwaring S., Shugart M. Presidentialism and Democracy in Latin America: Rethinking the Terms of the Debate / Mainwaring S., Shugart M. (eds.) Presidentialism and Democracy in Latin America (P. 12-54). – Cambridge University Press, 1997. – 508 p.

330. Mainwaring S., Shugart M.S. Juan Linz, Presidentialism, and Democracy: A Critical Appraisal // Comparative Politics. – 1997. – Vol. 29. – No. 4. – P. 449-471.

331. Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. – 2000. – Vol. 29. – No. 4. – P. 507-548.

332. Mainwaring S. & Pérez-Liñan A. Democratic Breakdown and Survival // Journal of Democracy. – 2013. – Vol 24. – No. 2.– P. 123-137.

333. Mainwaring S., Torcal M. (2003) The political recrafting of social bases of party competition: The case of Chile 1973-1995 // British Journal of Political Science. – 2003. – Vol. 33. – No. 1.– P. 55-84.

334. March J. G. & Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” // ARENA Working Papers 11. – 2005. – P. 1-28.

335. Mario Leone A. and Pérez-Campanero J. Liberalization and Financial Crisis in Uruguay (1974-1987) // IMF eLibrary. – 1991. – 134 p. – URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/1991/030/article-A001-en.xml (дата обращения: 14.12.2024).

336. Marsteintredet L. Explaining variation of executive instability in presidential regimes: Presidential interruptions in Latin America // International Political Science Review. – 2014. – Vol. 35. – No. 2. – P. 173-194.

337. Martin R., Sunley P. The Place of Path Dependence in an Evolutionary Perspective on the Economic Landscape // The Handbook of Evolutionary Economic Geography / ed. by R. Boschma, R. Martin. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2010. – P. 62-92.

338. Martinez-Gallardo C. Designing Cabinets: Presidential Politics and Ministerial Instability // Journal of Politics in Latin America. – 2014. – Vol. 6. – No. 2. – P. 3-38.

339. Martinez-Gallardo C. Out of the Cabinet: What Drives Defections From the Government in Presidential Systems? // Comparative Political Studies. – 2011. – Vol. 45. – No. 1.– P. 62-90.

340. Martínez C. A. and Dockendorff A. Hyper-Presidentialism under Question (P. 54-74) / Llanos M & Maristeintredet L. (eds.) Latin America in Times of Turbulence. Presidentialism under Stress. – (Routledge Studies in Latin American Politics). New York: Routledge, 2023. – 240 p.

341. McEvoy K. J. Before the Rubble: Britain’s Secret Propaganda Offensive in Chile, 1960–1973 // Contemporary British History. – 2021. – Vol. 35. – No. 4. – P. 597-619.

342. Mechkova V., Lührmann, A. & Lindberg S. I. How much democratic backsliding? // Journal of Democracy. – 2017. – Vol. 28. – No. 4. – P. 162-169.

343. Meierrieks, D., Gries, T. Causality Between Terrorism and Economic Growth // Journal of Peace Research. – 2013. – Vol. 50. – Issue 1. – P. 91-104.

344. Melo M. A. Strong Presidents, robust Democracies? Separation of Powers and Rule of Law in Latin America // Brazilian Political Science Review. – 2009. – Vol. 3. – No 2.– P. 30-59.

345. Merkel W. and Lührmann A. Resilience of Democracies: Responses to Illiberal and Authoritarian Challenges // Democratization. – 2021. – Vol. 28. – No. 5. – P. 869-884.

346. Meyer J. W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 83. – No 2. – P. 340-363.

347. Midaglia C. and Antía F. The left wing in office: continuity or change in welfare policies? // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2007. – Vol. 3. – P. 1-20.

348. Milanesi A., Desarrollo Institucional y Caracterización del Centro de Gobierno en Uruguay // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 2017. – Vol. 26. – No 2. – P. 103-125.

349. Mimica N. & Navia P. Where did Hyper-Presidentialism Go? The Origin of Bills and Laws Passed in Chile, 1990–2022 // Journal of Politics in Latin America. – 2024. – Vol. 16. – No. 1. – P. 27-49.

350. Miranda Leibe L., Retamal Iturriaga R. Opinión pública en Chile durante la Unidad Popular: una revisión de «la tesis de la polarización» // Izquierdas. – 2019. – No. 47. – P. 97-116.

351. Moraes J.A. ‘Why Factions: Candidate Selection and Legislative Politics in Uruguay’ / Siavelis P. and Morgenstern S. (eds) Pathways to Power: Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America. – Philadelphia, PA: Penn State University Press, 2008. – 496 p.

352. Morgenstern S. Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay // Party Politics. – 2001. – Vol. 7. – No. 2. – P. 235-256.

353. Morgenstern S., Perez A., Peterson M. Revisiting Shugart and Carey's Relation of Executive Powers and Democratic Breakdown // Political Studies Review. – 2020. – Vol. 18. – No. 1. – P. 125-144.

354. Morgentern S., Polga-Hecimovich J., and Shair-Rosenfield S. Tall, Grande, or Venti: Presidential Powers in the United States and Latin America // Journal of Politics in Latin America. – 2013. – Vol. 5. – No. 2. – P. 37-70.

355. Morlino L. et al. The Quality of Democracy: An Overview // Journal of Democracy. – 2004. – Vol. 15. –No. 4. – P. 20-31.

356. Munck G. L., Leff C. Modes of Transition and Democratization. South America and Eastern Europe in Comparative Perspective // Comparative Politics. – 1997. – Vol. 29. – No. 3. – P. 343-362.

357. Munck G. L. Los Orígenes y la Durablidad de la Democracia en América Latina: Avances y Retos de una Agenda de Investigación // Revista de Ciencia Política. – 2010. – Vol. 30. – No. 3. – P. 573-597.

358. Munck G. L. The Theoretical Foundations of Critical Juncture Research: Critique and Reconstruction // Critical Junctures and Historical Legacies: Insights and Methods for Comparative Social Science / ed. by D. Collier, G. L. Munck. – Lanham, MD: Rowman, Littlefield, 2022. – P. 109-137.

359. Murtin F. & Wacziarg R. The Democratic Transition // Journal of Economic Growth. – 2014. – Vol. 19. – No. 2. – P. 141-181.

360. Navia P., Osorio R. 'Make the Economy Scream'? Economic, Ideological and Social Determinants of Support for Salvador Allende in Chile, 1970-3 // Journal of Latin American Studies. – 2017. – Vol. 49. – No. 4. – P. 771-797.

361. Nagy, S., Konyha Molnárné, C. The Effects of Hofstede's Cultural Dimensions on Pro-Environmental Behaviour: How Culture Influences Environmentally

Conscious Behaviour // Theory, Methodology, Practice. – 2018. – Vol. 14. - Issue 1. – P. 27-36.

362. Negretto G. L. Tinkering with executive term limits: partisan imbalances and institutional legacies in Latin America // Democratization. – 2021. – Vol. 29. – No. 1. – P. 38-56.

363. Neto O. A. The Presidential Calculus: Executive Policy Making and Cabinet Formation in the Americas // Comparative Political Studies. – 2006. – Vol. 39. – No. 4. – P. 415-440.

364. Nocetto L., Piñeiro R., Rosenblatt F. Uruguay 2019: Fin del ciclo progresista y reestructura del sistema de partidos // Revista de Ciencia Política. – 2020. – Vol. 40. – No. 2. – P. 511-538.

365. Nohlen D. La reforma del sistema binominal desde una perspectiva comparativa // Revista de Ciencia Política. Universidad Católica de Santiago de Chile. – 2006. – Vol. 26. – № 1. – P.191-202.

366. O'Donnell G. Delegative Democracy / Journal of Democracy. – 1994. – Vol. 5. – No. 1. – P. 55-69.

367. Panizza F., Ramos Larraburu C., Shrelis G. Unpacking Patronage: The Politics in Patronage Appointments in Argentina's and Uruguay's Central Public Administrations // The Journal of Politics in Latin America. – 2018. – Vol. 10. – No. 3. – P. 59-98.

368. Pastor D. Origins of the Chilean Binominal Election System // Revista de Ciencia Política. – 2004. –Vol. 24. – No. 1. – P. 38-57.

369. Peng, Y.-S., Lin, S.-S. 2009. National Culture, Economic Development, Population Growth and Environmental Performance: The Mediating Role of Education // Journal of Business Ethics. – 2009. – Vol. 90. – Issue 2. – P. 203-219.

370. Pereira C. & Melo M. A. The Surprising Success of Multiparty Presidentialism // Journal of Democracy. – 2012. – Vol. 23. – No. 3. – P. 156-170.

371. Pérez Antón R. Cuatro antagonismos sucesivos. La concreta instauración de la democracia uruguaya // Revista Uruguaya de Ciencia Política. – 1988. – Vol. 2. – P. 41-59.

372. Pérez-Liñán A. and Mainwaring S. Regime Legacies and Levels of Democracy: Evidence from Latin America // Comparative Politics. – 2013. – Vol. 45. – No. 4. – P. 379-397.

373. Pérez-Liñan A., Shmidt N. & Vairo D. Presidential hegemony and democratic backsliding in Latin America, 1925–2016 // Democratization. – 2019. – Vol. 26. – No. 4. – P. 606-625.

374. Pevnick, R. Democratic Stability and Backsliding // Political Philosophy. – 2024. – Vol. 1. – No. 2. – P. 514-544.

375. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // Političke perspective. – 2018. – Vol. 7. – No. 1-2. – P. 71-109.

376. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science // Political Science: State of the Discipline / ed. by I. Katznelson, H. V. Milner. – New York: W. W. Norton, 2002. – P. 693-721.

377. Pildes R. H. Political Parties and Constitutionalism // New York University Public Law and Legal Theory Working Papers. Paper 179. – 2010. – P. 1-20.

378. Pivel Devoto J. Historia de los Partidos Políticos en el Uruguay – Tomo 1. – Montevideo: Cámara de Representantes, 1994. – 206 p.

379. Polanco M. M. Propensión coalicional en Chile: un análisis de los casos del Frente Popular, la Unidad Popular y la Concertación de partidos por la democracia // CONfines de relaciones internacionales y ciencia política. – 2014. – Vol. 10. – No. 20. – P. 59-90.

380. Ponce de León M. Estado y Elecciones. La construcción electoral del poder en Chile, siglos XIX y XX. / Jaksic I., Rengifo F. (Eds.), Historia política de Chile, 1810-2010, Tomo II: Estado y sociedad. Santiago: Fondo de Cultura Económica, 2017. – P. 243-270.

381. Przeworski A. ¿Por qué tomarse la molestia de hacer elecciones? Pequeño manual para entender el funcionamiento de la democracia. – Buenos Aires: Siglo XXI Editores, 2019. – 173 p.

382. Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts // World Politics. – 1997. – Vol. 49. – No. 2. – P. 155-183

383. Ragazzoni D. Parties, Democracy, and the Ideal of Anti-factionalism: Past Anxieties and Present Challenges // Ethics and International Affairs. – 2022. – Vol. 36. – No. 4. – P. 475-485.

384. Ragin C., De Meur G., Benoît R., Berg-Schlosser D. Qualitative Comparative Analysis (QCA) as an Approach / in Benoît R. & Ragin C. (eds.) Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques. – SAGE Publications, Inc., 2009. – 240 p.

385. Real de Azua C. El Uruguay y sus problemas en el siglo XIX. – Montevideo: CELA (Centro Editor de América Latina), 1968. – 123 p.

386. Rey M. Políticos golpistas. Pacheco y el pachequismo en la instalación de la dictadura en Uruguay (1973-1974) // Encuentros Uruguayos. – 2023. – Vol. 16. – No. 2. – P. 1-25.

387. Rodríguez Almada P. Los pactos de coparticipación en el gobierno ocurridos en la segunda mitad del siglo XIX y principio del siglo XX en Uruguay: mutaciones constitucionales orales y proceso constituyente // Revista de Derecho. – 2020. – No 22. – P. 1-18.

388. Rød E. G., Knutsen C.H., Hegre H. The Determinants of Democracy: A Sensitivity Analysis // Public Choice. – 2020. – Vol. 185. – No. 2. – P. 87-111.

389. Matthews L. J. & Atkinson Q. D. The Cultural Foundations of Modern Democracies // Nature Human Behavior. – 2020. – Vol. 4. – No. 3. – P. 265-269.

390. Ruiz Godoy P. Hacia una «transición modelo»: influencia y significación de la transición española en la oposición chilena a la dictadura (1980–1987) // Izquierdas. – 2015. – No 24. – P. 127-149.

391. Ruiz Rodríguez L. M., Miranda Olivares N. La evolución programática de las coaliciones en Chile // Revista Latinoamericana de Política Comparada. – 2017. – Vol. 13. – P. 57-78.

392. Russel M. & Serban R. The Muddle of the ‘Westminster Model’: A Concept Stretched beyond Repair // Government and Opposition. – 2020. – Vol. 56. – No. 4. – P. 1-21.

393. Saiegh S. M. Policy differences among parliamentary and presidential systems / Congleton R., Grofman B. and Voigt S. (eds.) Oxford Handbook of Public Choice, Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2019. – 1016 p.

394. Santos M. L., Pérez-Liñán A. & García Montero M. El Control Presidencial de la Agenda Legislativa en América Latina // Revista de Ciencia Política. – 2014. – Vol. 33. – No. 3. – P. 511-536.

395. Schiappacasse I., Sánchez-Ancochea D. Can Powerful Dictators Escape ‘The Market as Prison’? The Case of Pension Privatisation in Pinochet’s Chile // Journal of Latin American Studies. – 2024. – Vol. 56 – No. 3. – P. 465-495.

396. Schmidt V. A. Institutionalism // The Encyclopedia of Political Thought / ed. by M. T. Gibbons, D. Coole, E. Ellis, K. Ferguson. Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 2014. – P. 1836-1839.

397. Seguel-Gutiérrez P. La organización de la represión y la inteligencia en la dictadura militar chilena. Del copamiento militar del territorio al surgimiento de la Dirección de Inteligencia Nacional: Región Metropolitana, 1973-1977 // Izquierdas. – 2020. – Vol. 49. – P. 767-796.

398. Semino M. Panorama del nuevo sistema electoral / Mata Prates C. (ed) Reflexiones sobre la reforma constitucional de 1996. – Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1998. – 150 p.

399. Shennan, S. Demography and Cultural Innovation: A Model and Its Implications for the Emergence of Modern Human Culture // Cambridge Archaeological Journal. – 2001. – Vol. 11. – Issue 1.– P. 5-16.

400. Shepard B. The “Double Discourse” on Sexual and Reproductive Rights in Latin America: The Chasm between Public Policy and Private Actions // Health and Human Rights. – 2000. – Vol. 4. – No. 2. – P. 110-143.

401. Shugart, M.S. and Carey, J.M. Criticisms of presidentialism and responses / Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 28-54.

402. Siavelis P. M. Chile: las relaciones entre el poder ejecutivo y el poder legislativo después de Pinochet. / Lanzaro J. (ed.) Tipos de Presidencialismo y Coaliciones Políticas en América Latina (P. 203-249). – Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales, 2001. – 359 p.

403. Siavelis P. M. Sistema electoral, desintegración de coaliciones y democracia en Chile: ¿El fin de la Concertación? // Revista de Ciencia Política. – 2004. – Vol. 24. – No. 1. – P. 58-80.

404. Siavelis, P. M., & Morgenstern, S. Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America: A framework for Analysis. / P. M. Siavelis & S. Morgenstern (Eds.), Pathways to power: Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America (P. 3-38). – University Park: Pennsylvania State University Press, 2008. – 496 p.

405. Siavelis P. M. Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection // Journal of Politics in Latin America. – 2016. – Vol. 8. – No. 3. – P.61-93.

406. Singer M. Elite polarization and the electoral impact of left-right placements: Evidence from Latin America, 1995–2009 // Latin American Research Review. – 2016. – No. 51. – Vol. 2. – P. 174-194.

407. Sisk T. D. Presidentialism, Ethnic Violence and the Risk of Overgeneralization // Ethnopolitics. – 2012. – Vol. 12. – No. 1. – P. 86-88.

408. Somer, M., McCoy, J. L. and Luke, R. E. Pernicious polarization, autocratization and opposition strategies // Democratization. – 2021. – Vol. 28. – No. 5.– P. 929-948.

409. Sorensen A. Taking critical junctures seriously: theory and method for causal analysis of rapid institutional change // Planning Perspectives. – 2022. – Vol. 38. – No. 5. – P. 929-947.

410. Sosa Á. Concertando la democracia. La experiencia de la Conapro en la transición uruguaya (1984-1985) // Contemporánea. – 2019. – Vol. 10. – No. 1. – P. 37-56.

411. Stagnaro Bonilla J. Dictadura, Izquierda y Democracia en Uruguay. Transformación discursiva de la izquierda uruguaya pos dictadura // Encuentros Latinoamericanos (segunda época). – 2016. – Vol. 1. – No. 1. – P. 208-248.

412. Steinmo S. Historical Institutionalism in Political Science // APSA 2014 Meeting. – 2014. – P. 1-28.

413. Stepan A. and Skach C. Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation: Parliamentarism Versus Presidentialism // World Politics. – 1993. – Vol. 46. – No. 1. – P. 1-22.

414. Sternkopf M. International actors and national policies: the introduction of the national care system in Uruguay // Policy Sciences. – 2024. – 57.– P. 639-661.

415. Svolik M.W. Which Democracies Will Last? Coups, Incumbent Takeovers, and the Dynamic of Democratic Consolidation // Quarterly Journal of Political Science. – 2015. – Vol. 10. – No. 4. – P. 465-499.

416. Tealdi J. P. Los Apuntes de Battle // Revista De Derecho Público. – 2014. – Vol. 23. – No. 45.– P. 103-113.

417. Tellis, G. J., Prabhu, J. C., Chandy, R. K. Radical Innovation Across Nations: The Preeminence of Corporate Culture // Journal of Marketing. – 2009. – Vol. 73. – Issue 1. – P. 3-23.

418. Tironi E., Agüero F., Valenzuela E. Clivajes políticos en Chile: Perfil sociológico de los electores de Lagos y Lavín. Revista Perspectivas. – 2001. – Vol. 5. – P. 73-87.

419. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. – 1999. – Vol. 2. – P. 364-404.

420. Thiem A. and Dus ̧a A. QCA: A Package for Qualitative Comparative Analysis // The R Journal. – 2013. – Vol. 5. – No 1. – P. 87-97.

421. Thijm J. & Fernandes J. M. Parties and Coalition Governance in Presidential Democracies // Political Research Quarterly. – 2025. – Vol. 78. – No. 2. – P. 481-494.

422. Trager R. F. & Vavreck L. The Political Costs of Crisis Bargaining: Presidential Rhetoric and the Role of Party // American Journal of Political Science. – 2011. – Vol. 55. – No. 3. – P. 526-545.

423. Treisman D. Economic Development and Democracy: Predispositions and Triggers // Annual Review of Political Science. – 2020. – Vol. 23. – No. 1. – P. 241-257.

424. Tsebelis G. Decision Making in Political Systems: Veto Players in Presidentialism, Parliamentarism, Multicameralism and Multipartyism // British Journal of Political Science. – 1995. – Vol. 25. – No. 3. – P. 289-325.

425. Valenzuela J. S. The Origins and Transformations of the Chilean Party System // Working Paper 215. – 1995. – P. 1-60.

426. Valenzuela J. S. La ley electoral de 1890 y la democratización del régimen político chileno // Estudios Públicos. – 1998. – No. 71. – P. 265-296.

427. Valenzuela A. Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy / L. Diamond, J. Hartlyn, J. Linz y S. Lipset (editores), Democracy in Developing

Countries: Latin America. Segunda edición. Londres: Lynne Rienner, 1999. – P. 191-247.

428. Valerio J. R. Tradiciones institucionales y consolidación democrática en Uruguay // CONfines. – 2004. – Vol. 1. – No. 1. – P. 133-163.

429. Viera Manrique J. A. Origen de los Partidos Tradicionales Uruguayos // Universidad de la República. – 2022. – P. 1-59.

430. Waldner D., Lust E. Unwelcome Change: Coming to Terms with Democratic Backsliding // Annual Review Political Science. – 2018. – Vol. 21. – P. – 93-113.

431. Weyland K. Toward a new theory of institutional change // World Politics. – 2008. – Vol. 60. – P. 281-314.

432. Williams L. K. & McGuire S. J. Economic Creativity and Innovation Implementation: The Entrepreneurial Drivers of Growth? Evidence from 63 Countries // Small Business Economics. – 2010. – Vol. 34. – No. 4. – P. 391-412.

433. Yacout O. M., Hefny L. I. Use of Hofstede's Cultural Dimensions, Demographics, and Information Sources as Antecedents to Cognitive and Affective Destination Image for Egypt // Journal of Vacation Marketing. – 2015. – Vol. 21. – Issue 1. – P. 37-52.

434. Yaffé J. La caída de la democracia en Uruguay cincuenta años después. Reflexiones y aprendizajes // Contemporánea. – 2025. – Vol. 19. – No. 1. – P. 265-279.

435. Yeganeh H. Culture and Corruption: A Concurrent Application of Hofstede's, Schwartz's and Inglehart's Frameworks. International // Journal of Development Issues. – 2014. – Vol. 13. – Issue 1. – P. 2-24.

436. Zien K. A. & Buckler S. A. Dreams to market: crafting a culture of innovation // Journal of Product Innovation Management. – 1997. – Vol. 14. – No 4. – P. 274-287.

437. Zucco C. Jr. Legislative Coalitions in Presidential Systems: The Case of Uruguay // Latin American Politics and Society – 2013. – Vol. 55. – No. 1 – P. 96-118.